

Ганс-Герман Хоппе

ДЕМОКРАТИЯ
НИЗВЕРГНУТЫЙ БОГ

Экономика и Политика Монархии,
Демократии и Естественного Порядка

СОДЕРЖАНИЕ

1. Временные предпочтения, правительство и процесс децивилизации	3
2. О монархии, демократии и идее естественного порядка	39
3. О монархии, демократии, общественном мнении и делегитимизации	69
4. О демократии, перераспределении и уничтожении собственности	89
5. О централизации и отделении	98
6. О социализме и десоциализации	108
7. О свободной иммиграции и принудительной интеграции	120
8. О свободной торговле и ограниченной иммиграции	131
9. О сотрудничестве, племени, городе и государстве	148
10. О консерватизме и либертарианстве	161
11. Об ошибках классического либерализма и будущем свободы	188
12. О правительстве и частном производстве обороны	201
13. О невозможности ограниченного правительства и перспективе революции.	234

Демократия – низвергнутый Бог

Экономика и политика Монархии, Демократии и Естественного
Порядка

Ганс-Герман Хоппе

Основой этой книги является систематическая трактовка исторического перехода Запада от монархии к демократии. Ревизионистская по характеру, она описывает, почему монархия меньше зло, чем демократия, но при этом находит недостатки в обоих. Ее методология аксиомативно-дедуктивная, она позволяет писателю выводить экономические и социологические теоремы, а затем применять их для интерпретации исторических событий.

Неотразимая глава о временных предпочтениях объясняет процесс цивилизации как результат снижающихся ставок временного предпочтения и постройки структуры капитала, и объясняет, как взаимодействия между людьми могут снизить ставку временных предпочтений, проводя параллели с Рикардианским Законом об образовании связей. Сфокусировавшись на этом, автор интерпретирует разные исторические феномены, такие как рост уровня преступности, деградация стандартов морали и рост сверхгосударства. Подчеркивая недостатки как монархии, так и демократии, автор показывает, почему эти системы хуже естественного порядка, основанного на частной собственности.

Хоппе разрушает веру классического либерализма в возможность существования ограниченного государства и призывает к объединению консерватизма и либертарианства как естественных союзников с одинаковыми целями. Эта книга дополняет предыдущие работы автора защищая этику частной собственности и естественного порядка. Данная книга будет интересна изучающим историю, политэкономию и политическую философию.

1. Временные предпочтения, правительство и процесс децивилизации

ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

В своих действиях человек неизменно стремится заменять более удовлетворительным менее удовлетворительное положение дел и таким образом демонстрирует предпочтение большему количеству благ, а не меньшему. Кроме того, он неизменно рассматривает, когда в будущем его цели будут достигнуты, т.е. время, необходимое, чтобы достигнуть их, а также длительность полезного эффекта. Таким образом он также демонстрирует универсальное предпочтение более ранним благам, чем более поздним, и более длительным, чем менее длительным. Это – явление временного предпочтения.

Каждому человеку требуется определенное количество времени, чтобы достичь своей цели, и поскольку человек должен всегда что-то потреблять и не может полностью прекратить потребление, пока он жив, время всегда находится в дефиците. Таким образом, при прочих равных условиях, настоящие или более ранние товары являются и должны неизменно быть оценены более высоко, чем будущие или более поздние. Фактически, если бы человек не был ограничен временным предпочтением, и если единственным ограничивающим фактором для него было то, что он предпочитал больше благ, чем меньше, он неизменно выбирал бы те производственные процессы, которые обеспечивали наибольший выход на каждый вход, независимо от продолжительности времени, необходимого для получения результата. Он всегда бы сберегал и никогда бы не потреблял. Например, вместо того, чтобы сначала создать рыболовную сеть, Крузо начал бы строить рыболовное судно, так как это экономически наиболее эффективный метод ловли рыбы. То, что никто, включая Крузо, не может действовать таким образом, демонстрирует, что человек не может не «оценивать те же периоды времени по-другому, смотря на то, насколько они отдалены от момента принятия решения». «То, что ограничивает объем сбережения и инвестиций – временное предпочтение».

Ограниченный временным предпочтением, человек обменивает существующие блага на будущие, только если он будет ожидать увеличение своего количества благ. Уровень временного предпочтения, который отличается от человека человеку и от одной точки времени к следующей, но всегда принимает положительное значение для каждого человека определяет размер удовлетворения от теперешних благ относительно будущих, а также сумму сбережений и инвестиций. Рыночная процентная ставка – совокупная сумма всех отдельных показателей временного предпочтения, отражающая общественный уровень временного предпочтения и уравнивающая общественные сбережения (т.е. объем существующих товаров, предлагаемых для обмена против будущих благ) и общественные инвестиции (т.е. спрос на существующие блага предполагаемые к получению будущей прибыли).

Инвестиционные фонды не могут существовать без предыдущих сбережений, т.е. без воздержания от возможного потребления существующих товаров (избытка текущего производства по текущему потреблению). И никакой спрос на инвестиционные фонды не существовал бы, если бы никто не чувствовал возможности использовать существующие товары продуктивно, т.е. инвестировать их, чтобы произвести будущую продукцию, которая превысит количество или качество существующей. Действительно, если бы все существующие товары потреблялись и ни один не был инвестирован, процентная ставка была бы бесконечно высока, которая где угодно за пределами Райского Сада, будет эквивалентна существованию на уровне животных, т.е. жить, сталкиваясь с действительностью только с голыми руками и желанием мгновенного удовлетворения.

Спрос на инвестиционные фонды возникает только если сначала признать, что косвенные (более окольные, более длинные) производственные процессы дают большую или лучшую продукцию на выходе, чем прямое и короткое производство. Во-вторых, должно быть накоплено количество настоящих (потребительских) благ необходимых для обеспечения необходимых потребностей в течении производства будущих благ.

Пока эти условия выполнены, формирование капитала и накопление будут продолжаться. Земля и труд (первоначальные факторы производства), вместо того, чтобы быть задействованными в краткосрочных производственных процессах, поддерживаются избытком потребительских благ и используются в производстве средств производства. У средств производства нет стоимости кроме стоимости как промежуточных средств в процессе производства конечного, более дальнего продукта, поскольку производство конечных продуктов более продуктивно с промежуточными средствами, чем без них. Цена на инвестиционный товар возникает из-за этой разницы во времени. Это цена, заплаченная за выигрыш времени, за продвижение к завершению конечной цели. По той же причине ценность конечной продукции должна превысить сумму, потраченную на ее факторы производства (цена, заплаченная за инвестиционный товар и все дополнительные трудовые услуги).

Чем ниже уровень временного предпочтения, тем ранее начнется процесс формирования инвестиционного капитала и быстрее производственный процесс будет усовершенствован. Любое увеличение накопленных средств производства и усовершенствование производственной структуры в свою очередь повышает крайнюю производительность труда. Это приводит к увеличению занятости или ставок заработной платы. Увеличение количества средств производства и повышение ставок заработной платы приведет к увеличению количества произведенного конечного общественного продукта, поднимая реальные доходы владельцев капитала и земли.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВРЕМЕННОЕ ПРЕДПОЧТЕНИЕ И ПРОЦЕСС ЦИВИЛИЗАЦИИ

Среди факторов, влияющих на временное предпочтение, можно различать внешние, биологические, личные и социальные факторы.

Внешние факторы – события в физической среде действующего человека, результатом которых он не может управлять ни непосредственно, ни косвенно. Такие события затрагивают временное предпочтение настолько, насколько они ожидаются. Они могут быть двух видов. Если

ожидается положительное событие, такое как манна, падающая с небес, предельная полезность будущих товаров будет падать по сравнению с нынешними товарами. Ставка временного предпочтения будет повышаться, и потребление будет стимулироваться. После того, как ожидаемое событие произошло, и теперь большее предложение будущих товаров превратилось в большее предложение текущих товаров, произойдет обратное. Ставка временного предпочтения будет снижаться, а сбережения будут увеличиваться.

С другой стороны, если ожидается негативное событие, такое как наводнение, возрастает предельная полезность будущих товаров. Ставка временного предпочтения будет снижаться, а сбережения будут увеличиваться. После такого события из-за уменьшенного предложения текущих товаров ставка будет повышаться.

Биологические процессы технически находятся в пределах досягаемости человека; но для всех практических целей и в обозримом будущем они тоже должны рассматриваться как данность человека, аналогичная внешним событиям.

Это данность, что человек рождается ребенком, что он вырастает, чтобы быть взрослым, что он способен на продолжение рода в течение своей жизни, и что он стареет и умирает. Эти биологические факты имеют прямое отношение к временным предпочтениям. Из-за ограниченного познавательного развития у детей чрезвычайно высокий коэффициент временного предпочтения. Они не обладают четким пониманием личной продолжительности жизни, продолжающейся в течение длительного периода времени, и им не хватает полного понимания производства как способа косвенного потребления. Соответственно, настоящие товары и немедленное удовлетворение крайне предпочтительны относительно будущих товаров и отсроченного удовлетворения. Сберегательно-инвестиционная деятельность редка, а периоды производства и сбережения редко выходят за рамки ближайшего будущего. Дети живут изо дня в день и получают одно мгновенное удовлетворение.

В процессе становления взрослым, изначально чрезвычайно высокая ставка временного предпочтения у человека, как правило, падает. С учетом ожидаемой продолжительности жизни и возможностей производства как средства косвенного потребления возрастает предельная полезность будущих благ. Стимулируются экономия и инвестиции, а сроки производства и обеспечения продлены.

Наконец, становясь старыми и приближаясь к концу своей жизни, ставка временного предпочтения имеет тенденцию к росту. Предельная полезность будущих товаров падает, потому что самого будущего у человека осталось меньше. Экономия и инвестиции уменьшатся, а потребление, включая невозвращение капитала и товаров длительного пользования, возрастет. Однако этот эффект может быть предотвращен и приостановлен. Из-за биологического факта деторождения его ставка предпочтения может оставаться на уровне взрослого до его смерти, из-за мотивации обеспечить будущими благами своих потомков.

В рамках ограничений, налагаемых внешними и биологическими факторами, человек устанавливает свою ставку предпочтения в соответствии с его субъективными оценками. Насколько высокий или низкий этот показатель и какие изменения он будет испытывать в течение своей жизни, зависят от личных психологических факторов. Один человек может не заботиться ни о чем, кроме настоящего и самого ближайшего будущего. Как ребенок, он может быть заинтересован только в мгновенном или минимально отложенном удовлетворении. В соответствии с его высоким временным предпочтением он может захотеть быть бродягой, пьяницей, наркоманом, мечтателем или просто счастливым парнем, который любит работать как можно меньше, чтобы наслаждаться каждым днем в полной мере. Другой человек может постоянно беспокоиться о своем будущем и будущем своего потомства и с помощью сбережений может захотеть создать постоянно растущий запас капитала и товаров длительного пользования, чтобы обеспечить все больший запас будущих благ и более длительный положительный эффект от них. Третий человек может чувствовать предпочтение в какой-то степени между этими

крайностями, или он может чувствовать разную степень в разное время и, следовательно, выбрать для себя соответствующий образ жизни.

Однако, независимо от того, какова первоначальная ставка предпочтения человека или первоначальное распределение таких ставок в пределах определенного населения, как только оно будет достаточно низким, чтобы обеспечить любую экономию, накопление капитала или долговременное сбережение потребительских товаров, тенденция к падению уровня временного предпочтения приводится в движение, сопровождаясь «процессом цивилизации».

Сберегатели обменивают присутствующие (потребительские) товары на будущие (капитальные) товары с ожиданием того, что они будут способствовать увеличению предложения товаров в будущем. Если бы они ожидали иначе, они бы не сберегали. Если эти ожидания окажутся верными, и если все остальное останется прежним, то предельная полезность нынешних товаров по сравнению с будущими будет падать. Его ставка предпочтения будет ниже. Он будет экономить и инвестировать больше, чем в прошлом, и его будущий доход будет еще выше, что приведет к еще одному снижению его ставки предпочтения. Шаг за шагом ставка предпочтений приближается к нулю (но никогда не может его достичь). В денежной экономике, как результат вложения настоящих денег, сберегатель рассчитывает получить более высокий доход реальных денег позже. При более высоком доходе предельная полезность нынешних денег падает относительно будущих денег, доля сбережений возрастает, а будущие денежные доходы будут еще выше.

Более того, в условиях обменной экономики вкладчик-хранитель также способствует снижению ставки временного предпочтения у тех, кто не делал сбережений. При накоплении капитальных благ увеличивается нехватка трудовых услуг, а ставки заработной платы, при прочих равных условиях, повысятся. Более высокие ставки заработной платы подразумевают увеличение предложения текущих товаров для предыдущих не хранителей. Таким образом, даже те люди, которые ранее

не сберегали, заметят, что их личные ставки временного предпочтения снижаются.

Кроме того, как косвенный результат увеличения реальных доходов, вызванных сбережениями, питание и здравоохранение улучшается, а продолжительность жизни, как правило, возрастает. При более высокой ожидаемой продолжительности жизни более отдаленные цели добавляются к нынешней шкале ценностей человека. Предельная полезность будущих товаров по сравнению с нынешними возрастает, а ставка временного предпочтения снижается.

Этим хранитель-инвестор инициирует «процесс цивилизации». Создавая тенденцию к падению временного предпочтения, он (и каждый, кто прямо или косвенно связан с ним через сеть обменов) созревает от детства до взрослой жизни и от варварства до цивилизации.

При создании расширяющейся структуры капитала и долговременных потребительских товаров, хранитель-инвестор также неуклонно расширяет диапазон и горизонт своих планов. Число изменчивых факторов, находящихся под его контролем увеличивается. Соответственно, это увеличивает количество и временные горизонты его прогнозов относительно будущих событий. Следовательно, хранитель-инвестор заинтересован в приобретении и неуклонном улучшении своих знаний относительно увеличения числа контролируемых переменных факторов и их взаимосвязей. Однако, как только он приобрел или улучшил свои собственные знания, они отображаются его в действиях, такое знание становится «бесплатным благом», доступным для подражания и использования другими в своих целях. Таким образом, благодаря спасению сберегателя, даже самый кратковременно ориентированный человек будет постепенно превращаться из варвара в цивилизованного человека. Его жизнь перестает быть короткой, жестокой и противной, и она становится длиннее, возрастает, улучшается и становится более комфортной.

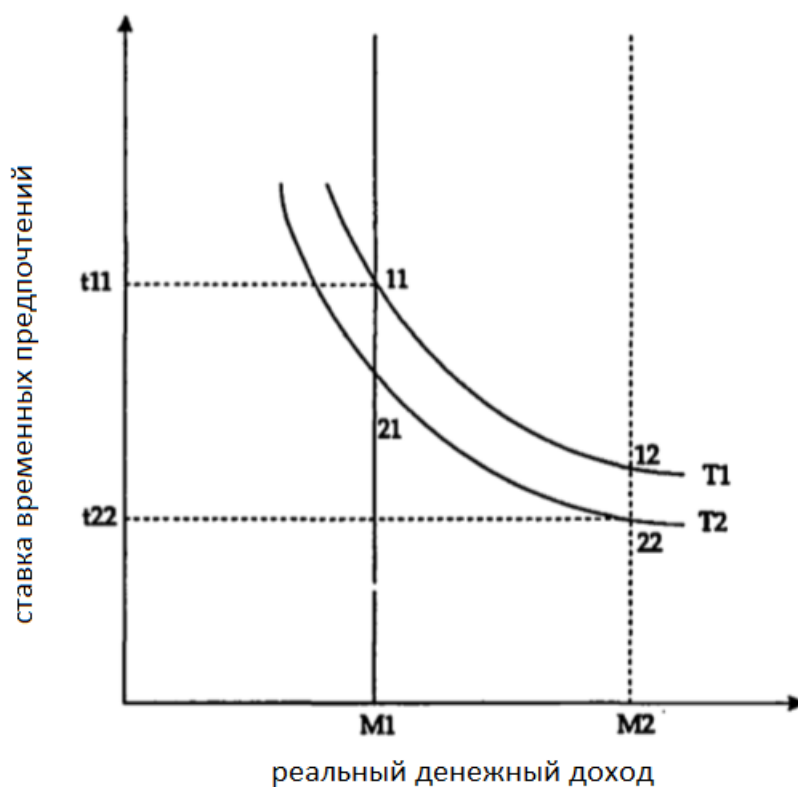

Рисунок 1

На рисунке 1 представлена графическая иллюстрация феноменов временного предпочтения и процесса цивилизации. Она связывает индивидуальные ставки временного предпочтения по вертикальной оси к реальным денежным доходам человека по горизонтали. В соответствии с законом предельной полезности каждая индивидуальная кривая временного предпочтения, такая как T1 или T2, склоняется вниз по мере увеличения предложения настоящих денег. Процесс цивилизации изображается движением из точки 11 – со ставкой временных предпочтений t_{11} до точки 22 – с временным предпочтением t_{22} . Это движение представляет собой составное соотношение между двумя взаимосвязанными изменениями. С одной стороны, это связано с движением по T1 с точки 11 до 12, что представляет собой падение временного предпочтения, которое возникает, если индивидуум обладает большим запасом существующих товаров. С другой стороны, происходит движение от пункта 12 до 22. Это изменение от более высокой до более низкой кривой временного предпочтения представляет собой изменения в

личности, которые происходят во время перехода от детства во взрослую жизнь, в процессе роста ожидаемой продолжительности жизни или в результате развития знаний.

Фактическое количество текущих товаров, предназначенных для производства будущих товаров, зависит от технических знаний человека. Например, без знания того, как построить рыболовную сеть, Крузо, очевидно, не мог бы начать обмен текущими товарами на будущие, то есть сэкономить и инвестировать. С другой стороны, учитывая технические знания человека, размер экономии зависит только от предложения текущих товаров и кривой его предпочтений. Чем меньше его запас существующих товаров и чем выше его кривая предпочтений, тем выше его ставка предпочтений и тем ниже его фактическая экономия.

В начале человечества существовала только «земля» (природные ресурсы и препятствия) и «труд» (человеческие тела). Строго говоря, единственным источником любой пользы было тело и время. Поставка всех других товаров – будь то скоропортящиеся или долговечные потребительские товары, такие как ягоды или пещеры, или косвенно полезные товары (производственные факторы), такие, как ягодные кустарники и их окружающие земли даны не были. Это результат чьего-либо действия, присвоения природы конкретным лицом. Разумеется, факты и законы природы и человеческой биологии являются «данностями», и природа как таковая может быть щедрой или скудной. Но только через акт присвоения индивидуумом природа превращается в запас товаров. Еще более очевидно, что поставка всех произведенных товаров не «дана». Будь то товары народного потребления, которые хранятся или производятся более долговечными или факторы производства (капитальные товары), все они являются результатом деятельности конкретных лиц. Наконец, технические знания также не являются «данными». Один картофель, спасенный сегодня, может дать десять картофелей через год, может быть фактом природы, но сначала нужно получить картофель. И все же, даже имея картофель его сохранение было бы неактуальным для человека, если только этот человек не знает правила выращивания картофеля.

Таким образом, ни поставка настоящих товаров, ни технологии не являются предоставленными. Они являются артефактами, созданными с целью улучшения благосостояния их создателя. Ожидания могут оказаться правильными или неправильными, и вместо того, чтобы получать прибыль, действия могут привести к потере. Но никто не мог тратить время на сбор ягод, если только он не ожидал, что ягоды будут съедобными. Никто не вырастил бы ягодный куст, если бы не подумал, что это усилит его урожай ягод. Никто не хотел бы узнавать о каком-либо факте или законе природы, если бы он не ожидал, что такие знания помогут ему улучшить его обстоятельства.

В социальном контексте на кривую временных предпочтений и, следовательно, на ставку временных предпочтений, могут также влиять действия (и ожидания действий) других людей.

Тенденция к снижению временных предпочтений и сопутствующему процессу цивилизации будет продолжаться до тех пор, пока предполагается, что никто не вмешивается в чужие акты присвоения и производства. До тех пор, пока это так, и каждый человек уважается всеми остальными как владелец его тела, труда и любых товаров, которые он присвоил и произвел таким образом, чтобы каждый мог пользоваться, невзирая на других, существование более чем одного человека либо оставляет тенденцию к падению временных предпочтений неизменным, либо даже ускоряет и усиливает сам процесс. Первый случай имеет место, если А присваивает права собственности на ранее не принадлежащие никому природные блага, или если он превращает такие блага в другие, не причинив какого-либо физического ущерба благам, принадлежащим другому лицу В. Количество текущих товаров, или их стоимость для А увеличивается, и, следовательно, при прочих равных условиях, его ставка временного предпочтения будет падать. Поскольку акты А не влияют на количество товаров, принадлежащих В, ставка временного предпочтения В остается неизменной. Кроме того, тенденция снижения ставки предпочтений будет ускорена, поскольку отношения А и В, основанные на взаимном признании собственности друг друга, они участвуют в добровольной торговле или сотрудничестве даже без такого обмена,

поскольку они просто наблюдают за деятельностью друг друга и копируют знания друг друга. Для любой добровольной торговли или сотрудничества между А и В увеличивается предложение и/или стоимость, приложенная к товарам обеих сторон, и, следовательно, ставка предпочтений А и В упадет. Более того, изучая факты и законы друг от друга, например, что такое картофель, что картофель можно съесть, или что настоящий картофель может дать десять будущих, склонность к падению временных предпочтений распространяется от одного человек к другому.

Однако, если происходят нарушения прав собственности, и товары, присвоенные или произведенные А, украдены, повреждены или экспроприированы В, или если В ограничивает действия, которые А разрешено делать с его товарами каким-либо образом (за исключением того, что ему не разрешено вызывать любое физическое повреждение товаров В), тенденция к падению временных предпочтений будет нарушена, остановлена или даже отменена.

Нарушения прав собственности и влияния, которые они оказывают на процесс цивилизации, могут быть двух видов. Они могут принимать форму преступной деятельности (включая небрежное поведение), или они могут принимать форму институционального или государственного вмешательства.

Характерной чертой криминальных вторжений в имущественные права является то, что такая деятельность считается незаконной или несправедливой не только жертвой, но и собственниками имущества в целом (и, возможно, самим преступником). Следовательно, считается, что жертва имеет право защищаться, если это необходимо, ответной силой, и она может наказать и/или взыскать компенсацию от правонарушителя.

Воздействие преступности двоякое. С одной стороны, преступная деятельность уменьшает количество товаров пострадавшего владельца, тем самым повышая его ставку временного предпочтения. С другой стороны, поскольку люди воспринимают риск будущего вторжения, они соответственно перераспределяют свои ресурсы. Они будут строить стены и заборы, устанавливать замки и системы сигнализации, проектировать или

покупать оружие, а также приобретать услуги по защите и страхованию. Таким образом, наличие преступности означает неудачу в процессе снижения временного предпочтения в отношении реальных жертв, что приводит к расходам фактическими и потенциальными жертвами, которые считаются расточительными без существования преступления.

Следовательно, преступность или изменение ее частоты оказывают одинаковое влияние на временные предпочтения, как появление или изменение частоты «естественных» бедствий. Наводнения, штормы, тепловые волны и землетрясения также уменьшают количество благ и тем самым повышают их эффективную ставку временного предпочтения. И воспринимаемое изменение рисков стихийных бедствий также приводит к перераспределению ресурсов и корректировкам расходов, таким как строительство плотин, дамб, приютов или покупка страхования от землетрясений, что было бы ненужным без этих естественных рисков.

Что еще более важно, однако, поскольку фактическим и потенциальным жертвам разрешено защищаться и страховать себя от социальных бедствий, таких как преступность, а также от природных, влияние этих бедствий являются временными и бессистемными. Фактические жертвы будут экономить или инвестировать меньшее количество товаров, потому что они беднее. И изменение восприятия риска среди реальных и потенциальных жертв определяет направление их будущих действий. Но до тех пор, пока разрешена физическая защита, существование социальных или стихийных бедствий не означает, что уровень предпочтения фактических или потенциальных жертв (их степень ориентации на будущее) будет систематически изменен. После принятия рисков ущерба и перенаправления своих действий, тенденция к снижению ставки предпочтения и продолжению процесса цивилизации возобновит свой предыдущий путь. Конечно же, ожидается, что защита как от преступлений, так и от стихийных бедствий будет продолжаться постоянно.

Вопросы коренным образом меняются, и процесс цивилизации постоянно останавливается, когда нарушения прав собственности

принимают форму государственного вмешательства. Отличительной чертой государственных нарушений прав частной собственности является то, что вопреки преступной деятельности они считаются законными не только правительственными агентами, которые их инициируют, но и широкой общественностью (и в редких случаях, возможно, даже жертвой). Следовательно, в этих случаях жертва не может законно защищаться от таких нарушений.

Наложение государственного налога на имущество или доход нарушает права собственности или доходов производителя так же, как и кража. В обоих случаях поставка товара изготовителем уменьшается без его согласия. Создание правительственных денег или создание «ликвидности» предполагает не менее мошенническую экспроприацию частной собственности, чем операции преступной банды-фальшивомонетчика. Более того, любое правительственное постановление о том, что может и не может делать владелец со своим имуществом, помимо правила, согласно которому никто не может физически повредить имущество других лиц и что все обмены и торговля с другими должны быть добровольными и договорными, подразумевает влияние на чье-либо имущество, аналогичное актам вымогательства, грабежа или разрушения. Но налогообложение, государственное регулирование ликвидности и правительственные постановления, в отличие от их преступных коллег считаются законными, а жертва государственного вмешательства, в отличие от жертвы преступления не имеет права на физическую защиту и защиту своего имущества.

Из-за легитимности правительство влияет на индивидуальные временные предпочтения систематически и гораздо глубже, чем преступление. Как и преступление, вмешательство государства в права частной собственности уменьшает чей-то запас существующих товаров и, таким образом, повышает его эффективную ставку предпочтений. Однако правительственные преступления, в отличие от преступлений, одновременно повышают ставку предпочтения и реальных, и потенциальных жертв, поскольку они также подразумевают сокращение предложения будущих товаров (снижение нормы прибыли на инвестиции).

Преступление, потому что оно незаконно, происходит только периодически – грабитель исчезает со сцены с его добычей и оставляет свою жертву в покое. Таким образом, преступность может быть решена путем увеличения потребности в защите товаров и услуг (по сравнению с текущими защитными благами), чтобы восстановить или даже увеличить будущие темпы возврата инвестиций и сделать менее вероятными, что тот же или другой разбойник преуспеет во второй раз с той же или другой жертвой. Напротив, поскольку вмешательство государства является законным, нарушения прав собственности являются постоянными. Преступник не скрывается, и жертва не «вооружается», а должна (по крайней мере, как она обычно думает) оставаться беззащитной. Следовательно, будущие нарушения прав собственности не становятся менее частыми, а становятся институционализированными. Частота, регулярность и продолжительность будущего насилия увеличивается. Вместо того, чтобы улучшить защиту, фактические и потенциальные жертвы нарушений прав собственности государством реагируют, связывая постоянно более высокий риск со всем будущим производством и систематически корректирует свои ожидания относительно нормы прибыли на все будущие инвестиции вниз.

Конкурируя с тенденцией к снижению ставки временного предпочтения, возникает другая противоположная тенденция с существованием правительства. Одновременно сокращая поставки нынешних и (ожидаемых) будущих товаров, нарушение прав собственности государством не только повышает ставку временного предпочтения, но и поднимает кривую временных предпочтений. Поскольку производители беззащитны против будущего вторжения со стороны правительственных агентов, их ожидаемый уровень вознаграждения по производству, ориентированному на будущее сокращается повсеместно, и, соответственно, все фактические и потенциальные жертвы становятся менее ориентированными на будущее.

Как будет объяснено в следующем разделе, если нарушения прав собственности станут достаточно обширными, естественная тенденция человечества к созданию растущего объема капитала и товаров

длительного пользования может не только зайти в тупик, но и могут быть отменены тенденцией к децивилизации: ранее предусмотрительные поставщики превратятся в пьяниц или мечтателей, взрослые в детей, цивилизованные люди в варваров и производители в преступников.

ПРАВИТЕЛЬСТВО, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РОСТ И ПРОЦЕСС ДЕЦИВИЛИЗАЦИИ: ИЗ МОНАРХИИ В ДЕМОКРАТИЮ

Каждое правительство, а это означает, что каждое агентство, которое занимается постоянными, институционализированными нарушениями прав собственности (экспроприации), по своей природе является территориальным монополистом. В деле экспроприации не может быть «свободного входа»; в противном случае вскоре не осталось бы ничего, что могло бы быть экспроприровано, и любая форма институционализированной экспроприации стала бы невозможной. В погоне за личными интересами каждое правительство будет использовать эту монополию экспроприации в свою пользу, чтобы максимизировать свои богатства и доходы. Следовательно, следует ожидать, что для каждого правительства будет присуща тенденция к росту. И, максимизируя свое богатство и доход посредством экспроприации, каждое правительство представляет собой постоянную угрозу процессу цивилизации (росту временных предпочтений и исчезновение более широкого и более длительного обеспечения), оно является расширяющимся источником децивилизационных сил.

Однако не каждое правительство расширяется одинаково, и они не производят децивилизационные процессы одной, и той же силы. Различные формы правления приводят к разной степени децивилизации.

Учитывая, что экспроприация создает жертву и нельзя полагаться на сотрудничество с ней во время преследования, агентство, которое институционализирует экспроприацию, должно иметь легитимность. Большинство неправительственной общественности должны рассматривать действия правительства как справедливые или, по крайней мере, достаточно справедливые, чтобы не сопротивляться, чтобы сделать жертву беззащитной. Однако получение легитимности непростая задача.

По этой причине, например, вряд ли может в один момент возникнуть одно мировое правительство. Вместо этого все правительства должны начинать с малой территории. Маловероятно, что в таком маленьком формировании, как клан, племя, деревня или город, правительство сначала будет демократическим, в котором нужно доверять не определенному известному человеку, особенно в таком чувствительном вопросе, как территориальная монополия экспроприации, а анонимному демократически выбранному человеку. В малой, первоначальной форме правления, как правило, устанавливается единоличное управление правительственным аппаратом принуждения (монархия).

В каждом обществе любой степени сложности конкретные люди быстро приобретают элитный статус в результате наличия разных талантов. Благодаря достижению превосходного богатства, мудрости, храбрости или их сочетания, отдельные люди владеют уважением, а их мнения и суждения обладают естественным авторитетом. Как результат этой власти, члены элиты скорее всего преуспеют в установлении законной территориальной монополии принуждения, как правило, посредством монополизации судебных услуг (суды и законодательство) и правоохранительных органов (полиции). И поскольку они обязаны привилегированным положением своему личному элитарному характеру и достижениями, они будут считать себя и будут считаемыми своими товарищами как единоличный владелец монополии. Демократическое правление, в котором правительственный аппарат считается «публичным» имуществом, управляемым регулярно избранными должностными лицами, которые не считаются владельцами правительства, а приняты как его временные опекуны или попечители, как правило, следует только после единоличной формы владения правительством. Поскольку массы или большинство людей не могут обладать никакими естественными полномочиями (это личная, индивидуальная черта), демократическое правительство может приобретать легитимность только неестественно, наиболее типично через войну или революцию. Только в таких действиях, как война и революция, массы действуют сообща, а победа и поражение зависят от массовых усилий. И только в исключительных обстоятельствах,

таких как эти, массовое большинство может получить легитимность, необходимую для превращения правительства в общественную собственность.

Эти две формы государственного управления – частное и общественное владение правительством (монархия и демократия) имеют систематически различные последствия для общественного временного предпочтения и сопутствующего процесса цивилизации, и с переходом от личного (монархического) в демократическое (общественное) правление, вопреки распространенному мнению, децивилизационные процессы систематически укрепляются.

Определяющая характеристика частной государственной собственности и причина относительно более низкой степени предпочтения личного правителя (по сравнению с преступниками и демократическими правительствами) заключается в том, что конфискованные ресурсы и монопольная привилегия экспроприации в будущем принадлежат индивидуально. Конфискованные ресурсы добавляются в частную собственность правителя и рассматриваются, как если бы они были его частью, и монопольная привилегия будущей экспроприации прилагается в качестве титула на это имущество и приводит к мгновенному увеличению его нынешней стоимости ("капитализация" монопольной прибыли). Самое главное, как частный собственник государственного имущества, правитель имеет право передать свое имущество наследнику. Он может продавать, сдавать в аренду или отдавать часть, или все его привилегированное имущество, и он может лично назначить или уволить каждого управленца и работника своего имения.

Институт частной государственной собственности систематически формирует структуру стимулирования, с которой сталкивается правитель, и явно влияет на его поведение в государственных делах. Предполагается, что в собственных интересах правителя попытаться максимизировать свое общее богатство, то есть, увеличить стоимость его недвижимости и его доходов. Он не хочет увеличивать доход большей ценой, чем пропорционального снижения текущей стоимости его активов.

Кроме того, поскольку акты текущего приобретения доходов неизменно влияют на ценность текущих активов (отражающих стоимость всех будущих ожидаемых доходов от активов, на которые было снижено временное предпочтение), частная собственность сама по себе приводит к экономическому расчету и тем самым способствует дальновидности.

Хотя это справедливо в отношении частной собственности в целом, в частном случае частной собственности на правительство подразумевается определенная умеренность в отношении стремления правителя использовать его монополистическую привилегию экспроприации, поскольку акты экспроприации по своей природе паразитируют на предшествующих актах производства неправительственной общественностью. Там, где ничего не было создано, ничто не может быть экспроприровано, и там, где все было экспроприровано, все последующее производство придет к критической остановке. Следовательно, частный собственник правительства (король) избежал бы обложения налогом своих подданных настолько сильно, что уменьшил бы свой будущий потенциал заработка до такой степени, что нынешняя стоимость его имущества (его королевства) фактически упадет. Вместо этого, чтобы сохранить или даже повысить ценность его личной собственности, он будет систематически сдерживать себя в своей политике налогообложения, поскольку чем ниже степень налогообложения, тем продуктивнее будет население, и чем продуктивнее население, тем выше будет размер экспроприаций. Конечно, правитель будет использовать свою монополистическую привилегию. Он не будет не облагать налогами. Но, будучи частным владельцем правительства, в его интересах паразитировать на растущей, все более производительной и процветающей неправительственной экономике, поскольку это всегда и без каких-либо усилий с его стороны также увеличивало бы его собственное богатство и процветание. Таким образом, ставки налогов будут низкими.

Кроме того, в интересах единоличного правителя использовать свою монополию на закон (суды) и порядок (полицию) для обеспечения соблюдения установленного закона о частной собственности. Для негосударственной общественности и всех ее внутренних отношений он

захочет обеспечить соблюдение принципа, согласно которому все имущество и доход должны приобретаться производством и/или на договорной основе, и, соответственно, он захочет угрожать всем частным преступным группировкам наказанием. Чем меньше частного преступления будет существовать, тем больше будет частного богатства, и тем выше будет ценность монополии правительского налогообложения и экспроприации. Фактически, частный правитель не хочет ориентироваться исключительно на налоговые поступления, чтобы финансировать свои собственные расходы. Скорее, он также захочет полагаться на производственную деятельность и распределить часть своего имущества на производство и предоставление «нормальных» товаров и услуг с целью получения своим владельцем «нормального» (рыночного) дохода от продаж.

Более того, частная собственность на правительство подразумевает умеренность по еще одной систематической причине. Вся частная собственность по определению является исключительной собственностью. Тот, кто владеет имуществом, имеет право исключить всех остальных из пользования им, и он вправе выбирать, с кем он хочет поделиться своим пользованием. Как правило, владелец частной собственности будет включать свою семью и исключать всех остальных. Имущество становится семейной собственностью, и каждый человек вне семьи будет исключен из пользования семейного имущества, за исключением приглашенных гостей, оплачиваемых сотрудников или подрядчиков. В случае с правительством этот исключительный характер частной собственности приобретает особое значение. В данном случае это означает, что все, кроме правителя и его семьи, не могут пользоваться выгодами от непроизводственного приобретения имущества и дохода. Только правящая семья (и в меньшей степени ее друзья, сотрудники и деловые партнеры) разделяет пользование налоговыми поступлениями и может вести паразитную жизнь. Позиция главы правительства и владельца правительственного имущества обычно передается внутри правящей семьи, так что никто не из членов королевской семьи не может реально надеяться стать следующим королем. Хотя вход в правящую семью не

может быть полностью закрыт, он весьма ограниченный. Возможно, можно стать членом семьи через брак. Однако, чем больше правящая семья, тем меньше будет доля каждого члена в общем экспроприированном имуществе. Следовательно, брак обычно ограничивается членами расширенной семьи правителя. Только в исключительных случаях член правящей семьи может заключить брак с полным «аутсайдером»; даже если это произойдет, член семьи по браку обычно не станет главой правящей семьи.

Из-за этих ограничений в отношении входа в правительство и исключительного статуса отдельного правителя и его семьи (как короля и дворян) частная государственная собственность (монархизм) стимулирует развитие «классового сознания» со стороны управляемой общественности и это способствует противостоянию расширению власти правительства. Есть четкое различие между несколькими правителями и многими управляемыми, и вероятность того, что человек перейдет от одного класса к другому очень низкая. Столкнувшись с почти непреодолимым препятствием для «восходящей» мобильности, солидарность между управляемыми укрепляется, растет их взаимная идентификация как реальных или потенциальных жертв правительственных нарушений, и риск правящего класса потерять свою легитимность в результате увеличения налогообложения соответственно увеличивается.

На самом деле классовое сознание среди управляемых оказывает смягчающее влияние не только на внутреннюю политику правительства, но и на его поведение во внешних делах. От каждого правительства следует ожидать экспансионистской внешней политики. Чем больше территория и чем больше населения, в котором распространяется монополия на конфискацию, тем богаче будут те, кто отвечает за эту монополию. Поскольку на любой данной территории может существовать только одна монополия на экспроприацию, следует ожидать, что эта экспансионистская тенденция будет идти рука об руку с тенденцией к централизации (в конечном итоге остается только одно правительство во всем мире). Более того, поскольку централизация подразумевает сокращение возможностей для межтерриториальной миграции (голосования против своего

правительства в пользу другого) следует ожидать, что процесс межгосударственного соревнования, из-за экспансивного устранения, приведет к тенденции к все более высоким темпам правительственной экспроприации и налогообложения.

Однако частное правительство существенно влияет на форму и темпы этого процесса. Благодаря своему исключительному характеру и соответственно развитому классовому сознанию управляемых, правительственные попытки территориальной экспансии, как правило, рассматривается общественностью как частное дело правительства, которое финансируется и осуществляется за счет его собственных средств. Добавленная территория принадлежит королю, и поэтому она, а не общественность, должна заплатить за эти растраты. Следовательно, из двух возможных методов расширения царства, войны и военного завоевания или контрактного приобретения частный правитель имеет тенденцию отдавать предпочтение последнему. Нельзя полагать, что он против войны, поскольку он может использовать военные средства, если имеет таковую возможность. Но война, как правило, требует больших ресурсов, и поскольку более высокие налоги и/или увеличенный призыв к финансированию войны, воспринимаемой общественностью, как чужой, будут сталкиваться с немедленным народным сопротивлением и, таким образом, представляют угрозу для внутренней легитимности правительства, правитель должен будет нести все или большую часть расходов на военное предприятие лично. Соответственно, он, как правило, предпочитает второй, мирный вариант, как менее дорогостоящий. Вместо того, чтобы завоевать его, он захочет продвигать свои экспансионистские желания путем покупки земли или, что еще менее дорогостояще и еще лучше, путем проведения смешанных браков между членами разных правящих семей. Поэтому для монархического правителя внешняя политика в значительной степени зависит от семейной и брачной политики, а территориальная экспансия обычно осуществляется через договорное соединение изначально независимых королевств.

В отличие от внутренней и внешней умеренности монархии, демократическое (общественное) правительство предполагает увеличение

несдержанности, и следует ожидать, что переход от правления короля к демократически избранного президента приведет к систематическому увеличению интенсивности и расширению государственной власти и значительно усилит тенденцию к децивилизации.

Демократический правитель может использовать правительственный аппарат в своих личных интересах, но он не владеет им. Он не может продавать правительственные ресурсы и в частном порядке получать выручку от таких продаж, а также не может передать владение властью своему личному наследнику. Ему принадлежит нынешнее использование государственных ресурсов, но не их капитальная стоимость. В отличие от короля, президент будет стремиться максимизировать не общее государственное богатство (капитальные и текущие доходы), а текущий доход (независимо от стоимости капитала). Действительно, даже если бы он хотел действовать по-другому, он не мог бы, поскольку государственная собственность, государственные ресурсы не продаются, и без рыночных цен экономический расчет невозможно. Соответственно, следует признать неизбежным, что государственная собственность ведет к постоянному потреблению капитала. Вместо того, чтобы поддерживать или даже повышать ценность правительственного имущества, как это сделал бы король, президент (временный сторож правительства или попечитель) будет использовать как можно больше государственных ресурсов в как можно более сжатый срок. В частности, президент (в отличие от короля) не заинтересован в том, чтобы не разрушить его страну. Почему бы ему не захотеть увеличить свой доход, если преимущество политики умеренности – более высокая капитальная стоимость государственного имущества не может быть получена в частном порядке, тогда как преимущество противоположной политики более высоких налогов увеличит текущий доход? Для президента, в отличие от короля, умеренность предлагает только недостатки.

Более того, с публичной, а не с частной властью государством, также исчезла вторая причина умеренности: ясное и развитое сознание класса управляемых. Не может быть более одного верховного правителя, будь то король или президент. Когда получение должности короля и

продвижение в звание дворянства систематически реорганизуется из монархии в общественное правительство, любой, теоретически, может стать членом правящего класса или даже президентом. Различие между правителями и управляемыми размыто, а классовое сознание управляемых становится нечетким. Возникает иллюзия, что такого различия больше не существует: что с демократическим правительством никто не управляется кем-либо, и все вместо этого сами собой управляют. Действительно, в значительной степени это связано иллюзией, что переход от монархии к демократии можно интерпретировать как прогресс и, следовательно, как явление, заслуживающее общественной поддержки.

Соответственно, общественное сопротивление государственной власти систематически ослабляется. Хотя экспроприация и налогообложение до этого, возможно, казались явно угнетающими и зловещими для публики, они кажутся гораздо меньше, так как любой может получить место получателя экспроприруемого имущества.

Следовательно, налоги будут увеличиваться, будь то непосредственно в виде более высоких налоговых ставок или косвенно в виде «создания» правительственных денег (инфляции). Аналогичным образом, государственная занятость и соотношение государственных служащих к частным работникам имеют тенденцию к росту, привлечению и продвижению людей с высокой степенью временного предпочтения и низкой и ограниченной дальновидностью.

Сочетание этих взаимосвязанных факторов («публичной» собственности на правительство и свободный вход в него) значительно изменяет поведение правительства как во внутренних, так и во внешних делах. Внутри правительство скорее всего проявит повышенную склонность брать на себя долги. Хотя король ни в коем случае не выступает против долгов, он сдерживается в этой «естественной» склонности тем фактом, что как частный владелец правительства он и его наследники считаются лично ответственными за выплату всех государственных долгов (он может буквально стать банкротом или вынужденной оплатой кредитов ликвидировать государственные активы). В отличие от этого, смотритель

президентского правительства не несет ответственности за долги, возникшие в период его пребывания в должности. Скорее, его долги считаются «публичными», которые подлежат погашению будущими (равнозначными) правительствами. Однако если человек не несет личной ответственности за свои долги, долговая нагрузка будет расти, и нынешнее потребление правительства будет расширяться за счет будущего государственного потребления. Чтобы погасить растущий государственный долг, уровень будущих налогов (или денежной инфляции), наложенных на будущую публику, должен будет расти. И с ожиданием более высокого налогового бремени на будущее, неправительственная общественность также подвергается воздействию бремени роста возрастающих временных предпочтений, поскольку с более высокими ставками будущих налогов нынешнее потребление и краткосрочные инвестиции оказываются относительно более привлекательными по сравнению с экономией и долгосрочным инвестициям.

Что еще более важно, поведение правительства как монополиста правопорядка будет подвергаться систематическим изменениям. Как объяснялось выше, король захочет обеспечить соблюдение ранее существовавшего закона о частной собственности и, несмотря на его исключительный статус по отношению к некоторым его ключевым положениям, он также примет понятия частной собственности для себя и своего имущества (по крайней мере, в отношении международных отношений между королями). Он не создает новый закон, а просто занимает привилегированное положение в рамках существующей всеобъемлющей системы частного права. Напротив, при «публичном» владении и управлении правительством возникает новый тип «закона»: «публичное» право, которое освобождает государственных агентов от личной ответственности и удерживает «публичные» ресурсы от экономического управления. С созданием «публичного права» (включая конституционное и административное право) происходит постепенная эрозия частного права; то есть растет подчинение и смещение частного права публичному праву.

Вместо того, чтобы отстаивать частное право среди неправительственной общественности и использовать свою юридическую монополию исключительно в целях перераспределения богатства и доходов от гражданского общества на себя, правительство, «регулируемое» публичным правом, будет также использовать свою власть все чаще в целях законодательства, т.е. для создания нового, «позитивного» гражданского права, с целью перераспределения богатства и доходов в рамках гражданского общества, поскольку смотритель правительства (не владелец) мало или совсем не беспокоится о том, что любое такое перераспределение может только снизить производительность труда в будущем. Однако, несмотря на массовые выборы и свободный вход в правительство, пропаганда и принятие политики перераспределения являются необходимыми действиями для тех, кто хочет достичь или сохранить позицию смотрителя правительства. Соответственно, в отличие от «государства потребления» (чем является типичная монархия), общественная государственная власть, дополняя и усиливая общую тенденцию к росту налогов (и/или инфляции), занятости и задолженности правительства, государство будет все более трансформироваться в «государство всеобщего благосостояния». И вопреки его типичному изображению как «прогрессивному» развитию, при таком преобразовании повышение степени временного предпочтения будет установлено в гражданском обществе, и начнется процесс децивилизации.

Законодательно принятое перераспределение доходов и богатства в гражданском обществе может по существу принимать три формы. Оно может принимать форму простых трансфертных платежей, в которых доход и/или богатство берется у Питера («имущие») и передается Павлу («неимущие»). Оно может принимать форму «бесплатного» или недорогого предоставления товаров и услуг (таких, как образование, здравоохранение и развитие инфраструктуры) со стороны правительства, в котором доходы и/или богатство конфискованы у одной группы лиц – налогоплательщиков, и передается другому, неидентичному пользователю соответствующих товаров и услуг. Или оно может принимать форму деловых и/или потребительских правил, или «законов о защите» (таких, как

контроль над ценами, тарифы или требования к лицензированию), в соответствии с которыми богатство членов одной группы бизнесменов или потребителей увеличивается за счет соответствующей потери для другой, конкурирующей группы (путем введения юридических ограничений на пользование своей частной собственностью).

Однако, независимо от его конкретной формы, любое такое перераспределение имеет двойное влияние на гражданское общество. Во-первых, простой акт законодательной власти (демократического законотворчества) увеличивает степень неопределенности. Вместо того, чтобы быть неизменным и, следовательно, предсказуемым, закон становится все более гибким и непредсказуемым. То, что правильно и неправильно сегодня, завтра может таковым не быть. Таким образом, будущее становится более беспорядочным. Следовательно, повысятся общие временные предпочтения, будет стимулироваться потребление и краткосрочная ориентация, и в то же время уважение ко всем законам будет систематически подорвано и преступность повысится (если нет неизменяемого стандарта «права», то также и нет четкого определения «преступления»).

Во-вторых, любое перераспределение доходов или богатства в рамках гражданского общества подразумевает, что получатели экономической выгоды не производят товаров и услуг больше или качественней, в то время как другим из-за экспроприации приходится производить товар и услуги хуже или в меньшем количестве. Не производить, не производить ничего стоящего или неправильно прогнозировать будущее, таким образом, становится относительно более привлекательным (или попросту менее запретительным) по сравнению с производством ценного товара и прогнозированием будущего спроса и обмена правильно. Следовательно, и независимо от конкретного законодательного намерения, будь то «помогать» или «защищать» бедных, безработных, больных, молодых или старых, необразованных или глупых, фермеров, сталелитейщиков или дальнобойщиков, незастрахованных, бездомных, белых или чернокожих, замужних или не состоящих в браке, с детьми или без них и т. д., станет больше людей, производящих меньше и

демонстрирующих плохую дальновидность, и меньше людей, производящих больше и хорошо предсказывающих будущее. Из-за этого те, кто не принимает участия в получении благ путем экспроприации все чаще будут принимать указанные роли. Они будут более бедные, безработные, незастрахованные, неконкурентоспособные, бездомные и т.д., чем в противном случае.

Даже если такой сдвиг невозможен, (в случае перераспределения доходов по признаку пола, расы или возраста), стимул быть продуктивным и дальновидным будет по-прежнему снижаться. Поскольку членам привилегированного пола, расы или возрастной группы присуждается незаработанный доход, у них меньше стимулов зарабатывать в будущем, а также потому, что члены дискриминации по признаку пола, расы или возрастной группы наказываются за обладание богатством или получение дохода, они тоже будут менее продуктивными в будущем. В любом случае укрепится менее продуктивная деятельность, уверенность в себе и ориентация на будущее, а также распространятся паразитизм, зависимость и близорукость. От перераспределения проблем будет еще больше проблем, так как, соответственно, стоимость поддержания существующего уровня распределения благосостояния будет выше, чем раньше, и для ее финансирования должны быть наложены еще более высокие налоги и необходима еще больше конфискация богатства оставшихся производителей. Тенденция к переходу от производства к непроизводственной деятельности будет еще более укреплена, что приведет к постоянному повышению ставок временных предпочтений и прогрессивной децивилизации (инфантилизации и деморализации) гражданского общества.

Кроме того, при общественной государственной собственности и свободном вступлении в демократическое республиканское правительство меняется и внешняя политика. Как ожидается, все правительства будут экспансионистскими, как объяснялось выше, и нет оснований предполагать, что экспансионистские желания президента будут меньше, чем у короля. Однако, хотя король может удовлетворить это желание через брак, этот маршрут по существу исключается для президента. Он не

владеет контролируемой государством территорией; следовательно, он не может договориться об объединении отдельных территорий. И даже если он заключит межправительственные договоры, они не будут обладать статусом контрактов, в лучшем случае они представляют собой только временные пакты или союзы, поскольку они могут быть отозваны в любое время другими будущими правительствами. Если демократический правитель и демократически избранная правящая элита хотят расширить свою территорию и, следовательно, свою налоговую базу, то для них открыт только военный вариант завоевания и господства. Следовательно, вероятность войны будет значительно увеличена.

Более того, изменится не только вероятность, но и форма войны. Как правило, монархические войны возникают из-за споров о наследствах, вызванных сложной сетью междистастических браков и нерегулярным, но постоянным исчезновением определенных династий. Как насильственные споры о наследовании, монархические войны характеризуются территориальными целями. Они не являются идеологически мотивированными ссорами, это споры о материальных вещах. Более того, поскольку они являются междинастическими спорами о собственности, общественность рассматривает войну частным делом короля, который должен финансироваться своими деньгами и вооруженными силами. Кроме того, из-за того, что общественность принимает это как частные конфликты между различными правящими семьями, короли чувствуют себя вынужденными признать четкое различие между сражающимися и несражающимися и нацелить свои военные действия конкретно друг на друга и на соответствующую частную собственность. Еще в восемнадцатом веке, военный историк Майкл Ховард отмечал,

на континенте торговля, путешествия, культурное и научное общение продолжались в военное время почти беспрепятственно. Войны были царскими войнами. Роль хорошего гражданина заключалась в том, чтобы платить налоги, а здравая политическая экономия диктовала, что он должен быть оставлен в одиночестве, чтобы заработать деньги, из которых он будет платить эти налоги. Он не должен был участвовать в решении, из которого возникали

войны, ни участвовать в них, как только они вспыхнули, если только это не было вызвано духом юного приключения. Эти вопросы были только заботой суверена.

Фактически, пишет Гульельмо Ферреро про восемнадцатый век,

война стала ограниченной системой точных правил. Это определенно рассматривалось как своего рода единоборство между двумя армиями, гражданское население было всего лишь зрителями. Паломничество, поборы и акты насилия в отношении населения были запрещены как на родине, так и в стране противника. Каждая армия создавала склады в тылу в тщательно подобранных городах, перемещая их по мере продвижения; ... Военская обязанность существовала только в рудиментарной и несистемной форме ... Солдаты были труднодоступными, все было сделано для обеспечения их долгим, терпеливым и тщательным обучением, но поскольку это было дорогостояще, это делало их очень ценным, и нужно было как можно больше их сохранить в живых. Чтобы экономить своих людей, генералы пытались избежать битв. Объектом войны было исполнение умелых маневров, а не уничтожение противника; кампания без битв и без потерь, победа, полученная умным сочетанием движений, считалась завершающим достижением этого искусства, идеальной картины совершенства ... Это была скупость и расчет, которые сделали войну более гуманной ... Война стала своеобразной игрой между государями. Война была игрой с ее правилами и ее долями – территорией, наследством, престолом, договором. Проигравший платил, но справедливая стоимость всегда сохранялась между стоимостью ставки и рисками, которые должны были быть приняты, и стороны всегда были настороже упряма, которое заставляет игрока потерять голову. Они пытались сохранить игру игрой и знать, когда остановиться.

Напротив, демократические войны, как правило, являются полномасштабными войнами. Размывая различие между правителями и управляемыми, демократическая республика укрепляет идентификацию общественности с определенным государством. Действительно, династическое правительство способствует идентификации со своей собственной семьей и сообществом и развитию «космополитического» мировоззрения, тогда как демократическое республиканство неизбежно ведет к национализму, т.е. эмоциональной идентификации общественности с большими анонимными группами людей, характеризуется общим языком, историей, религией и/или культурой, отличимых от других иностранных государств. Таким образом, межгосударственные войны превращаются в национальные войны. Вместо того, чтобы представлять «просто» насильственные династические споры о собственности, которые могут быть «разрешены» посредством актов территориальной оккупации, они становятся битвами между различными формами жизни, которые могут быть «разрешены» только посредством культурного, лингвистического или религиозного господства и подчинения (или истребления). Членам общественности становится все более и более трудным оставаться нейтральными. Сопротивление более высоким налоговым ставкам для финансирования войны все чаще считается предательством. Военная обязанность становится правилом, а не исключением. И с массовыми армиями дешевых и, следовательно, легкодоступных призывников, борющихся за национальное превосходство (или против национального подавления), поддерживаемых экономическими ресурсами всей нации, все различия между сражающимися и несражающимися падают на обочину, а войны становятся все более жестокими. «Как только государство перестало считаться имуществом династических князей», отмечает Майкл Ховард,

и стало вместо этого инструментом мощных сил, посвященных таким абстрактным понятиям, как «Свобода», «Гражданство» или «Революция», которые позволили большому числу населения видеть в этом состоянии воплощение какого-то абсолютного блага, для которого цена жертвы не была уже слишком высокой,

чтобы не платить её; тогда «умеренные и нерешительные соревнования» эпохи рококо появились как абсурдные анахронизмы.

В отличие от ограниченной войны старого режима, новая эра демократично-республиканской войны, начавшаяся с французской революции и наполеоновских войн, которая далее демонстрируется в девятнадцатом веке американской войной за независимость южных штатов, и которая достигает своей вершины в двадцатом веке с Первой мировой и Второй мировой войнами и продолжается до настоящего времени, является эпохой тотальной войны. Как подвел итог Уильям А. Ортон:

Войны девятнадцатого века были сохранены в рамках традиции, хорошо признанной в международном праве, что гражданская собственность и бизнес были вне сферы боевых действий. Гражданские активы не подвергались произвольному аресту, и кроме территориальных и финансовых положений, которые одно государство могло бы навязать другому, экономическому и культурному миру воюющих сторон, как правило, разрешалось продолжать в значительной степени быть такими, какими они были и до войны. Практика двадцатого века изменила это. Во время обеих мировых войн односторонняя декларация морского права поставила под угрозу все виды торговли и сделала макулатуру со всех прецедентов. Завершение первой войны ознаменовалось решительными и успешными усилиями по ослаблению экономического подъема основных проигравших сил. Вторая война рассматривала продолжение этой политики до такой степени, что международное право на войне перестало существовать. На протяжении многих лет правительство Германии, насколько могло, основывало политику конфискации на расовой теории, которая не имела гражданское право, международное право и христианскую этику; и когда началась война, это нарушение совести оказалось заразным. Англо-американское руководство, выступая как в речи, так и в действии,

начало крестовый поход, который не допускал ни правовых, ни территориальных ограничений для осуществления принуждения. Концепция нейтралитета была осуждена как в теории, так и в практике. Не только активы и интересы противника, но и активы и интересы любых сторон, даже в нейтральных странах, подвергались любым ограничениям, которые могли бы обеспечить воюющие державы; активы и интересы нейтральных государств и их гражданских лиц, находящихся на воюющих территориях или под контролем воюющих сторон, подвергались практически такому же принуждению, как и вражеских граждан. Таким образом, «тотальная война» стала своего рода войной, от которой ни одно гражданское сообщество не могло убежать.

РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Процесс цивилизации, приведенной в движение отдельной экономией, инвестициями и накоплением товаров народного потребления и средств производства может быть временно расстроен преступлением. Но потому что человеку разрешено защитить себя от преступления, существование преступной деятельности не изменяет направление процесса. Это просто приводит к большему количеству расходов на оборону и меньшему количеству невоенных расходов.

Вместо этого, изменение в направлении стагнации или даже возрастание временных предпочтений может быть вызвано только в том случае, если нарушения прав собственности становятся институционализированными; т.е. в среде правительства. В то время как все правительства должны иметь тенденцию к внутреннему росту, а также территориальной экспансии (политическая централизация), можно ожидать, что не все формы правления будут одинаково успешными в своих начинаниях. Если правительство находится в частной собственности (в соответствии с монархическим правилом), структура стимулирования, стоящая перед правителем, такова, что он в своей самоотдаче является относительно дальновидным и занимается только умеренным налогообложением и войной. Скорость процесса цивилизации будет

замедляться систематически. Однако можно ожидать, что децивилизационные силы, вытекающие из монархического правления, будут недостаточно сильными, чтобы преодолеть фундаментальную, уравновешивающую тенденцию к снижению временных предпочтений и постоянно расширяющихся частных предложений. Скорее, только тогда, когда правительство открыто (в соответствии с демократично-республиканским правлением), можно ожидать, что децивилизующие последствия правительства будут достаточно сильными, чтобы фактически остановить цивилизационный процесс или даже изменить его направление и вызвать противоположную тенденцию к децивилизации: потребление капитала, сокращающиеся горизонты планирования, а также прогрессирующая инфантилизация и жестокость общественной жизни.

В ретроспективе, в свете этих теоретических выводов, многие современные европейские и западные истории могут быть рационально реконструированы и поняты. В течение полутора веков, начиная с американских и французских революций и продолжая нынешней Европой, весь западный мир претерпел эпохальную трансформацию. Везде монархическое правление и суверенные короли были заменены демократично-республиканским правлением и суверенными «народами».

Первое прямое нападение республиканства и народного суверенитета на монархический принцип было отражено военным поражением Наполеона и восстановлением власти Бурбонов во Франции. В результате наполеоновского опыта республиканизм был широко дискредитирован на протяжении большей части девятнадцатого века. «Республиканство по-прежнему считалось насильственным воинственным в своей внешней политике, беспокойным в его политической деятельности, недружелюбным к церкви, социалистическим или, по крайней мере, уравнительным с точки зрения собственности и частного богатства». Тем не менее демократично-республиканский дух Французской революции оставил неизменный отпечаток. От восстановления монархического порядка в 1815 году до начала Первой мировой войны в 1914 году политическое участие и представительство в политической жизни систематически расширялось по всей Европе. Повсюду расширялось право

голоса, постепенно расширялись полномочия всенародно избранных парламентов.

Тем не менее все более выхолощенный принцип монархического правления оставался до катастрофических событий Первой мировой войны. До войны в Европе существовали только две республики: Швейцария и Франция. Четыре года спустя, после того как правительство Соединенных Штатов вступило в европейскую войну и решительно определило ее исход, монархии почти что исчезли, и Европа обратилась к демократическому республиканству. С привлечением США война приобрела новое измерение. Вместо того, чтобы быть старомодным территориальным спором, как это было до 1917 года, она превратилась в идеологическую войну. США были созданы как республика, и демократический принцип, в частности, присущий идее республики, только недавно был перенесен на побежденных в результате поражения и разрушения сепаратистской конфедерации со стороны централистского правительства. Во время Первой мировой войны эта победоносная идеология экспансионистского демократического республиканства нашла свое воплощение в президенте США Вудро Вильсоне. Под руководством Вильсона европейская война стала идеологической миссией – сделать мир безопасным для демократии и убрать династических правителей. Следовательно, побежденные Романовы, Гогенцоллерны и Габсбурги должны были отречься или уйти в отставку, а Россия, Германия и Австрия должны были стать демократическими республиками со всеобщим мужским и женским правом и парламентскими правительствами. Аналогичным образом, все вновь созданные государства – Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия и Чехословакия приняли демократично-республиканские конституции, причем единственным исключением стала Югославия. В Турции и Греции монархии были свергнуты. И даже там, где сохранились монархии, как в Великобритании, Италии, Испании, Бельгии, Нидерландах и скандинавских странах, монархи больше не пользовались какой-либо государственной властью. Всюду вводилось всеобщее избирательное право для взрослых, и вся государственная власть была инвестирована в парламенты и «публичные»

должностные лица. Началась новая эра – демократично-республиканская эпоха под эгидой господствующего правительства США.

С точки зрения экономической теории конец Первой мировой войны можно определить, как момент времени, когда частная государственная собственность полностью сменилась общественной властью, из которой выходит тенденция к повышению степени временного предпочтения общества, росту правительства и процессу децивилизации. Действительно, как было подробно указано выше, таковой была грандиозная страница западной истории двадцатого века. С 1918 года практически все показатели высоких или растущих временных предпочтений проявляли систематическую тенденцию к повышению: касательно правительства, демократический республиканизм породил коммунизм (с его общественным рабством и правительством, спонсируемым массовыми убийствами даже в мирное время), фашизм, национал-социализм и, наконец, и наиболее устойчивую, социал-демократию («либерализм»). Обязательная военная служба стала почти всеобщей, внешние и гражданские войны увеличились в жестокости, а процесс политической централизации продвинулся еще больше, чем когда-либо. В результате демократично-республиканский процесс привел к постоянному росту налогов, долгов и государственной занятости, что привело к разрушению золотого стандарта, беспрецедентной бумаге – денежной инфляции, а также усилению протекционизма и контроля за миграцией. Даже самые фундаментальные положения частного права были извращены неуклонным потоком законодательства и регулирования. Одновременно в отношении гражданского общества институты брака и семьи все более ослабевали, число детей сократилось, а темпы разводов, одиночного воспитания, одиночества и абортных увеличились. Вместо того, чтобы повышаться с ростом доходов, темпы сбережений застопорились или даже упали. По сравнению с девятнадцатым столетием когнитивная доблесть политической и интеллектуальной элиты и качество государственного образования сократились. И темпы преступности, структурная безработица, зависимость от государства благосостояния,

паразитизм, халатность, безрассудство, невосприимчивость, психопатия и гедонизм увеличились.

В конечном счете ход человеческой истории определяется идеями, истинными или ложными. Подобно тому, как короли не могли осуществлять свое господство, если общественное мнение не допускало их правомерность, демократические правители в равной степени зависят от общественного мнения, чтобы поддерживать свою политическую власть. Поэтому общественное мнение должно измениться, если мы хотим, чтобы процесс цивилизации не поменял курс. И так же, как монархия когда-то была признана легитимной, но сегодня она считается немыслимым решением нынешней ситуации, не исключено, что идея демократического правления может когда-нибудь начать считаться нелегитимной и политически немыслимой. Такая делегитимитация является необходимой предпосылкой для предотвращения окончательной социальной катастрофы. Не правительство (монархическое или демократическое) является источником человеческой цивилизации и социального мира, а частная собственность, а также признание и защита прав частной собственности, договорных отношений и индивидуальной ответственности.

2. О монархии, демократии и идее естественного порядка

ТЕОРИЯ: СРАВНЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ЧАСТНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Правительство является территориальным монополистом на принуждение – органом, который может заниматься постоянными, институционализированными нарушениями прав собственности и эксплуатацией в форме экспроприации, налогообложения и регулирования деятельности владельцев частной собственности. Правительственные агенты преследуют не более, чем корыстные интересы, и следует ожидать, что все правительства будут активно использовать монополию на принуждение и проявлять тенденцию к увеличению эксплуатации. Однако нельзя ожидать, что все формы правления будут одинаково успешными в этом и будут действовать одинаковым образом. Скорее, в свете элементарной экономической теории можно ожидать, что поведение правительства и влияние государственной политики на гражданское общество будут систематически различаться в зависимости от того, частный правительственный аппарат, или публичный.

Определяющей характеристикой частной государственной собственности является то, что экспроприированные ресурсы и монопольная привилегия будущей экспроприации находятся в индивидуальных руках. Присвоенные ресурсы добавляются к частному имуществу правителя, а монопольная привилегия будущей экспроприации рассматривается как титул к этому имуществу и приводит к мгновенному увеличению его текущей стоимости («капитализации» монопольной прибыли). Главное, что, будучи частным владельцем правительственного имущества, правитель имеет право передать свое имущество своему личному наследнику; он может продавать, сдавать в аренду или отдавать часть, или все свое привилегированное имущество и в частном порядке получать прибыль от продажи или аренды; и он может лично нанимать или увольнять каждого администратора и сотрудника своего имения.

Напротив, с общественным правительством контроль над государственным аппаратом лежит в руках опекуна или смотрителя.

Смотритель может использовать аппарат в своих личных интересах, но он не владеет им. Он не может продавать правительственные ресурсы и частным образом присваивать поступления, а также не может передавать государственные владения своему личному наследнику. Ему принадлежит нынешнее право на использование государственных ресурсов, но не их капитальная стоимость. Более того, когда вход в должность частного владельца правительства ограничен личным усмотрением владельца, вход в должность правителя-смотрителя открыт. Любой, в принципе, может стать смотрителем.

Из этих предположений можно сделать вывод о двух центральных взаимосвязанных прогнозах: (1) Владелец частного правительства будет иметь тенденцию к систематически более длинному горизонту планирования, т.е. степень его временного предпочтения будет ниже, и, соответственно, степень его экономической эксплуатации будет иметь тенденцию быть меньше, чем у государственного смотрителя; и (2), при более высокой степени эксплуатации неправительственная общественность будет сравнительно более ориентирована на краткосрочные перспективы в рамках системы общественного управления, чем при режиме частной государственной собственности.

(1) Владелец частного правительства будет предсказуемо стремиться максимизировать свое общее богатство; то есть текущую стоимость его недвижимости и его текущий доход. Он не хочет увеличивать доход большей ценой, чем пропорционального снижения текущей стоимости его активов. Кроме того, поскольку акты текущего приобретения доходов неизменно влияют на ценность текущих активов (отражающих стоимость всех будущих ожидаемых доходов от активов, на которые было снижено временное предпочтение), частная собственность сама по себе приводит к экономическому расчету и тем самым способствует дальновидности. В случае частной собственности на правительство подразумевается определенная умеренность в отношении стимула правителя использовать его монопольные привилегии экспроприации, так как акты экспроприации по своей природе паразитируют на предыдущих актах производства со стороны

негосударственной общественности. Там, где ничего не было создано, ничто не может быть экспроприровано, и там, где все было экспроприровано, все последующее производство придет к критической остановке. Следовательно, частный собственник правительства избегает обложения налогом своих подданных настолько сильно, что уменьшается потенциал будущей прибыли. Вместо этого, чтобы сохранить или даже повысить ценность его личной собственности, он будет систематически сдерживать себя в своей политике налогообложения, поскольку чем ниже степень налогообложения, тем продуктивнее будет население, и чем продуктивнее население, тем выше будет размер экспроприаций. Конечно, правитель будет использовать свою монополистическую привилегию. Он не будет облагать налогами. Но, будучи частным владельцем правительства, в его интересах паразитировать на растущей, все более производительной и процветающей неправительственной экономике, поскольку это всегда и без каких-либо усилий с его стороны также увеличивало бы его собственное богатство и процветание. Таким образом, ставки налогов будут низкими.

Более того, частная собственность на правительство подразумевает умеренность и дальновидность по еще одной причине. Вся частная собственность по определению является исключительной собственностью. Тот, кто владеет имуществом, имеет право исключить всех остальных из пользования ею; и он вправе выбирать, с кем он готов поделиться своим пользованием. Как правило, он будет включать свою семью и исключать всех остальных, за исключением приглашенных гостей или оплачиваемых сотрудников и подрядчиков. Только правящая семья и, в меньшей степени, ее друзья, сотрудники и деловые партнеры участвуют в пользовании экспропрированными ресурсами и, таким образом, могут вести паразитическую жизнь. Из-за этих ограничений в отношении вступления в правительство и исключительного статуса отдельного правителя и его семьи частная собственность на правительство стимулирует развитие ясного «классового сознания» со стороны негосударственной общественности, и способствует оппозиции и сопротивлению любому расширению эксплуатационной власти

правительства. Существует четкое различие между (немногими) правителями, с одной стороны, и (многими) управляемыми с другой, и переход между этими классами малодоступен. Столкнувшись с почти непреодолимым препятствием на пути перехода между классами, солидарность между управляемыми укрепляется, и их взаимная идентификация как реальных или потенциальных жертв нарушений прав правительством и риск для правящего класса потерять легитимность в результате увеличения эксплуатации увеличивается.

В отличие от этого, смотритель правительства будет пытаться максимизировать не общее государственное богатство (размер капитала и текущий доход), а текущий доход (независимо от стоимости капитала). Действительно, даже если смотритель захочет действовать по-другому, он не сможет, поскольку общественные ресурсы правительства не могут быть проданы, а без рыночных цен экономический расчет невозможен. Соответственно, следует признать неизбежным, что общественное владение правительством приведет к постоянному потреблению капитала. Вместо того, чтобы поддерживать или даже повышать ценность правительственного имущества, как это обычно делает частный владелец, временный сторож правительства быстро использует как можно больше государственных ресурсов, поскольку то, что он сейчас может потребить он никогда не сможет потребить в будущем. В частности, смотритель, в отличие от частного владельца правительства, не заинтересован в том, чтобы не разрушить его страну. Почему бы ему не захотеть увеличить свой доход, если преимущество политики умеренности – более высокая капитальная стоимость государственного имущества не может быть получена в частном порядке, тогда как преимущество противоположной политики более высоких налогов увеличит текущий доход? Для президента, в отличие от короля, умеренность предлагает только недостатки.

Кроме того, с общественным государственным правительством любой, в принципе, может стать членом правящего класса или даже главой власти. Различие между правителями и управляемым, а также классовое сознание управляемых становятся размытыми. Возникает даже иллюзия,

что различия больше не существует: что с общественным управлением никто не управляется кем-либо, и что каждый управляет сам собой. Соответственно, общественное сопротивление государственной власти систематически ослабляется. В то время как эксплуатация и экспроприация до этого, возможно, казались явно угнетающими и злобными для публики, они теперь кажутся гораздо меньше, так как кто угодно может свободно входить в ряды тех, кто получает доход от эксплуатации. Следовательно, не только будет увеличиваться эксплуатация, открыто в виде более высоких налогов или скрытно, как увеличение количества правительственных денег («инфляция»), а также будет увеличиваться законодательное регулирование. Аналогично, число государственных служащих также будет расти относительно частной занятости, будет стимулироваться продвижение людей с высокой степенью временных предпочтений и ограниченностью дальновидности.

(2) В отличие от права на самооборону в случае криминального нападения, жертва правительственных нарушений прав частной собственности не может законно защищаться от таких нарушений.

Наложение государственного налога на имущество или доход нарушает права собственника и доходы производителя, что является кражей. В обоих случаях поставка товара владельцем-производителем уменьшается не по его воле и без его согласия. Создание правительственных денег подразумевает не менее мошенническую экспроприацию у владельцев частной собственности, чем операции преступной банды. Также любое государственное постановление о том, что владелец имущества может и не может делать с его собственностью, находится за пределами правила о том, что никто не может физически повредить имущество других лиц и что все обмены и торговля являются добровольными и договорными подразумевает «захват» чьей-либо собственности наравне с актами вымогательства, грабежа или разрушения. Но налогообложение, положение правительства о государственных деньгах и правительственные постановления, в отличие от их преступных эквивалентов, считаются законными, а жертва вмешательства

правительства, в отличие от жертвы преступления, не имеет права физически защищать свое имущество.

В силу своей легитимности правительственные нарушения прав собственности влияют на индивидуальные временные предпочтения систематически иным и гораздо более глубоким путем, чем преступление. Как и преступление, все вмешательство государства в права частной собственности уменьшает чье-то предложение существующих товаров и, таким образом, повышает его эффективную ставку временного предпочтения. Однако правительственные преступления, в отличие от обычных преступлений, одновременно повышают степень временного предпочтения и фактических, и потенциальных жертв, поскольку те также ожидают сокращения предложения будущих товаров (снижение нормы прибыли на инвестиции). Преступление, потому что оно незаконно, происходит только периодически, грабитель исчезает со сцены с его добычей и оставляет свою жертву в покое. Таким образом, преступность может быть решена путем увеличения спроса на защитные товары и услуги, с тем, чтобы восстановить или даже увеличить будущие темпы возврата инвестиций и сделать менее вероятным, что тот же или другой разбойник преуспеет во второй раз. Напротив, поскольку нарушение прав собственности государством является законным, оно имеет постоянную форму. Преступник не скрывается, а остается рядом, и жертва не вооружается, а должна оставаться беззащитной. Фактические и потенциальные жертвы нарушений прав собственности государством связывают постоянный более высокий риск со всем будущим производством и систематически корректируют свои ожидания относительно нормы прибыли на все будущие инвестиции вниз. Поскольку владельцы-производители считают себя беззащитными перед будущей атакой со стороны правительственных агентов, их ожидаемая норма прибыли на производственные, ориентированные на будущее действия сокращаются повсеместно, и, соответственно, все фактические и потенциальные жертвы становятся более ориентированными на кратковременное производство.

Более того, поскольку степень эксплуатации сравнительно выше при общественном государственном управлении, то эта тенденция, соответственно, будет значительно более выраженной, если правительство будет публичным владением, чем если оно будет принадлежать частному лицу.

ПЕРЕХОД ОТ МОНАРХИИ К ДЕМОКРАТИИ (1789-1918)

Наследственные монархии представляют собой исторический пример правительств, находящихся в частной собственности, а демократические республики являются примером общественной власти над правительством.

На протяжении большей части своей истории человечество, поскольку оно подвергалось государственному контролю, находилось под монархической властью. Были исключения: афинская демократия, Рим в период ее республиканской эпохи до 31 года до нашей эры, республики Венеции, Флоренции и Генуи в эпоху Возрождения, швейцарские кантоны с 1291 года, Объединенные провинции с 1648 по 1673 год и Англия под Кромвелем с 1649 года до 1660 года. Но это были редкие случаи в мире, в котором доминировали монархии. За исключением Швейцарии, они были недолговечными явлениями. Стесненные монархическим окружением, все старые республики удовлетворялись лишь несовершенными условиями открытого входа в правительство, хоть и республиканская форма правления подразумевает по определению, что правительство не является частным, а является общественным, и республике присуща тенденция к принятию всеобщего избирательного права, во всех ранних республиках вход в правительство ограничивался относительно небольшими группами «дворян».

С окончанием Первой мировой войны человечество покинуло монархическую эпоху. В течение полутора столетий со времен Французской революции, Европа, а вслед за ней весь мир претерпел фундаментальную трансформацию. Везде монархическое правление и суверенные короли были заменены демократично-республиканским правлением и суверенными «народами».

Первое нападение республиканства и идеи народного суверенитета над доминирующим монархическим принципом было отбито военным поражением Наполеона и восстановлением правящего режима Бурбонов во Франции; в результате революционного террора и наполеоновских войн республиканизм был широко дискредитирован на протяжении большей части девятнадцатого века. Однако демократично-республиканский дух французской революции оставил в истории сильный отпечаток. От восстановления монархического порядка в 1815 году до начала Первой мировой войны в 1914 году по всей Европе систематически расширялось популярное политическое участие и представительство. Всеобщее право голоса последовательно расширялось, и во всем мире расширялись полномочия всенародно избранных парламентов.

С 1815 по 1830 год право голоса во Франции по-прежнему строго ограничивалось реставрированными Бурбонами. Из населения в 30 миллионов человек электорат включал в себя только самых крупных владельцев недвижимости Франции – около 100 000 человек (менее пол процента населения старше двадцати лет). В результате июльской революции 1830 года, отречения Карла X и коронация герцога Орлеанского, Луи-Филиппа, число избирателей увеличилось примерно до 200 000 человек. В результате революционных потрясений 1848 года Франция снова стала республиканской, и было введено всеобщее и неограниченное избирательное право для всех граждан-мужчин старше двадцати одного года. Наполеон III был избран почти 5,5 миллионами голосов из более, чем 8 миллионов избирателей.

В Соединенном Королевстве после 1815 года электорат состоял из примерно 500 000 обеспеченных собственников (около 4 процентов населения старше 20 лет). Законопроект о реформе 1832 года снизил требования к владельцам собственности и расширил всеобщее право голосования до примерно 800 000 человек. Следующее расширение, от примерно 1 миллиона до 2 миллионов, пришло со вторым законопроектом о реформе 1867 года. В 1884 году ограничения собственников были смягчены еще больше, а электорат увеличился примерно до 6 миллионов

(почти третья часть населения старше 20 лет и более, чем три четверти взрослых мужчин).

В Пруссии, как наиболее важном из тридцати девяти независимых немецких государств, признанных после Венского конгресса, демократизация началась с революции 1848 года и конституции 1850 года. Нижняя палата прусского парламента была, следовательно, избрана всеобщим мужским избирательным правом. Однако до 1918 года электорат оставался разделенным на три категории с разной степенью силы голоса. Например, самые богатые люди, которые вносили треть всех налогов, избирали треть членов нижней палаты. В 1867 году была основана Северогерманская Конфедерация, включая Пруссию и еще двадцать немецких государств. Ее конституция предусматривает всеобщее неограниченное избирательное право для всех мужчин старше 25 лет. В 1871 году, после победы над Наполеоном III, конституция Северогерманской Конфедерации в основном была принята в своем виде в уже созданной Германской Империи. Из общей численности населения около 35 миллионов человек почти 8 миллионов человек (или около трети населения старше 20 лет) избрали первый Немецкий Рейхстаг.

После политического объединения Италии под руководством Королевства Сардиния и Пьемонт в 1861 году голосование было предоставлено только примерно 500 000 человек из примерно 25 миллионов человек (около 3,5 процента населения старше двадцати лет). В 1882 году требования к собственникам были смягчены, а минимальный возраст голосования был снижен с двадцати пяти до двадцати одного года. В результате итальянский электорат увеличился до более, чем 2 миллионов человек. В 1913 году было введено почти всеобщее и неограниченное избирательное право для всех мужчин старше тридцати и минимально ограниченное избирательное право для мужчин старше двадцати одного года, что привело к увеличению числа итальянских избирателей до более чем 8 миллионов (более 40 процентов населения старше двадцати).

В Австрии ограниченное и неравное избирательное право мужчин было введено в 1873 году. Электорат, состоящий из четырех классов,

составил 1,2 миллиона избирателей из примерно 20 миллионов человек (10 процентов населения старше 20 лет). В 1867 году был добавлен пятый класс. Спустя сорок лет система классов была упразднена, и было принято всеобщее и равное избирательное право для мужчин старше 24 лет, в результате чего число избирателей приблизилось к 6 миллионам (почти 40 процентов населения старше 20 лет).

В России с 1864 года были выборы в провинциальные и районные советы-земства; в 1905 году, как следствие проигрыша войны против Японии, был создан парламент – Дума, выборы в которую являлись универсальным, хотя косвенным и неравным, мужским избирательным правом. Что касается незначительных стран Европы, то с 1848 года в Швейцарии установлено всеобщее равное мужское избирательное право. Также оно было принято между 1890 и 1910 годами в Бельгии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Испании, Греции, Болгарии, Сербии и Турции.

Несмотря на рост выхолащивания, монархическая власть доминировала до катастрофических событий Первой мировой войны. До 1914 года в Европе существовали только две республики – Франция и Швейцария. Из всех основных европейских монархий только Соединенное Королевство можно было классифицировать, как парламентскую систему, в которой верховная власть возложена на избранный парламент. Только четыре года спустя Соединенные Штаты вступили в европейскую войну и решительно определил ее исход, монархии почти исчезли, и Европа повернулась к демократическому республиканству.

В Европе побежденные Романовы, Гогенцоллерны и Габсбурги должны были отречься или уйти в отставку, а Россия, Германия и Австрия стать демократическими республиками с универсальными избирательными округами и парламентскими правительствами. Аналогичным образом, все вновь созданные государства-преемники – Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия и Чехословакия (за исключением Югославии) – приняли демократично-республиканские конституции. В Турции и Греции монархии были свергнуты. Даже там, где

монархии оставались номинально существующими, как в Великобритании, Италии, Испании, Бельгии, Нидерландах и скандинавских странах, монархи больше не имели реальной власти. Было введено всеобщее избирательное право для взрослых, и вся государственная власть была инвестирована в парламенты и «публичные» должностные лица. Начался новый мировой порядок – демократично-республиканская эпоха под эгидой господствующего правительства США.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ИЛЛЮСТРАЦИИ: ЭКСПЛУАТАЦИЯ И КРАТКОСРОЧНАЯ ОРИЕНТИРОВАННОСТЬ ПРИ МОНАРХИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ РЕСПУБЛИКАНСТВЕ

С точки зрения экономической теории конец Первой мировой войны можно определить, как момент времени, когда частная государственная собственность полностью сменилась общественной властью, а отсюда систематическая тенденция к увеличению эксплуатации – рост правительства и рост временных предпочтений. Действительно, такова была грандиозная, основная страница истории западных стран после Первой мировой войны: с 1918 года практически все показатели государственной эксплуатации и временных предпочтений демонстрируют систематическую тенденцию к росту.

Показатели эксплуатации

Нет сомнений в том, что сумма налогов, взимаемых с гражданского общества, росла в течение монархической эпохи. Однако на протяжении всего монархического периода доля государственных доходов оставалась чрезвычайно стабильной и низкой. Экономический историк Карло М. Чипола заключает,

В целом, надо признать, что часть доходов, получаемая государственным сектором, безусловно, увеличилась с XI века во всей Европе, но трудно себе представить, что, помимо отдельных времен и мест, государственная власть когда-либо занимала более 5-8% национального дохода.

Затем он далее отмечает, что это систематически не превышалось до второй половины девятнадцатого века. В феодальные времена, отмечает Бертран де Жувенель,

государственные расходы, как мы их теперь называем, считались ... как собственные расходы короля, которые он несет в силу своего положения. Когда он вошел в свое положение, он одновременно вошел в «имение», то есть он оказался обеспеченным правами собственности адекватными «потребностям короля». Это, как если бы правительство нашего времени должно было покрывать свои расходы из поступлений от государственных предприятий.

В ходе политической централизации в течение шестнадцатого и семнадцатого веков были открыты дополнительные источники государственных доходов: таможенные пошлины, акцизы и земельные налоги. Однако до середины девятнадцатого века со всех западноевропейских стран только Соединенное Королевство, например, облагало подоходным налогом (с 1843 года). Впервые Франция ввела подобный налог в 1873, Италия в 1877 году, Норвегия в 1892 году, Нидерланды в 1894 году, Австрия в 1898 году, Швеция в 1903 году, США в 1913 году, Швейцария в 1916 году, Дания и Финляндии в 1917 году, Ирландия и Бельгия в 1922 году и Германия в 1924 году. Однако даже во время Первой мировой войны общие государственные расходы в процентах от Валового Внутреннего Продукта (ВВП) обычно не превышали 10 процентов и лишь в редких случаях, как в случае с Германией, превысили 15 процентов. В поразительном контрасте, с наступлением демократично-республиканской эпохи, общие государственные расходы в процентах от ВВП увеличились до 20-30 процентов в течение 1920-х и 1930-х годов, а к середине 1970-х годов, как правило, достигали 50 процентов.

Кроме того, нет сомнений в том, что общая государственная занятость увеличивалась в течение монархической эпохи. Но до самого конца девятнадцатого века государственная занятость редко превышала 3

процента от общей численности рабочей силы. Королевские министры и парламентарии, как правило, не получали зарплату, финансируемую государством, ожидалось, что они будут поддерживать себя за счет своих частных доходов. Напротив, с продвижением процесса демократизации они стали наемными чиновниками; и с тех пор государственная занятость постоянно увеличивается. Например, в Австрии занятость правительства в процентах от рабочей силы увеличилась с менее чем 3 процентов в 1900 году до более чем 8 процентов в 1920-х годах и почти 15 процентов к середине 1970-х годов. Во Франции она выросла с 3 процентов в 1900 году до 4 процентов в 1920 году и около 15 процентов в середине 1970-х годов. В Германии она выросла с 5 процентов в 1900 году, приблизилась к 10 процентам к середине 1920-х годов и к 15 процентам в середине 1970-х годов. В Соединенном Королевстве она увеличилась с менее чем 3 процентов в 1900 году до более чем 6 процентов в 1920-х годах и приблизилась к 15 процентам к середине 1970-х годов. Тенденция в Италии и почти во всем мире была сходной, и к середине 1970-х годов только в небольшой Швейцарии государственная занятость по-прежнему составляла менее 10 процентов рабочей силы.

Аналогичная картина возникает из проверки инфляции и данных о денежной массе. Монархический мир в целом характеризовался наличием товарных денег, обычно серебра или золота, и, наконец, мировым рынком по международному золотому стандарту. Стандарт товарных денег затрудняет, если не делает вообще невозможным, раздувание денежной массы. Монополизировав монетный двор и участвуя в «чеканке монет», короли сделали все возможное, чтобы обогатиться за счет общества. Также предпринимались попытки ввести нетоварную валюту. История Банка Англии показывает, например, что с момента его создания в 1694 году, он в 1696, 1720, 1745 и в период с 1797 по 1821 годы приостанавливал выплаты платежей металлическими монетами. Но эти эксперименты с денежными деньгами, связанные в частности с Банком Амстердама, Банком Англии, а также с Джоном Ло и Королевским Банком Франции, были региональными событиями, которые быстро заканчивались финансовыми катастрофами, такими как крах голландской «Тюльпаномании» в 1637 году и крахи

«Миссисипского пузыря» и «Пузыря Компании Южного моря» в 1720 году. Монархическим правителям не удалось создать монополии нетоварных государственных бумажных денег, которые могут быть созданы из воздуха практически бесплатно. Ни одному индивидууму, даже королю, не может быть доверена такая экстраординарная монополия.

Только в условиях демократического республиканства – анонимного и безличного правления это было достигнуто. Во время Первой мировой войны, как во время предыдущих войн, воюющие правительства сошли с золотого стандарта. Повсюду в Европе результатом этого стало резкое увеличение предложения бумажных денег. В побежденной Германии, Австрии и, в частности, в Советской России, гиперинфляционные условия возникли сразу же после войны. Однако, в отличие от предыдущих войн, Первая мировая война не закончилась возвратом к золотому стандарту. Вместо этого, с середины 1920-х и до 1971 года был псевдо-золотой стандарт – золотодевизный стандарт, прерванный серией международных валютных кризисов. По сути, только США могли производить обмен бумажных долларов на золото (и то, с 1933 года, после того, как они отошли от золотого стандарта на внутреннем рынке, только в иностранных центральных банках). Британия могла обменивать фунты на доллары (или, реже, на золотые слитки, а не золотые монеты), а остальная Европа могла обменивать свои валюты на фунты. Правительство США раздуло предложение бумажных долларов сверх золотого запаса, Великобритания раздула фунты сверх раздутых долларов, а другие европейские страны раздули свои бумажные валюты сверх раздувания долларов или фунтов. Наконец, в 1971 году, когда в европейских центральных банках накопились долларовые сбережения, и была неизбежная опасность европейского «пробега» по запасам золота в США, последний остаток международного золотого стандарта был отменен. С тех пор и впервые в истории весь мир принял чистую денежную систему свободно колеблющихся государственных бумажных валют.

В результате с начала демократично-республиканской эпохи, первоначально под псевдо-золотым стандартом, и с ускоренными темпами

с 1971 года под государственным бумажным денежным стандартом, существовала постоянная тенденция к инфляции и обесцениванию валюты.

В монархическую эпоху товарных денег, в значительной степени неконтролируемых государством, «уровень» цен вообще падал, а покупательная способность денег увеличивалась, за исключением войны или открытий новых месторождений золота. Различные индексы цен Великобритании, например, указывают на то, что цены были значительно ниже в 1760 году, чем сто лет назад; и в 1860 году они были ниже, чем они были в 1760 году. Под влиянием международного золотого стандарта ситуация в других странах была аналогичной. Однако, в демократично-республиканская эпоха, мировой финансовый центр переместился из Великобритании в США, были заданы совершенно другие денежные тенденции и возникла совершенно другая экономическая модель. До первой мировой войны индекс оптовых цен на товары США упал со 125, вскоре после окончания войны между штатами в 1868 году, до уровня ниже 80 в 1914 году. Тогда он был ниже, чем в 1800 году. В отличие от этого, в ближайшее время после Первой мировой войны, в 1921 году, индекс оптовых цен на товары в США составил 113. После Второй мировой войны, в 1948 году, он вырос до 185. В 1971 году он достиг 255, к 1981 году он достиг 658, а в 1991 году он был близок к 1000. В течение всего двух десятилетий нетоварных денежных средств индекс потребительских цен в США вырос с 40 в 1971 году до 136 в 1991 году, в Соединенном Королевстве он поднялся с 24 до 157, во Франции с 30 до 137, а в Германии с 56 до 116.

Аналогичным образом, в течение более семидесяти лет, с 1845 года до конца Первой мировой войны в 1918 году, британская денежная масса увеличилась примерно в шесть раз. В отличие от этого, в течение семидесяти трех лет с 1918 года по 1991 год денежная масса США увеличилась более, чем в шестьдесят четыре раза.

В дополнение к налогообложению и инфляции правительство может прибегнуть к долговым обязательствам для финансирования своих текущих расходов. Как и в случае налогообложения и инфляции, нет

сомнения в том, что государственный долг увеличивался в течение монархической эпохи. Однако, как и показано теоретически, в этой области монархи также продемонстрировали значительно большую умеренность и дальновидность, чем демократично-республиканские надзиратели.

На протяжении всей монархической эпохи государственные долги были в основном военными долгами. В мирное время монархи характерно сокращали свои долги. Британский пример довольно показателен. В течение восемнадцатого и девятнадцатого веков увеличился государственный долг. Это было 76 миллионов фунтов после испанской войны в 1748 году, 127 миллионов после Семилетней войны в 1763 году, 232 миллиона после американской войны за независимость в 1783 году и 900 миллионов после наполеоновских войн в 1815 году. Однако в течение каждого мирного периода – с 1727-1739 гг., с 1748-1756 гг., и с 1762 по 1775 г. общий долг фактически уменьшился. С 1815 по 1914 год британский национальный долг упал с 900 до 700 миллионов фунтов.

Однако при наступлении демократично-республиканской эпохи британский долг только увеличивался, как на войне, так и в мире. В 1920 году он составлял 7,9 млрд. фунтов стерлингов, в 1938 году – 8,3 млрд., в 1945 году – 22,4 млрд., в 1970 году – 34 млрд., и с тех пор он увеличился до более, чем 190 млрд. фунтов стерлингов в 1987 году. Аналогичным образом, государственный долг США увеличивался и в войне, и в мире. Федеральный долг правительства после Первой мировой войны составлял около 25 миллиардов долларов. В 1940 году он составлял 43 миллиарда, а после Второй мировой войны, в 1946 году, он составлял около 270 миллиардов. К 1970 году он вырос до 370 миллиардов, а с 1971 года, в условиях режима чисто бумажных денег, он буквально взорвался. В 1979 году он составлял около 840 миллиардов, а в 1985 году – более 1,8 триллиона. В 1988 году он достиг почти 2,5 трлн., к 1992 году он превысил 3 триллиона долларов, а в настоящее время (на момент 1990 года) он составляет около 6 триллионов долларов.

Наконец, при рассмотрении государственного законодательства и регулирований возникает та же тенденция к увеличению государственной

эксплуатации и краткосрочной ориентации, а не на будущее. В монархический век, с четким разграничением между правителем и управляемыми, король и его парламент считались с законом. Они применяли предписанный закон в качестве судьи или присяжных. Они не создавали закон. Бертран де Жувенель пишет:

Монарх рассматривался только как судья, а не как законодатель. Он сам принимал субъективные права и уважал их; он обнаруживал эти права в бытие и не оспаривал, что они были до его власти ... Субъективные права были в свободном владении. Право суверена также было свободным. Это было субъективное право, равно как и другие права, хотя и более возвышенного достоинства, но оно не могло отнять другие права... Действительно, было глубоко укоренившееся чувство, что все положительные права были вместе; если бы царь проигнорировал титул гражданина на свою землю, то можно было бы игнорировать титул короля на свой трон. Глубокая концепция легитимности установила солидарность всех прав. Никакие изменения в этих правах не могут быть осуществлены без согласия их владельцев.

Разумеется, монополизация управления законом привела к повышению цен и/или снижению качества продукции, чем в конкурентных условиях, и с течением времени короли все чаще использовали монополию в свою пользу. Например, с течением времени цари все чаще использовали монополию закона и порядка для извращения идеи наказания. Первоначальной целью наказания вначале была компенсация жертве правонарушителем. С монархическим правлением цель наказания все чаще переводилась на компенсацию королю. Однако, хотя эта практика подразумевала расширение государственной власти, она не предполагала какого-либо перераспределения богатства и доходов в рамках гражданского общества, а также не подразумевала, что сам король был освобожден от стандартных положений частного права. Частный закон все еще был верховным. И действительно, еще в начале двадцатого века можно было утверждать, что, например, в Великобритании публичного

законодательного права не существовало. Закон, регулирующий отношения между частными лицами, по-прежнему считался фиксированным и неизменным, а правительственные агенты в их отношениях с частными гражданами считались связанными теми же законами, что и любой частный гражданин.

В условиях демократии, с использованием власти, скрытой анонимностью, президенты и парламенты быстро поднялись над законом. Они стали не только судьями, но и законодателями, создателями нового закона. Сегодня, отмечает Жувенель,

мы привыкли к тому, что наши права были изменены суверенными решениями законодателей. Хозяин больше не чувствует удивления тому, что вынужден удерживать арендатора; работодатель не менее привык повышать заработную плату своих сотрудников в силу указаний власти. В настоящее время принято, что наши субъективные права неустойчивы и находятся в воле властей.

В процессе развития, подобном демократизации денег – замещении правительственными бумажными деньгами частных товарных денег и возникающей в результате инфляции, и усиление финансовой неопределенности, демократизация закона и правовое управление привели к неуклонно растущему потоку законодательства. В течение одного года количество законодательных актов и правил, принятых парламентами в течение одного года, составляет десятки тысяч, и даже сотни тысяч страниц, затрагивая все аспекты гражданской и коммерческой жизни и приводя к устойчивому обесцениванию всех прав и повышению юридической неопределенности. Как типичный пример, в 1994 году Кодекс федеральных правил, ежегодный сборник всех действующих в настоящее время федеральных правительственных постановлений США, состоит из 201 книги, занимающей около 26 футов пространства библиотеки. Только состав составляет 754 страницы. В Кодексе содержатся положения, касающиеся производства и распространения практически всего, что можно себе представить: от сельдерея, грибов, арбузов, ремешков, ламп

накаливания, чулочно-носочных изделий, прыжков с парашютом, производства железа и стали, сексуальных преступлений в университетских городках до приготовления луковых колец, сделанные из нарезанного кубиками лука, раскрывающие почти тоталитарную власть демократического правительства.

Индикаторы высокого временного предпочтения

Феномен общественного временного предпочтения более неуловим, чем феномен экспроприации и эксплуатации, и сложнее определить подходящие показатели текущей ориентации. Более того, некоторые показатели являются менее прямыми, чем эксплуатационные. Но все они указывают в одном направлении и вместе дают ясную иллюстрацию второго теоретического предсказания: демократическое правление способствует близорукости (краткосрочной ориентации) в рамках гражданского общества.

Наиболее прямым показателем общественного временного предпочтения является процентная ставка. Процентная ставка – это соотношение стоимости существующих товаров по сравнению с будущими товарами. В частности, это указывает на вознаграждение, за которое настоящие деньги торгуются против будущих денег. Высокая процентная ставка подразумевает большую «краткосрочную ориентацию», а низкая процентная ставка предполагает большую «ориентацию на будущее». В нормальных условиях (в условиях повышения уровня жизни и реальных денежных доходов) можно ожидать, что процентная ставка упадет и, в конечном счете, приблизится, но никогда не достигнет нуля, поскольку с ростом реальных доходов предельная полезность нынешних денег падает по сравнению с будущими деньгами, и, следовательно, в соответствии с предположением о приостановке данного временного предпочтения процентная ставка должна падать. Следовательно, сбережения и инвестиции увеличатся, будущие реальные доходы будут еще выше и т.д.

На самом деле тенденция к снижению процентных ставок характеризует чрезвычайное развитие человечества. Минимальные процентные ставки по «нормальным безопасным кредитам» составляли

около 16 процентов в начале греческой финансовой истории в шестом веке до н.э., и в эллинистический период упали до 6 процентов. В Риме минимальные процентные ставки снизились с более чем 8 процентов в течение раннего периода Республики до 4 процентов в течение первого века империи. В Европе тринадцатого века самые низкие процентные ставки по «безопасным» кредитам составляли 8 процентов. В четырнадцатом веке они снизились примерно до 5 процентов. В пятнадцатом веке они упали до 4 процентов. В семнадцатом веке они снизились до 3 процентов. И в конце девятнадцатого века минимальные процентные ставки дополнительно снизились до менее 2,5 процента.

Эта тенденция отнюдь не была гладкой. Ее часто прерывали периоды, иногда до столетий, растущих процентных ставок. Однако такие периоды были связаны с крупными войнами и революциями, такими как Столетняя война в XIV веке, религиозные войны с конца шестнадцатого по семнадцатый век, американская и французская революции и наполеоновские войны с позднего восемнадцатого по начало девятнадцатого века и две мировые войны в двадцатом веке. Кроме того, в то время, как высокие или растущие минимальные процентные ставки указывают на периоды вообще низкого или понижающегося уровня жизни, преобладающая противоположная тенденция к низким и падающим процентным ставкам отражает общий прогресс человечества – его переход от варварства к цивилизации. В частности, тенденция к снижению процентных ставок отражает подъем западного мира, растущее процветание их народов, дальновидность, интеллект и моральную силу, и беспрецедентный рост европейской цивилизации девятнадцатого века.

На этом историческом фоне и в соответствии с экономической теорией следует ожидать, что процентные ставки в двадцатом веке будут еще ниже, чем ставки девятнадцатого века. Действительно, существуют только два возможных объяснения, почему это не так. Первое объяснение заключается в том, что реальные доходы в двадцатом веке не превышали или даже упали ниже доходов девятнадцатого века. Однако это объяснение можно исключить на эмпирических основаниях, поскольку кажется довольно бесспорным, что доходы двадцатого века на самом деле выше.

Тогда остается только второе объяснение. Реальные доходы стали выше, но процентные ставки не стали ниже, и кривая общественных временных предпочтений была сдвинута вверх. То есть, характер общества изменился. Люди в среднем, должно быть, потеряли моральную и интеллектуальную силу и стали более краткосрочно-ориентированными.

Начиная с 1815 года, по всей Европе и Западному миру минимальные процентные ставки неуклонно снижались до исторического минимума в ниже 3 процентов в среднем за столетие. С наступлением демократично-республиканской эпохи эта тенденция остановилась и, похоже, изменила направление, сделав Европу и США XX века падающими цивилизациями. Например, проверка самых низких десятилетних средних процентных ставок для Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии, Германии, Швеции, Швейцарии и США показывает, что в течение всей послевоенной эры процентные ставки в Европе никогда не были такими же низкими или ниже, чем они были во второй половине девятнадцатого века. Только в США, в 1950-х годах, процентные ставки падали ниже ставок позднего девятнадцатого века. Тем не менее это было лишь кратковременным явлением, и даже тогда процентные ставки в США были не ниже, чем в Британии во второй половине девятнадцатого века. Вместо этого ставки двадцатого века были значительно выше, чем ставки девятнадцатого века повсеместно. Эта тенденция существенно не меняется, даже если учесть, что современные процентные ставки, в частности с 1970-х годов, включают в себя поправку на систематическую инфляцию. После корректировки недавних номинальных процентных ставок по значению инфляции, чтобы дать оценку реальных процентных ставок, современные ставки по-прежнему были значительно выше, чем они были сто лет назад. В среднем, минимальные долгосрочные процентные ставки в Европе и США в настоящее время, как было показано, значительно превышают 4 процента и, возможно, достигают 5 процентов, что выше процентных ставок в Европе семнадцатого века. Аналогичным образом, текущие накопительные ставки в США в размере около 5 процентов располагаемого дохода такие

же, как они были более трехсот лет назад в гораздо более бедной Англии семнадцатого века.

Параллельно этому ходу дел отражается более конкретный аспект феномена высоких или растущих общественных временных предпочтений – показатели разрушенных (неблагополучных) семей демонстрируют систематический рост.

До конца девятнадцатого века основная часть государственных расходов (превышающая 50 процентов) направлялась на финансирование военной сферы. Предполагая, что государственные расходы составляют примерно 5 процентов национального продукта, получаем военные расходы в размере 2,5 процента от национального продукта. Остальные деньги шли в правительство. Расходы на социальное обеспечение или «общественную благотворительность» практически не играли никакой роли. Страхование считалось находящимся в области индивидуальной ответственности, а сокращение масштабов нищеты рассматривалось как задача добровольной благотворительности. Напротив, в качестве отражения эгалитаризма, присущего демократии, с самого начала демократизации в конце девятнадцатого века продолжалась коллективизация индивидуальной ответственности. Военные расходы, как правило, возросли до 5-10 процентов национального продукта в течение двадцатого века. Но если государственные расходы в настоящее время составляют 50 процентов национального продукта, военные расходы теперь составляют лишь 10-20 процентов от общих государственных расходов. Основная часть государственных расходов (приблизительно 25 процентов национального продукта) теперь поглощается расходами на общественное благосостояние: обязательным государственным «страхованием» от болезней, профессиональных травм, старости, безработицы, и постоянно расширяющегося списка других видов недееспособности.

Следовательно, все большее и большее освобождение отдельных лиц от необходимости обеспечивать их собственное здоровье, безопасность и старость, горизонт частных мероприятий по обеспечению

безопасности был систематически сокращен. В частности, снизилась ценность брака, семьи и детей, поскольку можно положиться на «общественную» помощь. Таким образом, с наступлением демократично-республиканской эпохи число детей сократилось, а численность детородного населения застопорилась или даже упала. На протяжении многих веков, до конца девятнадцатого века, рождаемость была почти постоянной: где-то 30-40 детей на 1000 человек населения (обычно несколько выше в преимущественно католических и ниже в протестантских странах). Резко контрастируя, в течение двадцатого века рождаемость в Европе и США испытала резкое снижение – примерно 15-20 детей на 1000 населения. В то же время темпы разводов, бросания, одиночного воспитания и абортс неуклонно возрастали, в то время как ставки личных сбережений начали застаиваться или даже падать, а не повышаться пропорционально или даже чрезмерно-пропорционально доходам.

Кроме того, в результате обесценивания закона, вытекающего из государственного законодательства и коллективизации ответственности, в частности в соответствии с законодательством о социальном обеспечении, уровень преступлений серьезного характера, таких как убийство, нападение, грабеж и кража, также показал систематическую восходящую тенденцию.

В «нормальном» курсе событий, то есть с повышением уровня жизни, можно было бы ожидать, что защита от социальных бедствий, таких как преступность, будет претерпевать постоянное улучшение, как можно было бы ожидать на фоне улучшения защиты от стихийных бедствий, таких как наводнения, землетрясения и ураганы. Действительно, во всем западном мире это, по-видимому, имело место в большинстве случаев, до недавнего времени, когда во второй половине двадцатого века уровень преступности начал неуклонно расти вверх.

Безусловно, существует ряд факторов, помимо повышения безответственности и близорукости, вызванных законодательством и политикой «всеобщего благосостояния», которые могут способствовать

преступности. Мужчины совершают больше преступлений, чем женщины, молодые больше, чем старые, чернокожие больше, чем белые, и жители городов больше, чем жители деревни. Можно ожидать изменений в составе полов, возрастных групп, рас и степени урбанизации как систематического воздействия на преступность. Однако все эти факторы относительно стабильны и, следовательно, не могут объяснить каких-либо систематических изменений в долгосрочной тенденции снижения уровня преступности. Что касается европейских стран, то их популяция была и является сравнительно однородной; и в США доля чернокожих оставалась стабильной. Половой состав в значительной степени является биологической константой; в результате войн только доля мужчин периодически падала, тем самым фактически усиливая «нормальную» тенденцию к снижению уровня преступности. Аналогично, состав возрастных групп изменялся медленно; из-за снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни средний возраст населения фактически увеличился, что помогает еще больше снизить уровень преступности. Наконец, степень урбанизации начал резко возрастать с 1800 года. Период повышения уровня преступности в начале девятнадцатого века можно отнести на этот первоначальный рывок урбанизации. Однако после периода адаптации к новому явлению урбанизации, начиная с середины девятнадцатого века, уравнивающая тенденция к снижению уровня преступности снова укрепилась, несмотря на то, что процесс быстрой урбанизации продолжался около ста лет. И когда уровень преступности начал систематически повышаться, начиная с середины двадцатого века процесс урбанизации на самом деле остановился.

Таким образом, феномен повышения уровня преступности нельзя объяснить иначе, как ссылкой на процесс демократизации: растущая степень общественных временных предпочтений, растущая потеря индивидуальной ответственности, интеллектуальное и моральное падение, а также снижение уважения ко всем законам стимулируется неослабевающим потоком законодательства. Конечно, «высокое временное предпочтение» ни в коем случае не эквивалентно «преступлению». Высокое временное предпочтение также может найти

выражение в таких совершенно законных действиях, как безрассудство, ненадежность, плохие манеры, лень, глупость или гедонизм. Тем не менее систематическое отношение между высокими временными предпочтениями и преступностью существует, поскольку для того, чтобы заработать рыночный доход, требуется определенный минимум планирования, терпения и пожертвования. Сначала нужно работать некоторое время, прежде чем получить деньги. Напротив, наиболее серьезные преступные действия, такие как убийство, нападение, изнасилование, грабеж, кража и кража со взломом не требуют такой дисциплины. Награда агрессора является немедленной и осязаемой, тогда как возможное наказание лежит в будущем и неопределенно. Соответственно, если общественная степень временных предпочтений была увеличена, то частота агрессивного поведения будет расти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: МОНАРХИЯ, ДЕМОКРАТИЯ И ИДЕЯ ПРИРОДНОГО ПОРЯДКА

С точки зрения элементарной экономической теории и в свете исторических фактов, возникает ревизионистский взгляд на современную историю. Вигская историография, согласно которой человечество марширует постоянно вперед к все более высоким уровням прогресса, неверна. С точки зрения тех, кто предпочитает меньше эксплуатации, чем больше, и тех, кто ценит дальновидность и индивидуальную ответственность выше близорукости и безответственности, исторический переход от монархии к демократии представляет собой не прогресс, а цивилизационный спад. И этот приговор не меняется из-за других факторов. Совсем наоборот. Несомненно, самым важным показателем эксплуатации и краткосрочной ориентированности, о котором не говорилось выше, является война. Но если бы этот фактор был принят, относительная эффективность демократично-республиканского правительства, похоже, была бы еще хуже, а не лучше. В дополнение к усилению эксплуатации и социального распада переход от монархии к демократии привел к переходу от ограниченной войны к полной войне, а двадцатый век, эпоха демократии, должен быть также включен в число самых смертоносных периодов за всю историю.

Таким образом, неизбежно возникают два последних вопроса. Нынешнее положение дел вряд ли может быть «концом истории». Чего мы можем ожидать? И что мы можем сделать? Что касается первого вопроса, ответ краток. В конце двадцатого века демократический республиканизм в США и во всем западном мире, по-видимому, исчерпал резервный фонд, унаследованный от прошлого. На протяжении десятилетий, вплоть до 1990-х годов, реальные доходы застопорились или даже упали. Государственный долг и стоимость систем социального обеспечения несут серьезную угрозу перспективам неизбежного экономического кризиса. В то же время социальный распад и социальные конфликты поднялись до опасных высот. Если тенденция к увеличению эксплуатации в будущем продолжится по нынешнему пути, западные демократические государства всеобщего благосостояния рухнут, как это сделали восточно-европейские социалистические республики в конце 80-х годов. Следовательно, остается второй вопрос: что мы можем сделать сейчас, чтобы предотвратить процесс цивилизации от экономической и социальной катастрофы?

Но в то же время и, что еще важнее, позитивная альтернатива монархии и демократии, идея естественного порядка – должна быть очерчена и понята. С одной стороны, нужно признать то, что она не предполагает эксплуатации, ни монархической, ни демократической, а частная собственность, производство и добровольный обмен являются источниками человеческой цивилизации. С другой стороны, нужно признать фундаментальную социологическую проницательность (которая, кстати, также помогает точно определить, где историческая оппозиция монархии пошла не так): что сохранение частной экономики, основанной на обмене, требует в качестве своего социологического предположения существования добровольно признанной природной элиты – «естественного дворянства».

Естественный результат добровольных сделок между разными владельцами частной собственности определенно нелогичен, иерархичен и элитарен. В результате широко разнообразных человеческих талантов, в каждом обществе любой степени сложности несколько человек быстро приобретают статус элиты. Благодаря превосходным достижениям

богатства, мудрости, храбрости или их сочетания, некоторые люди приобретают «естественную власть», и их мнения и суждения пользуются широким почтением. Более того, из-за избирательного брака и законов гражданского и генетического наследования позиции естественной власти чаще всего передаются в нескольких благородных семьях. Именно к руководителям этих семей с давними отчетами о превосходных достижениях, дальновидностью и образцовым личностным поведением, люди обращаются с их конфликтами и жалобами друг на друга, и именно эти лидеры естественной элиты обычно выступают в качестве судей и миротворцев, зачастую бесплатно, из чувства долга, требуемого и ожидаемого от лица власти или даже из принципиальной озабоченности в отношении гражданского правосудия, в роли частных производителей «общественного блага».

Фактически, естественное происхождение монархии (в отличие от ее неестественного происхождения через завоевание) можно понять только на фоне прежнего порядка естественных элит. Небольшой, но решающий шаг в переходе к монархическому управлению заключался именно в монополизации функции судьи и миротворца. Этот шаг был предпринят одним из членов добровольно признанной природной элиты – король настоял против оппозиции других членов социальной элиты, чтобы все конфликты на определенной территории предстали перед ним, а конфликтующие стороны больше не выбирали каких-либо других судей или миротворцев, кроме него. С этого момента закон и правоохранительные органы стали дороже: вместо того, чтобы предлагаться бесплатно или по добровольному платежу, они финансировались с помощью обязательного налога. В то же время качество закона ухудшилось: вместо того, чтобы отстаивать существующий закон и применять универсальные и неизменные принципы справедливости, монополистический судья, которому не нужно было опасаться потерять клиентов в результате того, что он был менее беспристрастным в своем суждении, мог бы последовательно изменить существующий закон в свою пользу.

Во многом это была завышенная цена правосудия и извращения древнего закона королями, которые мотивировали историческую оппозицию монархии. Однако преобладала путаница в понимании причин этого явления. Были те, кто правильно признавал, что проблема связана с монополией, а не с элитой или благородством. Но их численность намного превосходили те, кто ошибочно обвиняли элитарный характер правителей, и предлагали просто заменить короля и видимую королевскую власть «народом» и предполагаемой скромностью, и порядочностью «обычного человека». Отсюда и вытекает исторический успех демократии.

По иронии судьбы, монархия была разрушена теми же социальными силами, которые сначала побуждали королей, когда они стали исключать конкурирующие естественные власти из судей. Чтобы преодолеть сопротивление, короли обычно присоединялись к людям, обычным людям. Обращаясь к популярному настроению зависти, цари обещали людям справедливость, дешевле и лучше, за счет налогообложения. Когда обещания королей оказались пустыми, как и должно было быть предсказано, те же эгалитарные чувства, которые они ранее вынашивали, теперь повернулись против них. В конце концов, сам царь был членом дворянства, и в результате исключения всех других судей его позиция стала только более возвышенной и элитарной, а его поведение стало более наглым. Соответственно, казалось логичным то, что и короли тоже должны быть свергнуты, и что эгалитарная политика, начатая монархами, должна быть доведена до ее окончательного исхода: монополистический контроль над судом обычным человеком.

Как и следовало ожидать, как объяснено и подробно проиллюстрировано выше, демократизация закона и применения права привела только к худшему. Цена правосудия и мира возросла астрономически и качество закона неуклонно ухудшалось до такой степени, что идея права как совокупности универсальных и неизменных принципов справедливости почти исчезла из общественного мнения и была заменена на идею законодательного закона (правительственного закона). В то же время демократия преуспела там, где монархия только сделала скромное начало: в конечном разрушении природных элит. Судьба великих

семей рассеялась, и их традиции культуры и экономической независимости, умственной дальновидности, морального и духовного лидерства были забыты. Богатые люди все еще существуют сегодня, но чаще всего они обязаны своим состоянием прямо или косвенно государству. Следовательно, они часто больше зависят от постоянных милостей государства, чем от людей с гораздо меньшим богатством. Они, как правило, больше не являются лидерами давно сложившихся ведущих семей. Их поведение не отмечено особой добродетелью, достоинством или вкусом, а является отражением той же пролетарской массовой культуры современности, оппортунизма и гедонизма, которой богатые теперь делятся со всеми; следовательно, их мнение не имеет большего общественного мнения, чем чье-либо.

Следовательно, когда демократическое правление окончательно исчерпает свою легитимность, возникшая проблема будет значительно сложнее, чем, когда короли потеряли свою легитимность. Тогда было достаточно отменить монополию короля на закон и правоохранительные органы и заменить ее естественным порядком конкурирующих юрисдикций, поскольку остатки естественных элит, которые могли бы взять на себя эту задачу, все еще существовали. Теперь этого больше не будет. Если монополия права и правоохранительной деятельности демократических правительств будет распущена, по-видимому, не будет других уполномоченных, к которым можно обратиться за справедливостью, и хаос кажется неизбежным. Таким образом, в дополнение к отстаиванию отказа от демократии, в настоящее время центральное стратегическое значение имеет то, что идеологическая поддержка должна предоставляться всем децентрализованным или даже сепаратистским социальным силам. Тенденция к политической централизации, которая характеризовала Западный мир на протяжении многих веков, сначала под монархическим правлением, а затем под демократической эгидой, должна систематически меняться. Даже если в результате сепаратистской тенденции возникшие новые правительства, демократические или нет, будут территориально меньше и усиленная политическая конкуренция будет стимулировать умеренность в отношении

эксплуатации. В любом случае только в небольших регионах, общинах или районах будет возможность снова для нескольких людей, отличившихся общественным признанием их экономической независимости, выдающихся профессиональных достижений, морально безупречной личной жизни, превосходных суждений и вкуса, чтобы подняться до звания естественных, добровольно признанных и легитимных по естественному порядку конкурирующих судей и параллельных юрисдикций – «анархического» частного правового общества, как ответа на монархию и демократию.

3. О монархии, демократии, общественном мнении и делегитимизации

I

Уместно начать с нескольких наблюдений за Людвигом фон Мизесом и его идеей о свободном обществе. «Программа либерализма», – писал Мизес,

если ее выразить словом, то это слово должно было бы значить: собственность, то есть частная собственность на средства производства (поскольку в отношении товаров, готовых к употреблению, частная собственность является само собой разумеющейся и не оспаривается даже социалистами и коммунистами). Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального запроса.

Основываясь на частной собственности, объяснил Мизес, возникновение общественно-человеческого сотрудничества было результатом естественного многообразия людей, их собственности и признания того, что работа, выполняемая при разделении труда, более продуктивна, чем работа, выполняемая в самодостаточной изоляции. Он объяснил:

В той мере, в какой работа под разделением труда более продуктивна, чем изолированный труд, и в той мере, насколько человек способен осознать этот факт, настолько человеческая деятельность сама стремится к сотрудничеству и объединению; ... Опыт учит, что это условие существования производительности, достигнутой при разделении труда, вызвано причиной его возникновения во врожденном неравенстве людей и неравенстве в географическом распределении природных факторов производства. Таким образом, мы в состоянии понять ход социальной эволюции.

Если возникновение человеческого общества в рамках разделения труда может быть объяснено как результат корыстных действий, то также

верно, что человечество будет таким, каким оно является, убийцы, грабители, воры, головорезы и мошенники всегда будут существовать, и жизнь в обществе будет невыносимой, если только им не грозит физическое наказание. Либерал хорошо понимает, – писал Мизес,

что не прибегая к принуждению, существование общества будет поставлено под угрозу и что за правилами поведения, соблюдение которых необходимо для обеспечения мирного человеческого сотрудничества, должна стоять угроза силы, если все сооружение общества не должно постоянно находиться в полной власти любого из его членов. Нужно быть в состоянии заставить человека, который не будет уважать жизнь, здоровье, личную свободу или частную собственность других согласиться на соблюдение правил жизни в обществе. Это функция, которую либеральная доктрина присваивает государству: защита собственности, свободы и мира.

Если это будет принято, как организовать правительство, чтобы гарантировать, что оно фактически сделает то, что оно должно делать: защитит ранее существовавшие права частной собственности? Ввиду того, что я скажу позже в пользу института монархии, здесь следует отметить либеральную оппозицию Мизеса против старого режима абсолютных царей и князей. Цари и принцы были привилегированными людьми. Почти по определению они выступали против либеральной идеи единства и универсальности права. Таким образом, утверждает Мизес, либеральная теория государства враждебна князьям.

У княжеского государства нет естественных границ. Быть расширителем его семейного поместья является идеалом принца; он стремится оставить своему преемнику больше земли, чем он унаследовал от своего отца. Продолжать приобретать новые владения до тех пор, пока не будет столкновения с таким же или более сильным противником – это стремление царей ... Князья относятся к странам не иначе как к владельцам недвижимости, которые включают его леса, луга и поля. Они продают их, они

обменивают их (например, «округляют» границы); и каждый раз управление жителями тоже передается. ... Земли и народы в глазах князей – только объекты княжеской собственности; первые составляют основу суверенитета, а последние – принадлежности землевладения. От людей, которые живут на «своей» земле, принц требует послушания и верности; он воспринимает их почти как свою собственность.

Если Мизес отверг княжеское государство как несовместимое с защитой прав частной собственности, то что должно заменить его? Его ответом была демократия и демократическое правительство. Однако определение демократического правительства Мизеса принципиально отличается от его разговорного значения. Мизес вырос в многонациональном государстве и болезненно воспринимал антилиберальные результаты правления большинства в этнически смешанных территориях. Вместо обычного правления большинства, демократия Мизеса означала буквально «самоопределение, своя власть, самоуправление» и, соответственно, демократическое правительство должно быть по существу добровольной организацией с добровольным членством. «Либерализм», объяснил Мизес,

никого не заставляет против его воли быть частью структуры государства. Тот, кто хочет эмигрировать, не должен сдерживаться. Когда часть людей государства хочет отказаться от союза, либерализм не мешает ему делать это. Колонии, которые хотят стать независимыми, должны удовлетворить свою нужду. Нация как органическая сущность не может быть ни увеличена, ни уменьшена из-за изменений в государствах; мир в целом не может ни побеждать, ни проигрывать от них.

Таким образом, право на самоопределение в отношении вопроса о членстве в государстве означает: когда жители конкретной территории, будь то одна деревня, целый район или ряд соседних районов, сообщают свободно проводимым плебисцитом, что они больше не хотят оставаться объединенными с государством, к

которому они принадлежат, их желание должно соблюдаться. Это единственный возможный и эффективный способ предотвращения революций и международных войн ... Если бы каким-либо образом это право могло быть предоставлено на самоопределение каждому отдельному человеку, это нужно было бы сделать.

Следовательно, ответ Мизеса о заверении того, что правительство будет защищать права собственности, состоит из угрозы неограниченного разделения и его собственной характеристики добровольного членства.

II

Я не хочу дальше исследовать идею Мизеса о демократическом правительстве, а вместо этого перейду к современному определению демократии и вопросу о ее совместимости с основанием либерализма: частной собственностью и ее защитой.

Можно было бы утверждать, что определение демократического правительства Мизеса применимо к США до 1861 года. До этого в целом считалось, что право на отделение существует и что Союз является не чем иным, как добровольной ассоциацией независимых государств. Однако после сокрушительного поражения и разрушения сепаратистской Конфедерации Линкольном и Союзом стало ясно, что права на отделение уже не существует и что демократия означает абсолютное и неограниченное правление большинства. Также можно утверждать, что с тех пор ни одно государство не встретило определение демократического правительства Мизеса. Вместо этого, как и их американская модель, все современные демократии являются организациями с обязательным членством.

Удивительно, что Мизес никогда не подвергал эту современную модель демократии тому же систематическому анализу, который он применил к княжескому правительству. Разумеется, никто не был более дальновидным относительно разрушительных последствий социальной и экономической политики современных правительств, чем Мизес, и никто

более четко не осознал резкое увеличение государственной власти в течение двадцатого века, но Мизес никогда не связывал эти явления с современной обязательной демократией. Нигде он не предположил, что упадок либерализма и господство антикапиталистических политических идеологий в этом столетии социализма, социал-демократии, демократического капитализма, экономики социального рынка или любого другого ярлыка были связаны с различными антилиберальными программами и политикой, находит свое систематическое объяснение в мажоритарной демократии.

То, что я предлагаю сделать здесь, состоит в том, чтобы заполнить пробел, оставленный Мизесом, и проанализировать логику мажоритарной демократии, тем самым сделать современную историю понятной и предсказуемой.

III

Без права на отделение, демократическое правительство, экономически говоря, является обязательным территориальным монополистом защиты и окончательной инстанцией принятия решений (юрисдикцией), и в этом отношении неотлично от княжеского правительства. Так же, как князья не разрешали отделение, оно объявлено вне закона в демократическом государстве. Кроме того, как подразумевается для обязательного монополиста, как демократическое правительство, так и принцы имеют право на налоговые льготы. То есть, оба имеют право определять в одностороннем порядке без согласия сумму, которую защищенные должны платить за свою собственную защиту.

Из этой общей классификации обязательных монополий можно вывести фундаментальное сходство как княжеского, так и демократического правительства: при монопольном покровительстве цена правосудия и защиты будет постоянно расти, а количество и качество правосудия и защиты падают. Через экспроприацию собственности защищенного, налоговое финансирование агентства неизбежно приведет к большему количеству налогов и меньшему количеству защиты. Даже если, как говорят либералы, правительство ограничивает свою деятельность

исключительно защитой ранее существовавших имущественных прав, возникает еще один вопрос о том, насколько дорогое производство защиты. Мотивированный (как каждый человек) личными интересами и нежеланием трудиться, но с уникальной способностью собирать налоги, ответ правительственного агента неизменно будет одинаковым: максимально увеличить расходы на защиту, и, возможно, можно будет потреблять почти все богатство страны по стоимости защиты, и в то же время свести к минимуму фактическое производство защиты. Чем больше денег можно потратить на потребление, тем меньше нужно работать.

Более того, монополия юрисдикции неизбежно приведет к неуклонному ухудшению качества защиты. Если кто-то сможет обратиться к правительству за правосудием, оно будет искажено в пользу правительства, конституционных и апелляционных судов. Конституционными и апелляционными судами являются правительственные агентства, и любые ограничения на действия правительства неизменно решаются агентами одного и того же учреждения. Как и ожидалось, определение собственности и защиты будет постоянно изменяться, а правила юрисдикции будут сведены в сторону преимуществ правительства.

IV

Хотя оба они несовместимы с защитой жизни и собственности, княжеское и демократическое правительство также отличаются одним фундаментальным правилом. Решающее различие заключается в том, что вход в княжеское правительство систематически ограничивается личным усмотрением князя, в то время как при вступлении в демократическое и участие в правительстве открыто для всех на равных условиях. Любому, не только наследственному классу дворян, разрешено стать государственным чиновником и выполнять любую правительственную функцию, вплоть до премьер-министра или президента.

Как правило, это различие между ограниченным и свободным вступлением в правительство и переход от княжеского к демократическому правительству было истолковано как продвижение к либерализму: от

общества статуса и привилегии до равенства перед законом. Но эта интерпретация основывается на фундаментальном недопонимании. С классико-либеральной точки зрения демократическое правительство должно считаться регрессией от княжеского правительства.

Свободное и равное участие в правительстве демократического толка – это нечто совершенно иное и несовместимое с классически-либеральной концепцией одного универсального закона, одинаково применимого ко всем, везде и во все времена. Либерализм, отметил Мизес, «стремится к максимально возможному объединению закона, в конечном счете, к мировому единству закона». Однако свободный вход в правительство не достигает этой цели. Напротив, нежелательное неравенство высшего права князей против закона обычных людей сохраняется под демократией в разделении общественного и частного права и верховенства первого над последним. В условиях демократии все равны, поскольку вхождение в правительство открыто для всех на одинаковых условиях. В условиях демократии нет личных привилегий или привилегированных лиц. Однако существуют функциональные привилегии и привилегированные функции. До тех пор, пока они действуют, демократические правительственные агенты регулируются и защищаются общественным правом, и, тем самым, занимают привилегированное положение по отношению к лицам, действующим под простым частным правом (наиболее принципиально то, что общественному правительству разрешено поддерживать свою собственную деятельность посредством налогов, взимаемых с субъектов частного права). Привилегии, дискриминация и протекционизм не исчезают. Наоборот, вместо того, чтобы ограничиваться князьями и дворянами, привилегии, дискриминация и протекционизм могут осуществляться всеми.

Как и ожидалось, в демократических условиях усиливается тенденция каждой принудительной монополии к повышению стоимости и снижению качества своих услуг. Будучи наследственным монополистом, принц рассматривает территорию и людей, находящихся под его юрисдикцией, как свою личную собственность и участвует в монопольной

эксплуатации его «собственности». В условиях демократии эксплуатация не исчезает. Даже если каждому разрешено входить в правительство, это не устраняет различия между правителями и управляемыми. Правительство и управляемые не являются одним и тем же лицом. Вместо принца, который считает страну своей частной собственностью, временный и взаимозаменяемый зритель ставится в монополистическое правление. Зритель не владеет страной, но до тех пор, пока он находится на своем посту, ему разрешено использовать его в своих интересах. Ему принадлежит его нынешнее пользование, но не его основной капитал. Это не устраняет эксплуатацию. Скорее, это делает эксплуатацию менее расчетливой и недальновидной.

Как наследственные принцы, так и демократические опекуны могут увеличить свои текущие расходы за счет более высоких налогов. Тем не менее принц склонен избегать увеличения налогов, если это приводит к потреблению капитала – снижению нынешней стоимости основного капитала, владельцем которого он является. Напротив, зритель не проявляет такого нежелания. Хотя он владеет нынешним налоговым доходом, он не владеет капиталом, из которого он получен. Соответственно, в демократических условиях налогообложение значительно превышает его уровень под княжеским правлением.

Кроме того, как принцы, так и опекуны могут увеличить свои текущие расходы за счет долгов, как и за счет налогов, и они, как правило, имеют больше долгов, чем частные граждане. Однако, в то время как принц берет на себя ответственность за свое личное имущество всякий раз, когда он заимствует (продает облигации) от неправительственной общественности (и нынешняя стоимость его имущества падает), демократический зритель свободен от такого. Он может пользоваться всеми преимуществами более высоких текущих расходов, в то время как ответственность и одновременное падение стоимости имущества ложится на других. Соответственно, правительственные долги растут быстрее в демократических условиях, чем при княжеском правлении.

Наконец, как принцы, так и опекуны могут использовать свою принудительную монополию, чтобы получить контроль над денежной массой, поэтому оба могут также увеличить свои собственные текущие расходы за счет раздувания денег. Однако принц, который раздувает денежную массу, будет сталкиваться с двумя факторами: его непосредственное обогащение и тот факт, что в качестве неизбежного результата будущая покупательная способность денег и его собственные будущие налоги будут ниже. В отличие от принца, демократический смотритель озабочен только своим непосредственным обогащением, поскольку у него нет будущих налоговых поступлений. Он владеет только нынешним налоговым доходом, поэтому он исключительно озабочен нынешней покупательной способностью денег. Увеличивая денежную массу, он может увеличить свою нынешнюю покупательную способность, в то время как сопутствующая более низкая покупательная способность денег и налоговых поступлений должна представиться в будущем другим. Соответственно, денежная инфляция будет также более распространена в демократических условиях, чем при княжеском правительстве.

V

При свободном вступлении в правительство и участии в нем искажение справедливости и защиты (законности и порядка) будет развиваться только быстрее. Понятие универсальных и неизменных прав человека, в частности прав собственности, по существу, исчезает и заменяется понятием закона как права правительства, а также прав, предоставляемых правительством.

Вместо того, чтобы просто перераспределять доходы и богатство от гражданского общества к правительству посредством налогообложения, финансирования дефицита и инфляции денег, как наследственные принцы, так и демократические опекуны могут также использовать свою монополию юрисдикции для перераспределения доходов и богатства внутри гражданского общества. Однако стимулы, с которыми сталкиваются здесь принцы и опекуны, отличаются друг от друга.

Поучительно еще раз взглянуть на княжеское правительство. Что касается перераспределения, то князья сталкиваются с двумя препятствиями. Первое логическое: несмотря на то, что принц стоит выше всех остальных, его права также являются частными правами, хотя и несколько привилегированными. Если принц берет собственность одного человека и распределяет ее другому, он подрывает свое собственное положение и безопасность в отношении к другим князьям. Во-вторых, с экономической точки зрения перераспределение от «имущих» до «неимущих» является контрпродуктивным и снижает общую стоимость владения. Это не означает, что принцы полностью воздерживаются от перераспределительной политики, но их политика имеет совершенно иную форму. С одной стороны, они должны действовать в соответствии с идеей прав частной собственности; с другой стороны, они должны повысить производительность труда в будущем и, следовательно, нынешнюю ценность страны. Соответственно, принцы обычно предоставляют личные, а не групповые привилегии; они дают привилегии имущим вместо неимущих, и участвуют в так называемых «социальных проблемах» путем перераспределения труда, а не перераспределения доходов и богатства.

Напротив, демократический опекун не сталкивается с логическим препятствием на пути перераспределения частной собственности. Вместо того, чтобы вовлекаться в сохранение и совершенствование капитальных ценностей, он будет в первую очередь заботиться о защите и продвижении своей собственной позиции против конкуренции новых членов правительства.

Такая легитимность опекуна не зависит от легитимности частной собственности. Он основан на легитимности «социальной» или «общественной» собственности. Таким образом, если он берет собственность у одного человека и отдает ее другому, как смотритель, он не противоречит своей идеологической основе. Скорее, он подтверждает верховенство принципа социальной собственности. Следовательно, в демократических условиях частное право – закон собственности и договор, лежащий в основе гражданского общества исчезает как самостоятельная область права и поглощается всеобъемлющим государственным законом

(законодательством). Как отметил немецкий социалистический теоретик-юрист Густав Радбрух, с точки зрения демократического зрителя «частное право следует рассматривать только как временный и постоянно уменьшающийся диапазон частной инициативы, временно сохраненный во всеохватывающей сфере общественного права». В конечном счете, все имущество является государственной собственностью. Каждое установленное право частной собственности является временно действующим и может быть изменено в соответствии с односторонним определением сторожем требований «общественной безопасности» и «социального обеспечения».

Во-вторых, поскольку опекуны не владеют капиталом страны, контрпродуктивные последствия перераспределения доходов и богатства практически их не затрагивают. Долгосрочные последствия перераспределительных мер для них неважны, в то время как непосредственных и краткосрочных последствий почти нет. Зритель всегда находится под давлением политической конкуренции со стороны других, желающих заменить его. Принимая во внимание правила демократического правления, зритель должен присуждать или обещать присудить привилегии группам, а не отдельным лицам, и учитывая, что всегда существуют больше неимущих, чем имущих, его перераспределение будет скорее эгалитарным, чем элитарным. Соответственно, в результате демократического состязания структура общества будет постепенно деформироваться.

Независимо от критериев, на которых оно основано, все перераспределение подразумевает «взятие» у первоначального владельца и/или производителя благ и передачу другому «невладельцу» и/или «непроизводителю». Это побуждает к уменьшению желания быть владельцем благ, и увеличению желания быть неимущим. Следовательно, количество владельцев и производителей снижается, а неимущих и непроизводителей – растет. Это приведет к развитию негативных качеств характера человека в противовес позитивным, и жизнь в обществе станет намного хуже. Вместо колонизации, культивирования и аккультурации демократия приведет к социальному вырождению, коррупции, и распаду.

Более того, свободная конкуренция не всегда хороша. Свободная конкуренция в производстве блага хороша, но свободная конкуренция в производстве вреда – нет. Например, свободная конкуренция в пытках и убийствах невинных или свободная конкуренция в подделках или мошенничестве не является хорошей. Уже объяснено, почему правительство как организация с обязательным членством, наделенная полномочиями принятия окончательного решения и налогообложения, должно считаться плохим, по крайней мере, с либеральной точки зрения. Требуется другой взгляд, чтобы понять, что демократическая конкуренция действительно плохая.

В каждом обществе, до тех пор, пока человечество является тем, чем оно является, люди, жаждущие собственности другого человека, будут существовать. Некоторые люди больше страдают от этой жажды, чем другие. Но люди обычно учатся не реагировать на такие чувства или даже стыдиться их испытывать. Как правило, лишь немногие люди неспособны успешно подавить свое желание в собственности других, и их рассматривают как преступников и подавляют физическим наказанием. При княжеском правлении только принц может реализовывать это желание, и именно это делает его потенциальной опасностью. Однако, помимо уже отмеченных логических и экономических препятствий, принц также сдерживается в своих перераспределительных желаниях тем обстоятельством, что все члены общества научились рассматривать взятие и перераспределение чужого имущества как постыдное и безнравственное дело и, соответственно, наблюдать за каждым действием принца с предельным подозрением. В отличие от этого, освобождая вход в правительство, каждому разрешается открыто выразить свое желание собственности других людей. То, что раньше считалось аморальным и, соответственно, подавленным, теперь считается законным чувством. Каждый может открыто желать чужой собственности, пока он обращается к демократии; и каждый может действовать по своему желанию чужого имущества, при условии, что он найдет вход в правительство. Следовательно, в условиях демократии каждый становится угрозой.

В демократических условиях систематически укрепляется аморальное и антисоциальное стремление к чужой собственности. Каждое требование является законным, если оно открыто объявляется под особой защитой «свободы слова». Все можно сказать и заявить, и все захватить. Даже само по себе наиболее безопасное право частной собственности не освобождается от требований перераспределения. Хуже того, при массовых выборах те члены общества, которые не налагают на себя моральных запретов на получение чужого имущества, привычные антиморалисты, которые наиболее талантливо в сборе самых раскованных в моральном плане народных требований, эффективные демагоги, будут иметь тенденцию получить вход и подняться на вершину правительства. Следовательно, плохая ситуация становится еще хуже.

Исторически сложилось так, что выбор принца происходит из-за случая его благородного рождения, и его единственная личная квалификация, как правило, является квалификацией принца и хранителя династии, ее статуса и владений. Это не гарантирует, что принц не будет плохим и опасным. Однако стоит помнить, что любой принц, который потерпел неудачу в своей главной обязанности по сохранению династии, разрушившую страну, вызвавшую гражданские беспорядки или иным образом поставившую под угрозу положение династии, сталкивается с непосредственным риском быть нейтрализованным или убитым другим членом его собственной семьи. Однако, в любом случае, даже если случай благородного рождения и воспитания не мог исключить, что принц может быть плохим и опасным, этот факт также не исключал, что он может быть безвредным дилетантом или даже хорошим и моральным человеком. Напротив, выбор правительственных правителей посредством народного голосования делает практически невозможным то, чтобы любой хороший или безвредный человек мог подняться на вершину. Премьер-министры и президенты избираются за их доказанную эффективность, как морально раскованных демагогов. Таким образом, демократия практически устанавливает то, что только плохие и опасные люди придут на вершину правительства; действительно, в результате свободной политической конкуренции и отбора власти, правители становятся все более плохими и

опасными людьми, но как временные и взаимозаменяемые опекуны они редко рискуют быть убитыми.

VI

После более чем столетия обязательной демократии предсказуемые результаты легко увидеть невооруженным глазом. Налоговая нагрузка, наложенная на собственников и производителей сильнее даже экономического бремя рабов и крепостных. Государственный долг поднялся до захватывающих высот. Золото было заменено бумагой, сделанной правительством, как деньги, и их ценность постоянно сокращалась. Каждая деталь частной жизни, собственности, торговли и контракта регулируется все более высокими горами бумажных законов. Во имя социальной, общественной или национальной безопасности наши опекуны «защищают» нас от глобального потепления и охлаждения, а также от исчезновения животных и растений, от мужей и жен, родителей и работодателей, от бедности, болезней, от бедствий, невежества, предрассудков, расизма, сексизма, гомофобии и множества других общественных врагов и опасностей. И с огромными запасами оружия массового уничтожения они «защищают» нас, даже за пределами США, от всех новых Гитлеров и всех подозреваемых гитлеровских сторонников.

Тем не менее единственную задачу, которую когда-либо предполагало правительство – защитить нашу жизнь и собственность наши опекуны не выполняют. Напротив, чем выше расходы на социальную, общественную и национальную безопасность, тем больше наши права на частную собственность подорваны, тем больше наша собственность экспроприируется, конфискуется, уничтожается и обесценивается, и тем больше мы лишены самой основы всей защиты: личной независимости, экономической мощи и частного богатства. Чем больше бумажных законов, тем выше юридическая неопределенность и беззаконие вытесняет закон и порядок. И когда мы становимся все более беспомощными, обедневшими и уязвимыми угрозам, наши правители становятся все более коррумпированными, опасно вооруженными и высокомерными.

В этот момент возникает вопрос о будущем либерализма. Уместно вернуться к моему началу: Людвигу фон Мизесу и идее либерального общественного порядка. Подобно Этьену де ла Боэти и Дэвиду Юму, Мизес признал, что власть каждого правительства, будь то принцев или опекунов, доброжелательных мужчин или тиранов, покоится в конечном счете на мнении, а не на физической силе. Агенты правительства всегда составляют лишь небольшую часть от общей численности населения, находящегося под их контролем, будь то под княжеским или демократическим правлением. Еще меньше – доля агентов центрального правительства. Но это означает, что правительство, и в частности центральное правительство, не может навязывать свою волю всему населению, если оно не находит широкой поддержки и добровольного сотрудничества в рамках негосударственной общности. Как сказал Ла Боэти:

Тот, кто таким образом властвует над вами ... имеет не что иное, как силу, которую вы ему даете, чтобы уничтожить вас. Где он приобрел достаточно глаз, чтобы шпионить за вами, если вы ему не дадите? Как у него может быть так много рук, чтобы бить вас, если он не возьмет их у вас? Ноги, которые топчут ваши города, где он их получает, если они не ваши? Как у него есть власть над вами, кроме как через вас? Как он посмел бы напасть на вас, если бы у него не было сотрудничества с вами? Что бы он сделал с тобой, если бы ты сам не потворствовал вору, который грабит тебя, если бы ты не был противником «мудреца», который убил тебя, если бы ты не стал предателем? Вы сеете урожай, чтобы он мог его разорить, вы устанавливаете и снабжаете свои дома, чтобы дать ему товар для грабежа; вы растите своих дочерей, чтобы он мог удовлетворить свою похоть; вы воспитываете своих сыновей, чтобы он мог наделить их величайшей привилегией, которую, как он решил, нужно получить в сражении, будучи поставленными на бой, чтобы стать слугами его жадности и орудиями его отмщения; вы приносите свои тела на каторгу, чтобы он потворствовал своим похотям и валялся в своих грязных

наслаждениях; вы ослабеваете, чтобы сделать его сильнее и сильнее, чтобы держать вас под контролем.

Однако, если власть каждого правительства основывается только на мнении и консенсусном сотрудничестве, тогда также следует, что каждое правительство может быть снято простым изменением мнений и осуществлением явной воли. «Ибо, если тирания действительно основывается на массовом согласии, то очевидным средством ее свержения является просто массовое изъятие этого согласия». То есть, чтобы лишить правительство своих полномочий и вернуть его до статуса добровольной членской организации (как и было до 1861 года в США), нет необходимости свергать его, участвовать в насильственной битве против него или даже провозглашать своих правителей. Фактически, этим только подтверждается принцип принуждения и агрессивного насилия, лежащий в основе нынешней системы, и это неизбежно приведет к замене одного правительства или тирана другим. Напротив, необходимо только то, чтобы кто-то решился выйти из принудительного союза и восстановил свое право на самозащиту. Действительно, важно, чтобы никто не шел иначе, чем путем мирного отделения и отказа от сотрудничества.

Этот совет кажется сначала наивным (какая разница, если вы или я решу отделиться от союза?), его статус как подлинной стратегии социальной революции становится очевидным после того, как будут изложены полные последствия акта личного отделения. Решение об отделении подразумевает, что центральное правительство считается незаконным, и, следовательно, к нему и его агентам относятся как к агенту вне закона и «иностранным» оккупационным силам. То есть, даже будучи принуждаемым, один человек, соблюдая свое самосохранение, не идет ни на какое дополнительное сотрудничество с оккупантом. Один пытается сохранить как можно больше своей собственности и сдать как можно меньше налоговых денег. Им рассматриваются все федеральные законы, законодательство и нормативные акты как недействительны и игнорируются по возможности. Он не участвует в политике центрального правительства и ничем не способствует функционированию федерального политического механизма. Он не поддерживает какую-либо национальную

политическую партию или политическую кампанию, или какую-либо организацию, учреждение, фонд, институт, сотрудничающий с какой-либо ветвью федерального Левиафана.

Вместо этого, поскольку большая часть собственности остается на руках этого человека, она обеспечивает новые инвестиции в свою защиту и скрывание от изъятия государством. Так же, как существование частного преступления требует соответствующей защиты, такой как замки, орудия, ворота, стражи и страховка, существование правительства требует конкретных защитных мер: один инвестирует в такие формы собственности и в такие места, где можно скрыть свое богатство, насколько это возможно, от глаз и рук правительства. Но защитных мер недостаточно. Чтобы получить полную защиту своего имущества от досягаемости правительства, необходимо не оставаться изолированным в своем решении отделиться. Конечно, не каждый должен следовать этому примеру. Действительно, даже не обязательно, чтобы это делало большинство населения. Однако необходимо, чтобы по крайней мере большинство населения во многих отдельных населенных пунктах делали это, и для достижения этого критического уровня массового изъятия необходимо дополнять свои защитные меры с помощью наступательной стратегии: инвестировать в идеологическую кампанию делегитимизации идеи и института демократического правления среди общественности.

Масса людей, как признавали Ла Боэти и Мизес, всегда и везде состоит из «скотоводов», «тупиц», «дураков», легко обманываемых и погруженных в привычное подчинение. Таким образом, сегодня, вырастая с раннего детства правительственной пропагандой в государственных школах и учебных заведениях легионами публично сертифицированных интеллектуалов, большинство людей бездумно принимают и повторяют глупости, такие как «демократия – это самоуправление», а «правительство – народное и для людей». Даже если они могут видеть сквозь этот обман, большинство до сих пор беспрекословно принимает демократическое правительство в связи с тем, что оно предоставляет им множество товаров и преимуществ. Такие «дураки», наблюдая за Ла Боэти, не понимают, что они «просто

восстанавливают часть своей собственности и что их правитель не мог дать им то, что они получали, не отобрав это у них». Таким образом, каждая социальная революция обязательно должна начинаться с нескольких необычных людей: естественной элиты.

Вот как Ла Боэти описывает эту элиту и ее роль:

Всегда есть немногие, более одаренные, чем другие, которые чувствуют вес ига и не могут сдерживаться от попыток сотрясать его: это люди, которые никогда не становятся прирученными под покровительством и которые всегда, как и Улисс, на земле и на море постоянно пытаюсь найти дым своего дымохода, не могут не желать своих естественных привилегий. На самом деле люди, обладающие ясными умами и дальновидным духом, не удовлетворены, как зверская масса, видеть только то, что находится у их ног, а скорее оглядываются на них, и вспоминают состояние прошлого, чтобы судить о будущем, и сравнить его с нынешним состоянием. Это те, кто, имея собственные умы, дополнительно обучил их изучением. Даже если бы свобода полностью погибла на Земле, такие люди бы ее снова изобрели. Для них рабство не несет никакого удовлетворения, независимо от того, насколько хорошо оно замаскировано.

Однако, как не может быть революции без либерально-либертарианской элиты, так может быть и революции без какой-либо формы массового участия. То есть, элита не может достичь своей собственной цели восстановления прав частной собственности и правопорядка, если ей не удастся передать свои идеи общественности, открыто, если это возможно, и тайно, если это необходимо, и пробудить массы от подчиненного сна, по крайней мере временно, их естественный инстинкт желания быть свободным. Как сказал Мизес: «Цветение человеческого общества зависит от двух факторов: интеллектуальной силы выдающихся людей, чтобы зачать здоровые социальные и экономические теории и способности тех или иных людей сделать эти идеологии приемлемыми для большинства».

Следовательно, решение членов элиты отделиться от правительства и не сотрудничать с ним должно всегда включать в себя решимость участвовать в постоянной идеологической борьбе или способствовать ей, и если власть правительства основывается на широко распространенном принятии ложных, действительно абсурдных и глупых идей, то единственной подлинной защитой является систематическая атака этих идей и распространение истинных. Но также, как всегда, нужно быть осторожным и в отношении своих материальных инвестиций, не менее важно, чтобы человек был вечно бдительным и избирательным в своих идеологических инвестициях.

В частности, недостаточно просто критиковать или поддерживать критику конкретной государственной политики или личностей, поскольку даже если она правильная и популярная, такая критика не проникает в корень проблемы. В терминологии «новых левых» она «имманентна системе» и, таким образом, безвредна с точки зрения правительства. Соответственно, любая поддержка, предоставляемая такими усилиями, как бы она ни была хорошо продуманна, в лучшем случае расточительна и в худшем случае еще больше увеличивает власть правительства. В то время как критика правительства может начинаться с конкретных законов или личностей, всегда нужно идти дальше. Каждый критик и критика, заслуживающие поддержки, должны продолжать объяснять, что каждое конкретное правительство терпит неудачу из-за сути самого правительства (и, в частности, демократического правления). Другими словами, ни один критик или критика не заслуживает чьей-либо поддержки, если он не раскрывает в качестве интеллектуального мошенничества два столпа, на которых лежит вся государственная власть: убеждение в том, что защита частной собственности, уникальная среди всех товаров, требует обязательной монополии (недобровольной членской организации), и что частная собственность и защита наилучшим образом обеспечены, если вхождение в управление этой монополией правопорядка является бесплатным и ее директора избираются демократически.

На самом деле никогда не должно быть ни малейшего колебания в приверженности бескомпромиссному идеологическому радикализму

(«экстремизму»). Мало того, что что-то меньшее будет контрпродуктивным, но что более важно, только радикальные, действительно радикально простые идеи могут возбуждать эмоции скучных и ленивых масс. И нет ничего более эффективного в том, чтобы убедить массы прекратить сотрудничество с правительством, чем постоянные и неустанные насмешки над правительством и его представителями, как над моральными и экономическими мошенниками и самозванцами: как над голыми королями, подверженными презрению.

Если, и только если члены естественной либерально-либертарианской элиты полностью поймут это и начнут действовать соответственно, у либерализма будет будущее. Только тогда они сделают то, что Ла Бозти посоветовал нам всем делать:

Решите, что вы больше не служите, и вы сразу освободитесь. Я не прошу, чтобы вы свергали тирана, а просто, чтобы вы его больше не поддерживали; тогда вы увидите его, как великого Колосса, чей пьедестал, будучи отброшенным, падет и разбивается на куски.

4. О демократии, перераспределении и уничтожении собственности

Представьте себе мировое правительство, демократически избранное по принципу один человек – один голос во всемирном масштабе. Каким будет вероятный исход выборов? Скорее всего, мы получим китайско-индийское коалиционное правительство. И что бы это правительство, скорее всего, решило сделать, чтобы удовлетворить своих сторонников и быть переизбранным? Правительству следовало бы увидеть, что так называемый западный мир имеет слишком много богатств, а остальной мир, в частности Китай и Индия – слишком мало, поэтому необходимо ввести закон о перераспределении богатства. Или представьте, что в вашей собственной стране право голоса было расширено до семилетнего возраста. Хотя правительство вряд ли будет укомплектовано детьми, его политика будет более определенно решать «законные проблемы» детей, например, «адекватный и равный» доступ к «бесплатному» картофелю фри, лимонаду и видео.

Проведя эти «мысленные эксперименты» не может быть никаких сомнений в последствиях процесса демократизации, который начался в Европе и США во второй половине девятнадцатого века и завершился с концом Первой мировой войны. Последовательное расширение всеобщего права голосования и, наконец, установление всеобщего избирательного права для взрослых сделали в каждой стране то, что мировая демократия сделает для всего земного шара: она привела в движение, по-видимому, постоянную тенденцию к перераспределению богатства и доходов.

«Один человек – один голос» в сочетании со «свободным входом» в правительственную демократию подразумевает, что каждый человек и его личная собственность находятся под риском захвата кого угодно. Возникает «трагедия общин». Стоит ожидать, что большинство «неимущих» будут неустанно пытаться обогатиться за счет «имущих» меньшинств. Это не означает, что будет только один класс неимущих и один класс имущих, и что перераспределение будет происходить равномерно от богатых к бедным. В то время как перераспределение от

богатых к бедным будет играть важную роль, было бы социологической ошибкой предположить, что это будет единственная или даже преобладающая форма перераспределения. В конце концов, «постоянно» богатые и «постоянно» бедные, как правило, богатые или бедные по причине. Богатые зачастую характеризуются яркостью и трудолюбием, а бедные обычно люди скучные и ленивые. Маловероятно, что бездари, даже если они составляют большинство, будут систематически обогащаться за счет меньшего количества ярких и энергичных людей. Скорее, большинство перераспределений будет происходить в группе «небедных», и зачастую перераспределение будет от худших к лучшим. Рассмотрим, например, почти универсальную практику предоставления «бесплатного» университетского образования, в соответствии с которой рабочий класс, чьи дети редко посещают университеты, оплачивает налоги за обучение детей среднего класса. Более того, можно ожидать, что будет много конкурирующих групп и коалиций, пытающихся обеспечить себя за счет других. Будут различные критерии, определяющие, кто имеет право «грабить» других, а кто не имеет.

Признание демократии как механизма «народного богатства» и перераспределения доходов в сочетании с одним из самых основополагающих принципов всей экономики, который гласит, что самостоятельно любой человек получит больше того, чего он хочет, чем с помощью субсидий, является ключом к пониманию нынешней эпохи.

Все перераспределение, независимо от критериев, на которых оно основывается, подразумевает «изъятие» у первоначальных владельцев и/или производителей и «передачу» несобственникам и производителям. Стимул быть первоначально собственником или производителем уменьшается, а стимул не быть собственником и производителем растет. Соответственно, в результате субсидирования будет расти нищета. Посредством субсидирования безработных людей будет создано больше безработицы. Поддержка одиноких матерей из налоговых фондов приведет к увеличению числа матерей-одиночек, незаконных детей и разводов. В результате запрета детского труда доходы передаются от семей с детьми к бездетным лицам (в результате роста их ставки заработной платы из-за

юридических ограничений на поставку труда). Соответственно, рождаемость будет падать. С другой стороны, субсидированием образования детей создается противоположный эффект. Доходы передаются от бездетных и семей с несколькими детьми к многодетным семьям. В результате рождаемость вырастет. Тем не менее ценность детей все равно упадет, а рождаемость будет снижаться в результате так называемой системы социального обеспечения, поскольку субсидирование пенсионеров (пожилых людей) из налогов, взимаемых с нынешних лиц, получающих доходы (молодежи), межпоколенческая семейная связь будет систематически ослабляться. Пожилые в своих потребностях больше не будут полагаться на помощь своих детей, если они не предусмотрели свою собственную старость, и молодая часть населения (с типично меньшими накоплениями богатств) будет должна поддерживать пожилую часть (у которой обычно больше накоплений), а не наоборот, как это типично для семьи. В результате, желание родителей заботиться о детях и желание рожать будет сокращаться, семейные проблемы и неблагополучные семьи будут разрастаться, меры экономии и накопления капитала сократятся, а потребление капитала увеличится.

В результате субсидирования симулянтов, невротиков, невнимательных, алкоголиков, наркоманов, ВИЧ-инфицированных, а также физически и психически «сомнительных» людей через страховое регулирование и обязательное медицинское страхование приведет к тому, что будет больше болезней, симуляции, невротиков, беспечности, алкоголизма, наркомании, ВИЧ-инфицированных, физически и умственно отсталых. Принуждение непроступников, в том числе жертв преступлений, платить за тюремное заключение преступников (вместо того, чтобы преступники выплачивали компенсацию своим жертвам и оплачивали полную стоимость их собственного задержания и лишения свободы), будет увеличивать преступность. От принуждения бизнесменов нанимать больше женщин, гомосексуалистов, чернокожих или других «меньшинств», чем они хотели бы, станет больше трудоустроенных меньшинств и меньше трудоустроенных мужчин, гетеросексуалов и белых рабочих. Принуждение к тому, чтобы частные землевладельцы субсидировали

(«защищали») «находящиеся под угрозой исчезновения виды», проживающие на своей земле через экологическое законодательство, приведет к большему обеспечению животных, и к худшему обеспечению людей.

Самое главное, убеждение частных собственников и/или рыночных получателей доходов (производителей) субсидировать «политиков», «политические партии» и «государственных служащих» (политики и государственные служащие не платят налоги, а оплачиваются налогами) приведет к тому, что будет меньше богатства, меньше производителей и меньше производительности, и все больше растрат, «паразитов» и паразитизма.

Предприниматели (капиталисты) и их сотрудники не могут получать доход, если они не производят товары или услуги, которые продаются на рынке. Покупки покупателей являются добровольными. Покупая товар или услугу, покупатели (потребители) демонстрируют, что они предпочитают этот товар или услугу сумме денег, которую они должны сдать, чтобы приобрести его. Напротив, политики, партии и государственные служащие не производят ничего, что продается на рынке. Никто не покупает правительственные «товары» или «услуги». Они производятся, и затраты на них присутствуют, но они не продаются и не покупаются. С одной стороны, это означает, что невозможно определить их ценность и выяснить, оправдывают ли затраты их стоимость. Поскольку никто не покупает их, никто на самом деле не демонстрирует, что он считает, что государственные товары и услуги стоят затрат, и что вообще у них есть какая-либо стоимость. С точки зрения экономической теории, таким образом, совершенно нелегитимно предполагать, как это всегда делается в национальном подоходном учете, что государственные товары и услуги чего-то стоят, а затем просто добавлять эту ценность к ценности «нормальных», частных товаров (купленных и проданных) товаров и услуг для получения валового внутреннего (или национального) продукта. Можно также предположить, что государственные товары и услуги ничего не стоят вообще, или даже то, что они не являются «багами», а являются «вредом», и, следовательно, стоимость политиков и всей гражданской

службы должна быть вычтена из общей стоимости товаров и услуг, произведенных частным образом. С другой стороны, что касается практических последствий, то субсидирование политиков и государственных служащих означает субсидию на «производство» с малым или отсутствующим учетом благополучия своих предполагаемых потребителей и с большим или абсолютным учетом благосостояния «производителей», т.е. политиков и государственных служащих. Их зарплаты остаются неизменными, независимо от того, удовлетворяет ли их продукция потребителей или нет. Соответственно, в результате расширения «государственного» сектора занятости, будет возрастать лень, беспечность, некомпетентность, плохие услуги, жестокое обращение, расточительство и даже разрушение, и в то же время станет больше высокомерия, демагогии и лжи («мы работаем ради общественного блага»).

После менее чем ста лет демократии и перераспределения видны ожидаемые результаты. «Резервный фонд», который был унаследован от прошлого, по-видимому, исчерпан. В течение нескольких десятилетий (с конца 1960-х или начала 1970-х годов) реальный уровень жизни на Западе застыл или даже упал. «Общественный» долг и стоимость существующей системы социального обеспечения и здравоохранения привели к перспективам неизбежного экономического кризиса. В то же время почти каждая форма нежелательного поведения, безработица, зависимость от «всеобщего благосостояния», небрежность, безрассудство, невежливость, психопатия, гедонизм и преступность увеличились, а социальные конфликты и социальный распад поднялись до опасных высот. Если текущие тенденции продолжатся, то можно смело говорить, что западное государство всеобщего благосостояния (социал-демократия) рухнет так же, как восточный (российский) социализм рухнул в конце 1980-х годов.

Однако экономический коллапс автоматически не приведет к улучшению. Дела могут стать хуже, а не лучше. К тому же, помимо кризиса, нужны правильные идеи, и люди, способные понять и реализовать их, как только появится такая возможность. В конечном счете, ход истории определяется идеями, будь то истинными или ложными, а также людьми,

действующими и вдохновляющимися истинными или ложными идеями. Нынешний беспорядок также является результатом идей. Это результат подавляющего принятия общественным мнением идеи демократии. Пока это принятие преобладает, катастрофа неизбежна, и нет надежды на улучшение даже после его ухода. С другой стороны, как только идея демократии признается ложной и порочной (а идеи могут, в принципе, меняться почти мгновенно) можно будет избежать катастрофы.

Главной задачей тех, кто хочет предотвратить прямой распад, является «делегитимация» идеи демократии как первопричины нынешнего состояния прогрессивной «децивилизации». С этой целью следует прежде всего указать, что в истории политической теории трудно найти большого количества сторонников демократии. Почти все крупные мыслители не имели ничего, кроме презрения к демократии. Даже отцы-основатели США, которых в настоящее время считают создателями модели демократии, были категорически против этого. Без единого исключения они думали о демократии как о самосуде. Они считали себя членами «естественной аристократии», а не демократией, и они защищали аристократическую республику. Более того, даже среди немногих теоретических защитников демократии, таких как Руссо, например, почти невозможно найти кого-либо, кто защищает демократию для чего угодно, кроме крайне малых общин (деревень или городов). Действительно, в небольших сообществах, где все знают всех остальных лично, большинство людей должны признать, что позиция «имущих» обычно основана на их превосходных личностных достижениях, а позиция «неимущих» находит свое типичное объяснение в их личных недостатках и неполноценности. В этих условиях гораздо труднее избежать наказания, пытаясь ограбить других людей и использовать их личную собственность в своих интересах. В отличие от этого, на больших территориях, охватывающих миллионы или даже сотни миллионов людей, где потенциальные мародеры не знают своих жертв, и наоборот, человеческое желание обогатиться за счет другого человека практически не ограничено.

Что еще более важно, необходимо еще раз подчеркнуть, что идея демократии безнравственна и неэкономична. Что касается морального

статуса правила большинства, то следует отметить, что он позволяет А и В объединиться, чтобы ограбить С, С и А, чтобы ограбить В, а затем В и С сговориться против А и т.д. Это не справедливость, а моральный произвол, и вместо того, чтобы относиться к демократии и демократам с уважением, к ним следует относиться с открытым презрением и высмеивать как моральных мошенников.

С другой стороны, что касается экономического качества демократии, необходимо неустанно подчеркивать, что не демократия, а частная собственность, производство и добровольный обмен являются конечными источниками человеческой цивилизации и процветания. В частности, вопреки распространенным мифам, необходимо подчеркнуть, что отсутствие демократии практически не связано с банкротством социализма российского стиля. Причина была не в принципах, выбранных политиками, которые решали проблемы социализма. Это были политики и политические решения как таковы. Вместо того, чтобы каждый частный производитель самостоятельно определял, что делать с конкретными ресурсами, как при режиме частной собственности и договорного отношения, с полностью или частично обобщенными средствами производства каждое решение требует чужого разрешения. Для производителей не имеет значения, как выбираются те, кто дает разрешение. Для него важно то, что разрешение нужно получать вообще. Пока это происходит, стимул производителей к производству сокращается, и обнищание растет. Частная собственность так же несовместима с демократией, как и с любой другой формой политического правления. Вместо демократии справедливость и экономическая эффективность требуют, чтобы чистое и неограниченное общество частной собственности было «анархией производства», в которой никто не управляет кем-либо, и все отношения производителей являются добровольными и, следовательно, взаимовыгодными.

Наконец, что касается стратегических соображений, для того, чтобы приблизиться к цели ненасильственного социального порядка, т.е. анархии частной собственности, идея мажоритаризма должна быть повернута против самого демократического правления. При любой форме

правительственного правления, включая демократию, «правлящий класс» (политики и государственные служащие) составляет лишь небольшую часть от общей численности населения. Хотя возможно, что сто паразитов могут вести комфортную жизнь на продуктах одной тысячи хозяев, тысяча паразитов не может жить на сотни хозяев. Основываясь на признании этого факта, представляется возможным убедить большинство избирателей в том, что они навредят тем, кто живет за счет налогов других людей, сказать, насколько высоки эти налоги, и таким образом решить, демократически, забрать право голоса от всех государственных служащих и всех, кто получает правительственные льготы, независимо от того, являются ли они получателями пособий или государственными подрядчиками.

Кроме того, в сочетании с этой стратегией необходимо признать подавляющее значение сепаратистских движений. Если решения большинства «правильны», то решения наибольшего из всех возможных большинства, мирового большинства и демократического мирового правительства должны считаться в конечном счете «правильным», с последствиями, предсказанными в начале этой главы. Напротив, отделение всегда связано с отрывом меньших групп от более крупного населения. Таким образом, это голосование против принципа демократии и мажоритаризма. Когда процесс отделения переходит к уровню малых регионов, городов, городских округов, деревень и, в конечном счете, индивидуальных домашних хозяйств и добровольных ассоциаций частных домашних хозяйств и фирм, становится труднее поддерживать текущий уровень политики перераспределения. В то же время, чем меньше территориальные единицы, тем больше вероятность того, что несколько человек, поддержанных народным признанием своей экономической независимости, выдающихся профессиональных достижениях, морально безупречной личной жизни, превосходном суждении, мужестве и вкусе, будут подниматься в ранг естественных, добровольно признанных элит и придавать законность идее естественного порядка конкурирующих (немонополистических) и свободно (добровольно) финансируемых миротворцев, судей и дублирующих друг друга юрисдикций, которые существуют даже сейчас на арене международной торговли и

передвижения. Чистое частное правовое общество – ответ на демократию и любую другую форму политического (принудительного) правления.

5. О централизации и отделении

Государство является территориальным монополистом принуждения – агентом, который может заниматься постоянными, институционализированными нарушениями прав собственности и эксплуатацией в форме экспроприации, налогообложения и регулирования владельцев частной собственности. Предполагая, что правительственные агенты мотивированы своими личными интересами, все государства (правительства) будут использовать эту монополию в своих целях и, следовательно, проявлять тенденцию к увеличению эксплуатации. С одной стороны, это означает увеличение внутренней эксплуатации (и внутреннего налогообложения). С другой стороны, этот аспект также указывает на рост территориального экспансионизма. Государства всегда будут пытаться расширить свою эксплуатационную и налоговую базу. Однако при этом они вступают в конфликт с другими конкурирующими государствами. Конкуренция между государствами, являющимися территориальными монополистами принуждения, по своей природе является отборочной конкуренцией. То есть в любой области может существовать только один монополист эксплуатации и налогообложения; таким образом, следует ожидать, что конкуренция между различными государствами будет способствовать тенденции к усилению политической централизации и, в конечном счете, формированию одного единственного мирового государства.

Достаточно взглянуть на историю Запада, чтобы проиллюстрировать справедливость этого вывода. Например, в начале этого тысячелетия Европа состояла из тысяч независимых политических единиц. Сейчас осталось всего несколько десятков таких единиц. Разумеется, децентрализованные силы также существовали. Происходил постепенный распад Османской империи с XVI века до Первой мировой войны и создание современной Турции. Несравненная Империя Габсбургов постепенно расчленилась со времени ее наибольшего расширения под Карлом V, пока она не исчезла, и современная Австрия была основана в 1918 году. И только недавно на наших глазах бывшая Советская империя

распалась. В настоящее время на территории бывшего Советского Союза насчитывается более десятка независимых государств. Бывшая Югославия состоит теперь из Словении, Хорватии, Сербии, Македонии и Боснии. И чехи, и словаки разделились и сформировали независимые страны. Однако преобладающая тенденция была в обратном направлении. Например, во второй половине семнадцатого века Германия насчитывала около 234 стран, 51 свободный город и 1500 независимых рыцарских усадеб. К началу девятнадцатого века общее число этих троих категорий упало ниже, чем 50, и к 1871 году была достигнута унификация. Сценарий в Италии был схожим. Даже небольшие государства имеют историю расширения и централизации. Швейцария началась в 1291 году как конфедерация трех независимых кантональных государств. К 1848 году это было одно (федеральное) государство с несколькими дюжинами кантональных провинций.

Более того, с глобальной точки зрения человечество подошло ближе, чем когда-либо, к созданию мирового правительства. Еще до роспуска Советской империи Соединенные Штаты достигли гегемонического статуса над Западной Европой (в первую очередь над Западной Германией) и странами Тихоокеанского региона (в первую очередь над Японией), о чем свидетельствуют присутствие американских войск и военных баз, пакты НАТО и СЕАТО, роль американского доллара как конечной международной резервной валюты и Федеральной резервной системы США как «кредитора» или «поставщика ликвидности» средств для всей западной банковской системы, а также создание таких международных организаций как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и недавно созданная Всемирная торговая организация (ВТО). Кроме того, под американской гегемонией политическая интеграция Западной Европы неуклонно продвигалась вперед. С недавним созданием Европейского центрального банка и европейской валюты (ЕВРО), Европейское сообщество почти объединено. В то же время с Североамериканским соглашением о свободной торговле (НАФТА) был сделан значительный шаг к политической интеграции американского континента. В отсутствии Советской империи и ее военной угрозы, США

стали единственной и бесспорной мировой военной сверхдержавой и «всемирным полицейским».

Согласно общепринятой точке зрения, централизация, как правило, является «добрым» и прогрессивным движением, тогда как распад и отделение, даже если они иногда неизбежны, представляют собой анахронизм. Предполагается, что более крупные политические единицы и, в конечном счете, одно мировое правительство – подразумевают более широкие рынки и, следовательно, рост богатства. В качестве свидетельства этого указывается, что экономическое процветание резко возросло с увеличением централизации. Однако, вместо того, чтобы отражать какую-либо правду, этот ортодоксальный взгляд более наглядно иллюстрирует тот факт, что история обычно написана ее победителями, и что временное совпадение не доказывают причинности. Фактически, связь между экономическим процветанием и централизацией сильно отличается от этого, и даже почти противоположна тому, что утверждает общепринятое мнение.

Политическая интеграция (централизация) и экономическая (рыночная) интеграция – это два совершенно разных явления. Политическая интеграция предполагает территориальное расширение государственной власти налогообложения и регулирования собственности (экспроприация). Экономическая интеграция – это расширение межличностного и межрегионального разделения труда и участия на рынке. В принципе, при налогообложении и регулировании владельцев частной собственности и лиц, получающих доход на рынке, все правительства контрпродуктивны. Они сокращают участие на рынке и формирование экономического благосостояния. Однако, если предположить существование правительства, прямых отношений между территориальными размерами и экономической интеграцией не существует. Швейцария и Албания – малые страны, но Швейцария демонстрирует высокую степень экономической интеграции, в то время как в Албании этого нет. И США, и Советский Союз большие. Тем не менее несмотря на то, что в США широкое разделение труда и рынка, в Советском Союзе практически не было экономической интеграции, так как не

существовало частной собственности на капитал. Таким образом, централизация может идти рука об руку с экономическим прогрессом или регрессом, прогрессом, когда менее налоговое и регулирующее правительство расширяет свою территорию за счет более эксплуататорской, и регрессом, когда централизация подразумевает экономическую дезинтеграцию.

Однако существует очень важная косвенная связь между размером и экономической интеграцией. Центральное правительство, управляющее крупными территориями, и тем более единым мировым правительством не может существовать с самого начала. Вместо этого, все институты, имеющие право облагать налогом и регулировать владельцев частной собственности, должны начинаться с малого. Однако малость способствует умеренности. У небольшого правительства есть много близких конкурентов, и если оно налагает налоги и регулирует свои собственные субъекты заметно больше, чем его конкуренты, оно должно страдать от эмиграции рабочей силы и капитала и соответствующей потери будущих налоговых поступлений. Рассмотрим, например, одно домашнее хозяйство или деревню как независимую территорию. Мог ли отец поступать с его сыном или мэр с его деревней так, как правительство Советского Союза делало со своим подданным (т.е. лишить их права на частную собственность) или то, что делают правительства всех стран Западной Европы и США для их граждан (т.е. экспроприировать до 50 процентов их продукции)? Очевидно, что нет. Было бы либо немедленное восстание, и правительство было бы свергнуто, или возникла бы эмиграция в другое соседнее владение или деревню.

Вопреки распространенному мнению, именно тот факт, что Европа обладала децентрализованной структурой власти, состоящей из бесчисленных независимых политических единиц, объясняет происхождение капитализма – расширение участия на рынке и экономический рост в западном мире. Это не случайно, что капитализм сначала процветал в условиях крайней политической децентрализации: в северных городах Италии, на юге Германии и в сепаратистских Нижних Странах (Нидерланды).

Конкуренция между малыми государствами в отношении налогооблагаемых субъектов приводит их в конфликт друг с другом. В результате межгосударственных конфликтов, исторически затянувшихся на протяжении столетий, несколько государств преуспевают в расширении своих территорий, в то время как другие устраняются или включаются. Какие государства выигрывают в этом процессе отборочной конкуренции, конечно, зависит от многих факторов, но в конечном итоге решающим фактором является относительный объем экономических ресурсов. Благодаря налогообложению и регулированию правительства не оказывают положительного вклада в создание экономического богатства. Вместо этого они паразитически используют существующее богатство. Однако они могут и позитивно влиять на количество существующих богатств. При прочих равных условиях, чем ниже налоговое и регулирующее бремя, налагаемое правительством на его внутреннюю экономику, тем больше его население имеет тенденцию к росту (из-за внутренних причин, а также факторов иммиграции), и тем больше объем произведенного на внутреннем рынке богатства, что может привести к конфликтам с соседними конкурентами. По этой причине централизация часто прогрессирует. Государства, которые мало взимают налоги и регулируют свою экономику не сильно, склонны побеждать и расширять свои территории за счет нелиберальных государств. Это объясняет начало «промышленной революции» в Англии и Франции. Это объясняет, почему в течение девятнадцатого века Западная Европа стала доминировать над остальным миром (а не наоборот) и почему колониализм был в целом прогрессивным. Кроме того, он объясняет рост США к рангу сверхдержавы в течение двадцатого века.

Тем не менее чем дальше идет процесс победы более либеральных правительств над менее либеральными, т.е. чем больше территорий, тем меньше оставшихся конкурентов и, следовательно, ниже стимул правительства продолжать его внутренний либерализм. Когда кто-то приближается к пределу единственного мирового правительства, исчезает возможность проголосовать против него уйдя из него. Куда человек не пойдет, там применяется такая же структура налогообложения

и регулирования. Таким образом, освободившись от проблемы эмиграции, появляется основа для расширения государственной власти. Это объясняет события XX века: с Первой мировой войны, а тем более со Второй мировой войной, США достигли гегемонии над Западной Европой и стали наследниками ее огромных колониальных империй. Решающий шаг в направлении глобального объединения был сделан с созданием «американского мира». И действительно, на протяжении всего периода существования США, Западная Европа и большинство остального мира страдали от устойчивого и драматического роста государственной власти, налогообложения и экспроприации.

В свете социальной и экономической теории и истории в такой ситуации можно рассмотреть случай отделения.

Первоначально отделение – это не что иное, как переход контроля над национализированным богатством от более крупного центрального правительства к более мелкому, региональному. Является ли это результатом большей или меньшей экономической интеграции и процветания, во многом зависит от политики нового регионального правительства. Однако акт отделения сам по себе оказывает положительное влияние на производство, поскольку одной из наиболее важных причин для отделения является, как правило, убеждение со стороны сепаратистов в том, что они и их территория эксплуатируются другими. Словенцы справедливо чувствовали, что их систематически ограбили сербы и сербское центральное югославское правительство; балтийский народ возмущался тем, что им пришлось отдать дань уважения россиянам и правительству России, имеющему господство в Советском Союзе. В силу отделения, гегемонистские внутренние отношения заменяются договорными взаимовыгодными и внешними отношениями. Вместо принудительной интеграции происходит добровольное разделение. Принудительная интеграция, также иллюстрируемая такими мерами, как управление арендной платой, позитивные действия, антидискриминационные законы и, как будет объяснено в ближайшее время, «свободной иммиграцией», неизменно создает напряженность, ненависть и конфликты. Напротив, добровольное разделение ведет к

гармонии и миру. При принудительной интеграции любая ошибка может быть возложена на «инострannую» группу или культуру, и все успехи утверждаются как собственные, поэтому нет никакой причины, чтобы какая-либо культура училась у другой. Находясь под «единым» режимом нужно противостоять не только культурному разнообразию, но, в частности, явно различных рангов культурного развития. Если сепаратистский народ хочет улучшить или сохранить свою позицию по отношению к конкурирующему, ничто иное, как дискриминационное обучение, не поможет. Он должен подражать, ассимилироваться и, по возможности, улучшать навыки, черты, практики и правила, характерные для более развитых обществ, и должен избегать черт, характерных менее развитым обществам. Не продвижение выравнивания культур принудительной интеграцией, а отделение стимулирует совместный процесс культурного отбора и продвижения.

Более того, хотя все остальное зависит от внутренней политики нового регионального правительства и отсутствия прямой взаимосвязи между размером и экономической интеграцией, существует важная косвенная связь. Так же, как политическая централизация в конечном счете имеет тенденцию способствовать экономической дезинтеграции, отделение стремится к интеграции и экономическому развитию. Во-первых, отделение всегда связано с отрывом меньшего от более крупного населения и, таким образом, является голосованием против принципа демократии и мажоритарного правления в пользу частной децентрализованной собственности. Что еще более важно, отделение всегда предполагает расширение возможностей для межрегиональной миграции, а сепаратистское правительство немедленно сталкивается с угрозой эмиграции. Но этого легко избежать, приняв сравнительно либеральную внутреннюю политику, разрешив более частную собственность и наложив более низкое налоговое и регулирующее бремя, чем соседи. В конечном счете, на столько же территорий, сколько существует отдельных домохозяйств, деревень или городов, возможности для экономически мотивированной эмиграции максимизируются, а государственная власть над внутренней экономикой сводится к минимуму.

В частности, чем меньше страна, тем больше будет давление на выбор свободной торговли, а не протекционизма. Все вмешательство правительства во внешнюю торговлю насильственно ограничивает круг взаимовыгодных межтерриториальных обменов и, следовательно, ведет к обнищанию как дома, так и за рубежом. Но чем меньше территория и ее внутренние рынки, тем более драматичным будет этот эффект. Например, страна, размером США, может достичь сравнительно высокого уровня жизни, даже если она откажется от всей внешней торговли, если она обладает неограниченным внутренним капиталом и рынком потребительских товаров. Напротив, если сербские города или уезды отделены от соседней Хорватии и, если они будут придерживаться такого же протекционизма, это, вероятно, вызовет у них катастрофу. Рассмотрим одно домашнее хозяйство как наименее маленькую сепаратистскую единицу. Участвуя в неограниченной свободной торговле, даже самая маленькая территория может быть полностью интегрирована на мировой рынок и использовать все преимущества разделения труда, ее владельцы могут стать самыми богатыми людьми на земле. Живым доказательством этого является существование одного богатого человека. С другой стороны, если бы те же домашние владельцы решили отказаться от всей межтерриториальной торговли, это привело бы к крайней нищете или смерти. Соответственно, чем меньше территория и ее внутренние рынки, тем более вероятно, что она сделает выбор в пользу свободной торговли.

Более того, отделение также способствует денежно-кредитной интеграции. Процесс централизации также привел к дезинтеграции в денежной сфере: разрушению прежнего международного товарного (золотого) денежного стандарта и его замене доминирующей в долларах системой свободно колеблющихся правительственных бумажных денег, т.е. глобальным, возглавляемым США фальсифицированным картелем. Однако система свободно колеблющихся бумажных валют, строго говоря, не представляет никакой денежной системы вообще. Эта система частичного бартера противоположна самой цели денег, как средства облегчения, а не усложнения обмена. Это становится очевидным, когда признается, что с точки зрения экономической теории нет особой связи

этого с тем как формируются национальные границы. И все же, если затем вообразить, что распространение все меньших национальных территорий, в конечном счете продвинется до такой степени, что каждое домохозяйство формирует свою собственную страну, это становится абсурдом. Ибо, если бы каждое домашнее хозяйство выпустило свою собственную бумажную валюту, мир вернулся бы к бартеру. Никто не согласился бы на чью-либо бумагу, экономический расчет был бы невозможен, и торговля пошла бы в застой. Это не происходит только из-за многовековой политической централизации и того факта, что остается лишь относительно небольшое число стран и национальных валют; следовательно, дезинтегративные последствия и вычислительные трудности гораздо менее строги, и это можно упустить. Из этого теоретического понимания следует, что отделение, если оно будет действовать достаточно сильно, фактически будет способствовать денежной интеграции. В мире сотен тысяч независимых политических единиц каждая страна должна будет отказаться от нынешней денежной системы, которая несет ответственность за наибольшую инфляцию во всей человеческой истории и вновь принять международную систему товарных денег, такую как золотой стандарт.

Сепаратизм и рост сепаратистских и регионалистских движений во всем мире представляют собой не анахронизм, а потенциально самые прогрессивные исторические силы, особенно в свете того, что с падением Советского Союза мы стали ближе, чем когда-либо, к созданию «нового мирового порядка». Сецессия увеличивает этническое, языковое, религиозное и культурное разнообразие, а столетия централизации вытесняют сотни различных культур. Сецессия закончит вынужденную интеграцию, вызванную централизацией, и вместо того, чтобы стимулировать социальную борьбу и культурное выравнивание, она будет способствовать мирному, совместному соревнованию территориально разных культур. В частности, она устраняет проблему иммиграции, которая все чаще преследует страны Западной Европы, а также США. В настоящее время, когда центральное правительство разрешает иммиграцию, оно позволяет иностранцам приходить дорогами, принадлежащими государству, к порогу любого из его резидентов, независимо от того, хочет

ли он такой близости к иностранцам. Таким образом, в значительной степени «свободная иммиграция» является вынужденной интеграцией. Сецессия решает эту проблему, позволяя небольшим территориям иметь свои собственные стандарты приема и самостоятельно определять, с кем они будут общаться на своей собственной территории, и с кем они предпочитают сотрудничать на расстоянии.

Наконец, отделение способствует экономической интеграции и развитию. Процесс централизации привел к формированию международного правительственного картеля управляемой миграции, торговли и бумажных денег, который становится только более агрессивным, обременительным и глобализированным государством общественного благосостояния и приводит к экономической стагнации или даже снижению уровня жизни. Сецессия, если она достаточно обширна, может изменить все это. Мир будет состоять из десятков тысяч отдельных стран, регионов и кантонов, а также сотен тысяч независимых свободных городов, таких как нынешние «чудаки» Монако, Андорра, Сан-Марино, Лихтенштейн, Гонконг и Сингапур. Как только возможности миграции по экономическим причинам значительно увеличатся, мир станет состоять из множества небольших либеральных правительств, экономически интегрированных посредством свободной торговли и международных товарных денег, таких как золото. Это будет мир неслыханного процветания, экономического роста и культурного развития.

6. О социализме и десоциализации

I

Богатство может быть создано или увеличено тремя и только тремя способами: воспринимая определенные природные блага как скудные и активно преобразуя их в свое владение, прежде чем кто-либо еще это сделает (гомстед); путем производства товаров с помощью своего труда и ранее присвоенных ресурсов; или путем приобретения товара добровольной, контрактной передачей от предыдущего владельца или производителя. Акты первоначального присвоения превращают то, что раньше никто не считал благом в доходный актив; акты производства по своей природе направлены на превращение менее ценных активов в более ценные; и каждый контрактный обмен касается обмена и перенаправления конкретных активов из рук тех, кто ценит свое владение меньше в руки тех, кто ценит их больше.

Отсюда следует, что социализм может только привести к обнищанию.

Прежде всего, при социализме собственность на производственные активы присваивается коллективом лиц независимо от действий или бездействия каждого члена в отношении принадлежащих ему активов. По сути, социалистическая собственность благоприятствует несобственнику, производителю, а также неконтрактным отношениям и не благоприятствует собственникам, производителям и подрядчикам. Соответственно, будет меньше первоначальных присвоений природных ресурсов, на которые присутствует дефицит, будет меньше производство новых и меньше запас старых факторов производства, и будет меньше контрактов, поскольку все эти виды деятельности связаны с расходами. При режиме коллективной собственности стоимость выполнения работы повышается, а невыполнения работы – снижается.

Во-вторых, поскольку средства производства не могут быть проданы при социализме, рыночные цены на факторы производства не существуют. Без таких цен учет затрат невозможен. Затраты не могут

сравниваться с результатами, и невозможно решить, стоит ли их использование для данной цели или же это приводит к разбазариванию скудных ресурсов на проекты, маловажные или вовсе неважные для потребителей. Поскольку ему не разрешено принимать предложения от частных лиц, которые могли бы увидеть альтернативный способ использования данного средства производства, социалистический смотритель капитальных товаров не знает, каковы их возможности. Следовательно, будет возникать неэффективное размещение производственных факторов.

В-третьих, даже при некотором первоначальном распределении факторов, стимулы каждого отдельного производителя к увеличению количества и/или качества его индивидуального выпуска систематически уменьшаются и его стимул использовать входные факторы так, чтобы избежать их чрезмерное использование или недоиспользование тоже уменьшается. Вместо этого выгоды и потери социалистического предприятия обобществляются, а не приписываются конкретным индивидуальным производителям, систематически поощряя склонность каждого к лени и халатности. Следовательно, будет произведено низкое качество товаров и/или низкое количество, и начнется постоянное потребление капитала.

В-четвертых, при режиме частной собственности лицо, владеющее ресурсом, может самостоятельно определять, что с ним делать. Если он хочет увеличить свое богатство и/или повысить социальный статус, он может сделать это только за счет более эффективного удовлетворения самых насущных потребностей добровольных потребителей за счет использования его имущества. При наличии коллективных факторов производства присутствуют механизмы коллективного принятия решений. Каждое решение о том, что, как и для кого производить, за сколько продавать и кого поощрять или отвергать, – это политическое дело. Любое несогласие должно решаться путем наложения воли одного человека на чужой взгляд, и это неизменно создает победителей и проигравших. Следовательно, если человек хочет подняться по лестнице при социализме, ему нужно прибегнуть к своим политическим

талантам. Это не таланты предпринимать, работать и отвечать потребностям потребителей, которые обеспечивают успех. Скорее, только посредством убеждений, демагогии и интриг посредством обещаний, взяток и угроз можно подняться на вершину. Излишне говорить, что эта политизация общества, подразумеваемая любой системой коллективной собственности, еще больше способствует обнищанию.

II

Явное банкротство социализма по всей Восточной Европе с конца 1980-х годов, после семидесяти лет «социальных экспериментов», представляет собой печальную иллюстрацию обоснованности экономической теории. Что за теория, которая давно предсказала этот результат как неизбежный, может наиболее быстро подняться Восточную Европу из руин социализма? Поскольку главной причиной ее экономического несчастья является коллективная собственность на факторы производства, решение и ключ к процветающему будущему – это приватизация. Однако, как мы должны приватизировать общественную собственность?

Перед ответом на этот вопрос должно предшествовать элементарное, но фундаментальное моральное наблюдение. Поскольку социализм не может возникнуть без экспроприации активов, первоначально «созданных» и принадлежащих отдельным домохозяйствам, производителям и/или подрядчикам, всякая социалистическая собственность, с самого начала порожденная «плохими» методами, должна быть конфискована. Ни одно правительство, даже если оно свободно избирается, не может считаться владельцем какой-либо социалистической собственности, поскольку наследник преступника, даже если он невиновен, не становится законным владельцем незаконно приобретенных активов. Из-за его личной невиновности он по-прежнему освобождается от судебного преследования, но все его «унаследованные» выгоды должны немедленно возвращаться к первоначальным жертвам, и возвращение социалистической собственности должно происходить без обязанности ими выплачивать что-либо.

Более конкретно, все оригинальные владения собственностью должны быть немедленно распознаны, независимо от того, кто в настоящее время имеет это владение. Поскольку претензии первоначальных частных владельцев или их наследников сталкиваются с претензиями пользователей текущих активов, первые должны заместить последних. Только если текущий владелец сможет доказать, что требование первоначального владельца-наследника является незаконным, то есть что право собственности на указанное имущество первоначально было приобретено принудительным или мошенническим способом, только тогда он должен быть признан законным владельцем.

Что касается социалистической собственности, владение на которую нельзя восстановить таким образом, следует реализовать синдикалистские идеи; то есть собственность на активы должна быть немедленно передана тем, кто их использует, – сельскохозяйственные угодья фермерам, фабрики рабочим, улицы уличным рабочим и жителям, школы учителям, бюро бюрократам, и т.д. Чтобы разбить таким образом сверхогромные социалистические конгломераты производства, синдикалистский принцип должен применяться к тем производственным единицам, в которых фактически осуществляется работа данного человека, т.е. к отдельным офисным зданиям, школам, улицам или кварталам улиц, фабрикам и фермам. В отличие от синдикализма, но с исключительной важностью, приобретенные таким образом доли собственности должны быть свободно продаваемыми, а фондовый рынок должен быть создан таким образом, чтобы обеспечить четкое разделение функций собственников-капиталистов и неимущественных работников и организовать плавную и непрерывную передачу активов от менее до более продуктивных рук.

С этой приватизационной стратегией связаны две проблемы. Во-первых, что должно быть сделано в случае возведенных структур, которые согласно предлагаемой схеме будут принадлежать их нынешним производительным пользователям, но построенными на земле, которая должна вернуться к другому первоначальному владельцу? Хотя это может показаться достаточно простым, нужно присудить каждому действующему

производителю равную долю собственности, но сколько акций должно быть у владельца земли? Постройки и земля не могут быть физически разделены. Что касается экономической теории, то они являются абсолютно специфическими факторами производства, относительный вклад которых в их совместный ценный продукт нельзя определить. В этом случае нет альтернативы, кроме как заключить сделку. Это, в отличие от первого впечатления, что это может привести к постоянному, неразрешимому конфликту, вряд ли вызовет много головной боли, так как неизменно существуют только две стороны и строго ограниченные ресурсы, задействованные в таком споре. Более того, найти быстрый, взаимоприемлемый компромисс в интересах обеих сторон, и, если какая-либо сторона обладает более слабой переговорной позицией, то это явно землевладелец (потому что он не может продать землю без согласия владельца структуры, в то время как он может демонтировать структуру без разрешения землевладельца).

Во-вторых, стратегия синдикалистской приватизации означает, что производители в капиталоемких отраслях будут иметь относительное преимущество по сравнению с теми, кто работает в трудоемких отраслях. Стоимость акций, полученных первым, превысит богатство, присуждаемое последним, и это неравное распределение богатства потребует оправдания. На самом деле это легко обосновать. Вопреки широко распространенным «либеральным» (т.е. социал-демократическим) убеждениям, нет ничего с этической точки зрения плохого в отношении неравенства. Действительно, проблема приватизации ранее социализированной собственности почти полностью аналогична проблеме установления частной собственности в «состоянии природы», т.е. когда ресурсы ранее никем не использовались. В этой ситуации, согласно центральной идее Локка о естественных правах, которая совпадает с естественным чувством справедливости большинства людей, частная собственность устанавливается посредством акта гомстеда: смешивания своего труда с ресурсами, данными природой, прежде чем кто-либо еще это сделает. Поскольку существуют разнообразные различия между качеством природных ресурсов, результат «этического» гомстеда скорее будет неравенством, чем равенством. Синдикалистский подход к

приватизации – это просто применение этого принципа гомстеда к слегка изменившимся обстоятельствам. Социализированные факторы производства уже укомплектованы частными людьми. Только их имущественное право в отношении конкретных производственных факторов до сих пор игнорировалось, и все, что произойдет в рамках предлагаемой схемы, заключается в том, что эта неоправданная ситуация, наконец, будет устранена. Если такое исправление приводит к неравенству, то это не более несправедливо, чем неравенства, которые возникают в случае присвоения природных благ.

Более того, наше синдикалистическое предложение экономически более эффективно, чем единственная возможная альтернатива приватизации в соответствии с основным требованием справедливости (признания того, что правительство не имеет законного права на социализированную экономику, следовательно, о её продаже или об аукционе не может быть и речи). Согласно последней альтернативе, все население будет получать равные доли во всех активах страны, не возвращенных оригинальным владельцам. Помимо сомнительного морального качества этого решения, это было бы крайне неэффективно. Во-первых, для того, чтобы такие распределенные по стране акции стали продаваемыми титулами собственности, нужно четко указать, к какому ресурсу они относятся. Поэтому для реализации этого предложения сначала потребуется полная инвентаризация всех активов страны или, по крайней мере, инвентаризация всех ее четко разделяемых производственных единиц. Во-вторых, даже если бы такой инвентарь был окончательно собран, владельцы будут состоять из большого количества лиц, которые почти ничего не знали об этом имуществе. Напротив, при неэгалитарной синдикалистской приватизационной схеме не требуется инвентаризация. Кроме того, собственность предоставляется исключительно лицам, которые, благодаря их продуктивному участию в принадлежащих им активах, в наибольшей степени могут реалистично оценить данные активы.

В сочетании с приватизацией всех активов в соответствии с изложенными принципами правительство должно принять конституцию

частной собственности и объявить ее неизменным основным законом для всей страны. Эта конституция должна быть предельно краткой и содержать принципы, терминологически которые должны быть максимально однозначны исходя из этого: каждый человек имеет право использовать свою частную собственность любым способом, который он считает нужным (с учетом того, что титулом владения своим телом может обладать только изначальный его владелец), если он без разрешения не меняет физическую целостность тела или имущества другого человека. Все межличностные обмены и все обмены имущественными титулами между частными владельцами должны быть добровольными (контрактными). Эти права человека являются абсолютными. Нарушение их любым лицом подлежит законному преследованию жертвой этого нарушения или ее агентом и действует в соответствии с принципами соразмерности наказания и строгой ответственности.

В соответствии с этой конституцией, все существующие меры регулирования заработной платы и цен, все регуляции собственности и требования к лицензированию, а также все ограничения на импорт и экспорт должны быть немедленно отменены и должна быть введена полная свобода договора, занятости, торговли и миграции. Впоследствии правительство, которое теперь не имеет собственности, должно объявить свое постоянное существование неконституционным, поскольку оно зависит от неконтрактных приобретений собственности, то есть налогообложения, и отречься.

III

Результатом этой полной отмены социализма и создания чистого общества частной собственности – анархии владельцев частной собственности, регулируемой исключительно законом о частной собственности, будет самый быстрый способ восстановления экономики в Восточной Европе. Уже изначально население в целом было бы удивительно богатым, потому что, хотя экономики Восточной Европы находятся в руинах, страны все еще не разрушены. Ценность недвижимости высока, и, несмотря на весь объем потребления капитала в

прошлом, все еще существуют огромные объемы средств производства. Без государственного сектора и всего национального богатства в частных руках люди Восточной Европы вскоре могут стать предметом зависти среди своих западноевропейских коллег.

Более того, освобождение средств производства от политического контроля и передача их частным лицам, которым разрешено использовать их по своему усмотрению, пока они физически не наносят ущерб ресурсам, принадлежащим другим, является основным стимулом для будущего производства. С неограниченным рынком капитальных товаров становится возможным рациональный учет затрат. С прибылью, а также потерями, индивидуализированными и отражаемыми в капитале владельца и счете продаж, возникает максимальный стимул каждого отдельного производителя увеличивать количество и/или качество его продукции и избежать чрезмерного или недостаточного использования капитала. В частности, конституционное положение, в котором защищена только физическая целостность имущества (не ценность имущества), гарантирует, что каждый владелец будет предпринимать наибольшие усилия по содействию благоприятным изменениям ценностей собственности и предотвращению обесценивания (что может быть результатом действий другого лица в отношении его имущества).

В частности, отмена всех ценовых регуляций практически мгновенно устраняет весь существующий дефицит, и выпуск продукции начнет немедленно расти как в количественном, так и в качественном отношении. Безработица на время бы резко увеличивалась, но с гибкими ставками заработной платы, без коллективных переговоров и без субсидий на безработицу, она так же быстро бы исчезла. Первоначально средние ставки заработной платы оставались бы существенно ниже западных ставок, но это тоже изменится. Из-за сравнительно небольших ставок заработной платы и статуса свободной гавани без налогов и регуляций, большое количество инвесторов и огромный объем капитала начнут поступать немедленно.

Производство безопасности – защиты полицией и судебной системой, которая обычно считается лежащей вне компетенции свободных рынков и являющейся надлежащей функцией правительства, скорее всего, будет передана крупными западными страховыми компаниями. Предоставление страхования на личную собственность, полицейская деятельность (предупреждение и выявление преступности, а также взыскание компенсации) фактически является частью «естественного» бизнеса этой отрасли (если бы не правительства, препятствующие страховщикам делать это и присваивая эту задачу самим себе, со всей обычной и знакомой неэффективностью, возникающей в результате такой монополизации). Аналогичным образом, находясь в бизнесе разрешения арбитражных конфликтов между заявителями конкурирующих страховщиков, страховая компания, естественно, будет выполнять функции судебной системы.

Но более важным, чем вход крупного бизнеса, например, страховых компаний в сферу безопасности, является то, что возникнет приток большого числа мелких предпринимателей, в частности из Западной Европы. Столкнувшись с тяжелым налоговым бременем в государствах всеобщего благосостояния Западной Европы, а также сдерживанием бесчисленными правилами (лицензионными требованиями, законами о защите труда, установленными рабочими и торговыми часами), нерегулируемая экономика частной собственности в Восточной Европе была бы почти неотразимой привлекательностью. Вскоре крупномасштабный приток предпринимательских талантов и капитала начнет поднимать реальные ставки заработной платы, стимулировать внутренние сбережения и приведет к быстрому ускорению процесса накопления капитала. Вместо того, чтобы идти с Востока, миграция происходила бы в обратном направлении, причем все большее число западноевропейцев отказывались бы от всеобщего благосостояния ради неограниченных возможностей, предлагаемых на Востоке. Наконец, столкнувшись с растущими потерями производительных лиц, что еще больше повлияло бы на их бюджеты благосостояния, власти Западной Европы будут вынуждены начать десоциализацию.

IV

ПОСТСКРИПТУМ: О ПРИВАТИЗАЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ
ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Хотя из вышеизложенных соображений должно быть ясно, почему с точки зрения морали, а также экономической точки зрения западные государства всеобщего благосостояния требуют столь же тщательной реформы, как и бывшие социалистические страны Восточной Европы, важно отметить, что метод приватизации должен быть разным в обоих случаях. Стратегия синдикалистской приватизации, предложенная для бывших социалистических стран, применяется, как можно вспомнить, только в тех случаях, когда не существует идентифицируемого ранее экспроприированного частного владельца или наследника обобщенных факторов производства. Если такой владелец-наследник может быть идентифицирован, то он должен быть вновь установлен как частный владелец. Если и только если такой владелец или наследник не существует, можно просто установить нынешних и/или прошлых пользователей обобщенных производственных средств в качестве их частных собственников, поскольку они и только они тогда являются объективными, т.е. intersubъективно определяемыми, владельцами ресурсов. Только они, из всех людей, де-факто обосновали владение средствами производства, о которых идет речь. Таким образом, только претензия на их собственность может иметь «реальную» (объективную) основу.

По этой же логике не было бы никакого «реального» фундамента для того, чтобы общественную собственность государства всеобщего благосостояния западного мира назначили работникам государственного сектора, т.е. так называемым государственным служащим, по линии синдикалистского лозунга «государственные школы для учителей, университеты для профессоров, почтовые отделения для почтовых работников, общественные земли для бюрократов из Бюро земельного управления, здания суда и полицейские участки для судей и полицейских и т.д.». Действительно, сделать это было бы не что иное, как моральный произвол, даже в случае, когда «общественная» собственность не является

результатом прежней экспроприации у какого-либо бывшего частного владельца этого имущества с помощью власти правительства (в этом случае имущество должно быть просто возвращено первоначальному владельцу или наследнику). Даже в этом случае всякая «общественная» собственность по-прежнему является результатом какой-то формы экспроприации, и, хотя надлежащая идентификация жертв этой экспроприации сложнее, чем при явной экспроприированной собственности, она не является совсем невозможной. В любом случае очевидно, что государственные служащие, как правило, не входят в число жертв. Следовательно, у этих людей есть наименее обоснованные претензии к частной собственности на это имущество.

Все здания и сооружения, находящиеся в государственной собственности, финансировались за счет налогов, а неразвитые общественные земли — это результат, основанный на принудительной политике, запрещающей частное присвоение и развитие природы и природных ресурсов. Следовательно, налогоплательщики в соответствии с их уплаченными налогами должны иметь право на общественные здания и сооружения, а незастроенные государственные земли просто должны быть открыты для частного присвоения. Имейте в виду, что государственные служащие не являются налогоплательщиками (хотя в публичном дискурсе они часто считают себя таковыми). Скорее, их чистая прибыль обычно выплачивается из налогов, уплачиваемых другими лицами, работающими в частном секторе экономики. Государственные служащие являются налоговыми потребителями (как и получатели пособий); следовательно, государственные служащие, а также получатели социальных пособий должны быть исключены из частной собственности в бывших общественных зданиях и структурах. Как государственные служащие, так и получатели социальных пособий живут за счет налоговых платежей других людей, и это будет оскорблением, если они вместо тех, кто выплатил свои деньги на общественные здания и структуры, должны будут обладать правом владения этими зданиями и сооружениями. Что касается незанятых общественных земель, доступных для частной хозяйственной обработки, каждый общественный управляющий землями должен быть

исключен по той же причине, так как он занимается охраной этой земли от занятия кем-либо. Ему может быть разрешено занять другие общественные земли, которые ранее охранялись от частного занятия другими правительственными агентами. Но позволить ему взять участки, которые он сам охранял, даст ему преимущество перед другими потенциальными хозяевами, было бы несправедливо из-за того факта, что именно он за деньги налогоплательщиков ранее удерживал этих же налогоплательщиков от этой земли.

7. О свободной иммиграции и принудительной интеграции

I

Классический аргумент в пользу свободной иммиграции работает следующим образом: при прочих равных условиях предприятия переходят в низкооплачиваемые районы, а труд переходит в высокодоходные районы, что вызывает тенденцию выравнивания ставок заработной платы (для одного и того же вида занятости), а также оптимизирует размещение капитала. Приток мигрантов в область с высоким уровнем заработной платы снизит номинальную ставку заработной платы. Однако он не снизит реальные ставки заработной платы, если население окажется ниже своего оптимального размера. Напротив, если это так, произведенная продукция будет увеличиваться сверхпропорционально, а реальные доходы фактически возрастут. Таким образом, ограничения на иммиграцию будут наносить ущерб защищенным работникам как потребителям больше, чем они приобретают через производство. Более того, ограничения на иммиграцию увеличат «бегство» капитала за рубеж (экспорт капитала, который в противном случае мог бы остаться), все еще вызывая выравнивание ставок заработной платы (хотя и несколько медленнее), но приводя к менее оптимальному распределению капитала, тем самым время мировым жизненным стандартам.

Кроме того, традиционалистские профсоюзы, и в настоящее время защитники окружающей среды выступают против свободной иммиграции, и это должно с первого взгляда считаться еще одним аргументом в пользу политики свободной иммиграции.

II

Как указано, приведенный выше аргумент в пользу свободной иммиграции неопровержим. Было бы глупо нападать на него, так же, как было бы глупо отрицать, что свободная торговля ведет к более высоким жизненным стандартам, чем протекционизм.

Было бы также неверным нападать на вышеупомянутый случай свободной иммиграции, указывая на то, что из-за существования

государства всеобщего благосостояния иммиграция стала в значительной степени иммиграцией бенефициаров, которые не увеличивают, а уменьшают средний уровень жизни даже если размер населения, например, находится ниже ее оптимальной точки популяции. Это не аргумент против иммиграции, а аргумент против государства всеобщего благосостояния. Разумеется, государство всеобщего благосостояния должно быть уничтожено полностью. Однако проблемы иммиграции и благосостояния являются аналитически различными проблемами, и к ним следует относиться соответственно.

Проблема с вышеприведенным аргументом заключается в том, что он страдает от двух взаимосвязанных недостатков, которые лишают законности безусловного проиммиграционного заключения и/или дают аргумент, применимый только к крайне нереалистичной ситуации в истории человечества.

Первый недостаток будет затронут лишь поверхностно. Либертарианцам Австрийской школы должно быть ясно то, что состав «богатства» и «благополучия» субъективный. Материальное богатство – это не единственное, что имеет ценность. Таким образом, даже если реальные доходы растут из-за иммиграции, из этого не следует, что иммиграция должна считаться «хорошей», поскольку люди могут предпочесть более низкий уровень жизни и большее расстояние до других людей, нежели более высокий уровень жизни и меньшее расстояние до других людей.

Вместо этого в центре внимания будет второй недостаток. Что касается той или иной территории, в которую люди иммигрируют, то остается неанализируемым то, кто владеет этой территорией. Фактически, для того, чтобы применить приведенный выше аргумент, должно подразумеваться, что территория, о которой идет речь, не принадлежит никому, и что иммигранты входят на девственную. Очевидно, сегодня это уже нельзя предполагать. Если это предположение отбрасывается, проблема иммиграции приобретает совершенно новый смысл и требует фундаментального переосмысления.

III

Для иллюстрации возьмем сначала анархо-капиталистическое общество. Не смотря на убеждение, что такое общество является единственным социальным порядком, который можно отстаивать как справедливый, я не хочу объяснять, почему это так. Вместо этого я буду использовать его в качестве концептуального эталона, поскольку это поможет объяснить фундаментальное заблуждение «современных защитников свободной иммиграции».

Все земли находятся в частной собственности, включая все улицы, реки, аэропорты, гавани и т.д. Владельцу разрешается делать с его имуществом все, что ему заблагорассудится, до тех пор, пока он физически не наносит ущерб имуществу, принадлежащему другим. Что касается территорий, которыми человек владеет частично, титул владения может нести ограниченный характер. Как и в случае с жилищным строительством, владелец может быть связан договорными ограничениями на то, что он может делать со своим имуществом (добровольное зонирование), которое может включать жилое и коммерческое использование зданий не выше четырех этажей, не продаваемых или арендуемых евреям, немцам, католикам, гомосексуалистам, гаитянам, семьям с детьми или без детей, или курильщикам, например.

Ясно, что при таком сценарии нет такой вещи, как свобода иммиграции. Скорее, многие независимые владельцы частной собственности имеют право допускать или исключать других из своей собственности в соответствии с их собственными неограниченными или ограниченными титулами владения. Прием на некоторые территории может быть легким, в то время как другим может быть практически невозможным. Однако в любом случае прием в собственность принимающего лица не означает «свободу передвижения», если другие владельцы собственности не согласятся на такое передвижение. Там будет столько иммиграции или неиммиграции, интеграции или исключительности, десегрегации или сегрегации, недискриминации или дискриминации на основе расовых, этнических, языковых, религиозных,

культурных или любых других оснований, сколько допускают отдельные владельцы или ассоциации индивидуальных владельцев.

Обратите внимание, что ни одна из этих, даже самая сильная форма сегрегации, не имеет ничего общего с отказом от свободной торговли и принятием протекционизма. Из того факта, что человек не хочет ассоциироваться или общаться в окрестностях с неграми, турками, католиками или индусами и т.д. не следует, что он не хочет торговать с ними на расстоянии. Наоборот, именно абсолютная добровольность человеческой ассоциации и разделения – отсутствие какой-либо формы принудительной интеграции делает мирными и свободными отношениями между культурами, расовыми, этническими или религиозно отличающимися людьми.

IV

В анархо-капиталистическом обществе нет правительства и, соответственно, нет четкого различия между «туземцами» (внутренними гражданами) и иностранцами. Это различие возникает только при создании правительства, т.е. учреждения, которое обладает территориальной монополией на агрессию (налогообложением). Территория, на которой распространяется государственная налоговая власть, становится «внутренней», и все, проживающие за пределами этой территории, становятся иностранцами. Государственные границы (и паспорта) являются «неестественным» (принудительным) учреждением. Действительно, их существование подразумевает двукратное искажение в отношении естественной склонности людей к объединению с другими. Во-первых, «туземцы» не могут исключать правительство (налогоплательщика) из своего собственного имущества и подчиняются тому, что можно было бы назвать «принудительной интеграцией» со стороны правительственных агентов. Во-вторых, чтобы иметь возможность вторгаться в частную собственность своих субъектов в целях налогообложения, правительство должно всегда иметь контроль над существующими дорогами, и оно будет использовать свои налоговые поступления для производства еще большего количества дорог, чтобы

получить еще лучший доступ ко всем потенциальным источникам налогообложения частной собственности. Это перепроизводство дорог не приводит лишь к невинному облегчению межрегиональной торговли (снижению транзакционных издержек) как некоторые экономисты хотели бы, чтобы мы верили, а приводит только к принудительной внутренней интеграции (искусственная десегрегация отдельных местностей).

Более того, с созданием правительства и государственных границ иммиграция приобретает совершенно новый смысл. Иммиграция становится иммиграцией иностранцев через государственные границы, и решение о том, следует ли допускать какое-либо лицо, больше не принадлежит частным владельцам собственности или ассоциациям таких владельцев, а принадлежит правительству в качестве окончательного суверена всех местных жителей. Теперь, если правительство исключает человека, в то время как хотя бы один местный житель хочет принять этого самого человека в свою собственность, результатом является принудительное исключение (явление, которое не существует при анархизме частной собственности). Кроме того, если правительство принимает человека, в то время как нет ни одного местного жителя, который хочет, чтобы это лицо находилось в его собственности, результатом является принудительная интеграция (также отсутствует при анархизме частной собственности).

V

Настало время обогатить анализ введением нескольких «реалистичных» эмпирических допущений. Давайте предположим, что правительство находится в частной собственности. Правитель владеет всей страной в пределах государственных границ. Он непосредственно владеет частью территории (его право собственности не ограничено), и он является частичным владельцем остальной части страны (как арендодатель или остаточный претендент на все владения, принадлежащие гражданам-арендаторам недвижимости, ограниченными некоторыми существующими договорами аренды). Он может продавать и завещать свою собственность,

а также может рассчитывать и фиксировать денежную стоимость своего капитала (своей страны).

Традиционные монархии и короли являются наиболее близкими историческими примерами этой формы правления.

Какой будет типичная иммиграционная и эмиграционная политика короля? Поскольку он владеет капитальной стоимостью всей страны, он будет склонен выбирать миграционную политику, которая будет сохранять или повышать, а не уменьшать ценность его королевства, предполагая под этим не более чем его личный интерес.

Что касается эмиграции, то король хотел бы предотвратить эмиграцию продуктивных субъектов, в частности своих лучших и наиболее продуктивных субъектов, потому что их уход понизит ценность королевства. Так, например, с 1782 по 1824 год закон в Британии запрещал эмиграцию квалифицированных рабочих. С другой стороны, король хотел бы изгнать своих непродуктивных и деструктивных подданных (преступников, бомжей, нищих, цыган, бродяг и т.д.), поскольку их удаление с его территории увеличило бы стоимость его царства. По этой причине Великобритания выслала десятки тысяч преступников в Северную Америку и Австралию.

С другой стороны, что касается иммиграционной политики, король хотел бы не допустить чернь, а также всех людей с низкими производительными возможностями. Люди последней категории будут только временно приняты в качестве сезонных работников без гражданства, и им будет запрещено постоянное владение имуществом. Так, например, после 1880 года большое количество поляков были наняты в качестве сезонных рабочих в Германии. Король разрешил бы только постоянную иммиграцию вышестоящих или по крайней мере людей выше среднего уровня; то есть те, чье проживание в его королевстве увеличило бы его собственную стоимость имущества. Так, например, после 1685 года (с отменой Нантского эдикта) десяткам тысяч гугенотов было разрешено поселиться в Пруссии; точно так же Петр Великий, Фридрих Великий и Мария Тереза позже способствовали иммиграции и расселению большого

количества немцев в России, Пруссии и восточных провинциях Австро-Венгрии.

Короче говоря, хоть и в рамках своей иммиграционной политики король не может полностью избегать всех случаев принудительного исключения или принудительной интеграции, такая политика в целом будет вести к тому же самому, что делали бы владельцы частной собственности, если они могли бы решить, кого допустить и кого исключить. То есть король был бы очень избирательным и очень заботился о повышении качества человеческого капитала, чтобы повысить стоимость имущества, а не понизить его.

VI

Миграционная политика становится предсказуемо другой после того, как правительство становится общественной собственностью. Правитель больше не владеет капитальной стоимостью страны, а только использует ее в настоящее время. Он не может продать или завещать свою позицию правителя; он просто временный смотритель. Более того, существует «свободное вхождение» в должность временного правителя. В принципе, любой может стать правителем страны.

Появившись в мировом масштабе после Первой мировой войны, демократии показывают исторический пример общественного управления.

Какова миграционная политика демократии? Опять же предполагая не более чем личный интерес (максимизация денежного и психического дохода: денег и власти), демократические правители стремятся максимизировать текущий доход, который они могут присвоить в частном порядке, за счет стоимости капитала, который они не могут присвоить в частном порядке. Следовательно, в соответствии с присущим демократии эгалитаризмом «один человек – один голос», они стремятся проводить явно эгалитарную, недискриминационную эмиграционную и иммиграционную политику.

Что касается эмиграционной политики, то это означает, что для демократического правителя не имеет значения, покидают ли страну

производительные или непродуктивные люди, гении или бомжи. Все они имеют один равный голос. На самом деле, демократические правители могут быть более обеспокоены потерей бомжа, чем производительного гения. В то время как потеря последнего явно понизит капитальную стоимость страны, а потеря первого может фактически увеличить ее, демократический правитель не владеет страной. В краткосрочной перспективе, которая представляет наибольший интерес для демократического правителя, бомж, голосующий, скорее всего, за эгалитарные меры, может быть более ценным, чем продуктивный гений, который, будучи главной жертвой эгалитаризма, с большей вероятностью проголосует против демократического правителя. По той же причине, в отличие от короля, демократический правитель мало обязуется активно изгонять тех людей, присутствие которых в стране портит статус (человеческий мусор, который снижает ценность собственности). Фактически, такие негативные факторы, как непродуктивные паразиты, бродяги и преступники могут быть его самыми надежными сторонниками.

Что касается иммиграционной политики, то стимулы и сдерживающие факторы также искажаются, и результаты в равной степени извращаются. Для демократического правителя также мало имеет значения, иммигрируют ли в страну негодяи или гении. Он также не сильно обеспокоен различием между временными работниками (владельцами разрешений на работу) и постоянными иммигрантами, владеющими собственностью (натурализованными гражданами). На самом деле, непродуктивным людям правительство вполне может отдавать предпочтение такое же, как и гражданам, поскольку они создают больше так называемых «социальных» проблем, а демократические правители процветают благодаря существованию таких проблем. Более того, бродяги и низшие люди, вероятно, будут поддерживать его эгалитарную политику, в то время как гении и превосходные люди не будут. Результатом этой политики недискриминации является принудительная интеграция: принуждение владельцев внутренней собственности принять массы низших иммигрантов, которые, если бы решение было оставлено на их усмотрение, резко взяли бы за дискриминацию и отсеивание того, с кем

соседствовать. Таким образом, как лучший доступный пример демократии в деле, иммиграционные законы США 1965 года устранили все предыдущие проблемы «качества» и явное предпочтение европейским иммигрантам, заменив их политикой почти полной недискриминации (мультикультурализмом).

Действительно, иммиграционная политика демократии является зеркальным отражением ее политики по отношению к внутренним перемещениям населения: к добровольному объединению и разобщению, сегрегации и десегрегации, а также к физическому разделению и сближению различных владельцев частной собственности. Как и король, демократический правитель способствует чрезмерной интеграции, перепроизводя «общественное благо» дорог. Однако для демократического правителя, в отличие от короля, будет недостаточно, чтобы каждый мог двигаться по соседству с кем-либо еще по правительственным дорогам. Обеспокоенный своим текущим доходом и властью, а не капитальными ценностями и ограниченный эгалитарными настроениями, демократический правитель будет стремиться пойти еще дальше. С помощью законов о недискриминации правительство захочет расширить физический доступ к чужой собственности для всех остальных. Таким образом, неудивительно, что так называемое законодательство о «гражданских правах» в Соединенных Штатах, которое запрещало домашнюю дискриминацию по признаку цвета кожи, расы, национального происхождения, религии, пола, возраста, сексуальной ориентации, инвалидности и т.д., которое фактически обязало насильственную интеграцию, совпало с принятием недискриминационной иммиграционной политики; т.е. обязательной международной десегрегации (принудительной интеграции).

VII

Нынешняя ситуация в Соединенных Штатах и в Западной Европе не имеет ничего общего со «свободной» иммиграцией. Это принудительная интеграция, и она является предсказуемым результатом демократического правила «один человек – один голос». Отмена принудительной интеграции

требует дедемократизации общества и, в конечном итоге, отмены демократии. В частности, полномочия принимать или исключать должны быть убраны из центрального правительства и переданы штатам, провинциям, городам, поселкам, деревням, микрорайонам, а в конечном итоге владельцам частной собственности и их добровольным объединениям. Средствами для достижения этой цели являются децентрализация и отделение. На пути к восстановлению свободы ассоциации и исключения можно было бы найти путь, который подразумевается в идее и институте частной собственности, и большая часть социальной борьбы, вызванной в настоящее время принудительной интеграцией, исчезла бы, если бы только города и деревни могли делать то, что они могли, как само собой разумеющееся до девятнадцатого века в Европе и Соединенных Штатах: вывешивать знаки, касающиеся требований к въезду в город, изгонять в качестве преступников тех, кто не выполняет эти требования и решить вопрос «натурализации» по швейцарской модели, где местные собрания, а не центральное правительство, определяют, кто может, а кто не может стать гражданином Швейцарии.

Что следует отстаивать как относительно правильную иммиграционную политику, пока демократическое центральное государство все еще существует и успешно присваивает полномочия определять единую национальную иммиграционную политику? Лучшее, на что можно надеяться, даже если это идет вразрез с «природой» демократии и, следовательно, вряд ли произойдет, это то, что демократические правители должны действовать так, как будто они являются личными собственниками страны, и как будто они должны решать, кого включать, а кого исключать из своего личного имущества. Это означает следование политике строгой дискриминации в пользу положительных человеческих качеств, а также совместимости характера и культурны.

В частности, это означает проведение строгого разграничения между «гражданами» (натурализованными иммигрантами) и «иностранными-резидентами» и исключение последних из всех прав на

социальное обеспечение. Это означает, что для статуса резидента-иностранца, а также для получения гражданства требуется личное спонсорство гражданина-резидента и его принятие на себя ответственности за весь имущественный ущерб, причиняемый иммигрантом. Это подразумевает необходимость наличия действующего трудового договора с резидентом; кроме того, для обеих категорий, но особенно для гражданства, это означает, что все иммигранты должны демонстрировать посредством тестов не только знание английского языка, но и всестороннюю (выше среднего) интеллектуальную производительность и структуру характера, а также совместимую систему ценностей – с предсказуемым результатом систематического проевропейского иммиграционного уклона.

8. О свободной торговле и ограниченной иммиграции

I

Часто утверждают, что «свободная торговля» связана со «свободной иммиграцией», как «протекционизм» с «ограниченной иммиграцией». То есть утверждается, что, хотя не исключено, что кто-то может сочетать протекционизм со свободной иммиграцией или свободную торговлю с ограниченной иммиграцией, эти положения интеллектуально противоречивы и, следовательно, ошибочны. Следовательно, поскольку нужно стремиться избежать ошибок, такие случаи должны больше быть исключением, чем правилом. Факты, относящиеся к этому вопросу, как мы видим, согласуются с этим утверждением. Например, как указывали последние президентские праймериз республиканцев, большинство сторонников свободной торговли являются сторонниками относительно свободной и недискриминационной иммиграционной политики, в то время как большинство протекционистов являются сторонниками жесткой и избирательной иммиграционной политики.

Несмотря на эти факты, я буду утверждать, что этот тезис и его выводы в корне неверны. В частности, я продемонстрирую, что свободная торговля и ограниченная иммиграция не только идеально согласованы, но даже поддерживают один другого. То есть ошибаются не сторонники свободной торговли и ограниченной иммиграции, а сторонники свободной торговли и свободной иммиграции. Убирая «интеллектуальную вину» из положения о свободной торговле и ограниченной иммиграции и помещая ее туда, где ей и место, я надеюсь способствовать изменению существующего общественного мнения и способствовать существенным политическим перестройкам.

II

Со времен Рикардо аргументы в пользу свободной торговли логически неопровержимы. Ради аргументативной тщательности было бы полезно кратко изложить эти аргументы. Переформулировка будет в форме

сведения до абсурда протекционистского тезиса, предложенного совсем недавно Патриком Бьюкененом.

Основной аргумент в пользу протекционизма – это защита внутреннего труда. Как американские производители, платящие своим работникам 10 долларов в час, могут конкурировать с мексиканскими производителями, платящими 1 доллар или меньше в час? Они не могут, и американские рабочие места будут потеряны, если импортные тарифы не будут введены для изоляции американской заработной платы от мексиканской конкуренции. Свободная торговля возможна только между странами, которые имеют равные ставки заработной платы и, следовательно, конкурируют между собой на равных условиях. «Пока это не так, как в случае с США и Мексикой, игровое поле должно быть выровнено с помощью тарифов». Что касается последствий такой политики внутренней защиты рабочих мест, Бьюкенен и его коллеги-протекционисты утверждают, что это приведет к внутренней мощи и процветанию, и в поддержку этого утверждения приводятся примеры стран со свободной торговлей, которые утратили свое некогда выдающееся международное экономическое положение, например, как Англия девятнадцатого века, и протекционистских стран, получивших превосходство, как Америка девятнадцатого века.

Это или любое другое предполагаемое «эмпирическое доказательство» протекционистского тезиса должно быть отвергнуто как ошибочное. Этот вывод, извлеченный из исторических данных, не более убедителен, чем если бы из факта, что богатые люди потребляют больше, чем бедные, извлекли вывод, что именно потребление делает человека богатым. Действительно, протекционисты, такие как Бьюкенен, обычно не понимают, что на самом деле стоит под их тезисами. Любой аргумент в пользу международного протекционизма, а не свободной торговли, является одновременно аргументом в пользу межрегионального и межнационального протекционизма. Так же, как существуют разные ставки заработной платы между Соединенными Штатами и Мексикой, Гаити или Китаем, например, такие различия существуют также между Нью-Йорком и Алабамой или между Манхэттеном, Бронксом и Харлемом.

Таким образом, если это правда, что международный протекционизм может сделать целую нацию процветающей и сильной, то также должно быть верно, что межрегиональный и локальный протекционизм может сделать регионы и населенные пункты процветающими и сильными. На самом деле, можно даже пойти еще дальше. Если бы протекционистский аргумент был прав, можно было бы обвинять вообще всю торговлю и защищать тезис о том, что каждый человек был бы самым процветающим и сильным, если бы он никогда не торговал с кем-либо еще и оставался в самодостаточной изоляции. Конечно, в этом случае никто никогда не потеряет работу, и безработица из-за «недобросовестной» конкуренции сведется к нулю. Таким образом, доведя до окончательного смысла протекционистский аргумент, мы раскрываем его полный абсурд, поскольку такое «общество полной занятости» не будет процветающим и сильным; он будет состоять из людей, которые, несмотря на работу от рассвета до заката, будут обречены на нищету или смерть от голода.

Международный протекционизм, хоть и явно менее разрушительный, чем политика межличностного или межрегионального протекционизма, будет иметь точно такой же эффект и станет причиной дальнейшего экономического спада Америки. Безусловно, некоторые американские рабочие места и отрасли из-за этого будут сохранены, но такие «сбережения» будут иметь свою цену. Уровень жизни и реальные доходы американских потребителей иностранных товаров будут принудительно снижены. Стоимость издержек для всех производителей в США, которые используют продукты защищенной отрасли в качестве собственных средств производства, будет повышена, и они будут менее конкурентоспособными на международном уровне. Кроме того, что иностранцы могли бы сделать с деньгами, которые они заработали от своего импорта в США? Они могли либо покупать американские товары, либо инвестировать их в США, а если импорт товаров был остановлен или сокращен, они будут покупать меньше американских товаров и инвестировать меньшие суммы. Следовательно, в результате сохранения нескольких неэффективных американских рабочих мест, гораздо большее

число эффективных американских рабочих мест будет уничтожено или никогда не появится.

Таким образом, бессмысленно утверждать, что Англия утратила свое прежнее превосходство из-за политики свободной торговли. Она утратила свои позиции, несмотря на свою политику свободной торговли из-за социальной политики, которая распространялась в Англии в течение последней трети XIX века. Точно так же бессмысленно говорить о том, что подъем Соединенных Штатов к экономическому господству в девятнадцатом веке был обусловлен его протекционистской политикой. Соединенные Штаты достигли этой позиции, несмотря на свой протекционизм через непревзойденную внутреннюю политику невмешательства. Действительно, текущий экономический спад Америки, который Бьюкенен хотел бы остановить и обратить вспять, является не результатом ее предполагаемой политики свободной торговли, а тем обстоятельством, что Америка в течение двадцатого века постепенно приняла ту же социальную политику, которая привела к разрушению Англии ранее.

III

Учитывая аргументы в пользу свободной торговли, мы сейчас разработаем аргумент в пользу того, чтобы ограничения на иммиграцию сочетались с политикой свободной торговли. Более конкретно, мы будем строить последовательно более убедительные аргументы в пользу ограничений на иммиграцию: от первоначального слабого утверждения о том, что свободная торговля и ограничения иммиграции можно объединять, до окончательного убедительного утверждения, по которому свободная торговля требует ограничений на иммиграцию.

С самого начала следует подчеркнуть, что даже самая строгая иммиграционная политика или самая исключительная форма сегрегации не имеют ничего общего с отказом от свободной торговли и принятием протекционизма. Из того факта, что человек не хочет общаться или жить по соседству с немцами, гаитянами, китайцами, корейцами, мексиканцами, мусульманами, индусами, католиками и т.д. не следует, что он не хочет

торговать с ними на дистанции. Более того, даже если бы в результате иммиграции увеличивался реальный доход, это не значило бы, что иммиграция «хороша», поскольку материальное богатство – не единственное, что имеет значение. Скорее, то, что составляет «благосостояние» и «богатство», субъективно, и возможно предпочтение более низкого материального уровня жизни и большего расстояния от некоторых других людей по сравнению с более высоким материальным уровнем жизни и меньшим расстоянием. Именно абсолютная добровольность человеческого объединения и разделения (отсутствие какой-либо формы принудительной интеграции) делает возможными мирные отношения между людьми, отличающимися в расовом, этническом, лингвистическом, религиозном или культурном отношении.

Отношения между торговлей и миграцией связаны между собой эластичной замещаемостью (а не жесткой исключительностью): чем больше (меньше) у вас одного, тем меньше (больше) вам нужно другого. При прочих равных условиях предприятия перемещаются в районы с низкой заработной платой, а рабочая сила перемещается в районы с высокой заработной платой, что приводит к тенденции выравнивания ставок заработной платы (для конкретного вида труда), а также к оптимальной локализации капитала. С политическими границами, отделяющими области с высокой и низкой заработной платой, и с действующей национальной (общенациональной) торговой и иммиграционной политикой, эти нормальные тенденции (иммиграция и экспорт капитала) ослабляются свободной торговлей и усиливаются протекционизмом. До тех пор, пока мексиканские продукты (сделанные работниками с низкой заработной платой) могут свободно поступать в такие районы с высокой заработной платой, как Соединенные Штаты, стимул для мексиканцев переехать в Соединенные Штаты уменьшается. Напротив, если мексиканские продукты не могут попасть на американский рынок, привлекательность для мексиканских рабочих переехать в Соединенные Штаты возрастает. Точно так же, когда производители Соединенных Штатов могут свободно продавать мексиканским производителям и потребителям и покупать у них, экспорт капитала из

Соединенных Штатов в Мексику будет сокращен; однако, когда производители США не могут этого сделать, привлекательность перемещения производства из Соединенных Штатов в Мексику возрастает.

Точно так же, как внешняя торговая политика Соединенных Штатов влияет на иммиграцию, влияет и их внутренняя торговая политика. Внутренняя свободная торговля – это то, что обычно называют «laissez-faire» (капитализмом без вмешательства). Другими словами, национальное правительство придерживается политики невмешательства в добровольные сделки между внутренними сторонами (гражданами) в отношении их частной собственности. Политика правительства заключается в том, чтобы помочь защитить своих граждан и их частную собственность от внутренней агрессии, ущерба или мошенничества (точно так же, как в случае внешней торговли и агрессии). Если бы Соединенные Штаты придерживались строгой внутренней политики свободной торговли, иммиграция из регионов с низкой заработной платой, таких как Мексика, была бы сокращена, в то время как при проведении политики «социального обеспечения» иммиграция из районов с низкой заработной платой становится более привлекательной.

IV

В той степени, в которой такие районы с высокой заработной платой, как Соединенные Штаты, участвуют в неограниченной свободной торговле как на международном, так и на внутреннем уровне, иммиграционное давление со стороны стран с низкой заработной платой будет оставаться низким или уменьшаться, и, следовательно, вопрос об иммиграции станет менее важным. С другой стороны, поскольку Соединенные Штаты проводят протекционистскую политику против продуктов из районов с низкой заработной платой и политику социального обеспечения в стране, иммиграционное давление будет оставаться высоким или даже повышаться, а вопрос иммиграции приобретет большое значение в общественных дебатах.

Очевидно, что основные регионы с высокой заработной платой в мире – Северная Америка и Западная Европа в настоящее время находятся

в этой последней ситуации, в которой иммиграция становится все более насущной общественной проблемой. В свете неуклонно усиливающегося иммиграционного давления со стороны регионов с низкой заработной платой были предложены три основные стратегии регулирования иммиграции: безусловная свободная иммиграция, условная свободная иммиграция и ограничительная иммиграция. Хотя наша главная проблема будет касаться последних двух альтернатив, несколько замечаний относительно безусловной позиции свободной иммиграции уместны, хотя бы для того, чтобы проиллюстрировать степень ее интеллектуального банкротства и безответственности.

По мнению сторонников безусловной свободной иммиграции, Соединенные Штаты в качестве зоны с высокой заработной платой неизменно будут выигрывать от свободной иммиграции; следовательно, они должны проводить политику открытых границ, независимо от нынешних условий, то есть, даже если Соединенные Штаты занимаются протекционизмом и всеобщим благосостоянием. Конечно, такое предложение разумному человеку должно показаться фантастическим. Предположим, что Соединенные Штаты, или, что еще лучше, Швейцария, заявили, что пограничного контроля больше не будет, что любой, кто сможет оплатить проезд, может въехать в страну, и будет иметь право на государственное обеспечение на том же уровне, что и резиденты. Есть ли сомнения по поводу катастрофического исхода такого эксперимента в современном мире? Соединенные Штаты, и даже быстрее Швейцария, уже ослабленные протекционизмом и социальным обеспечением, будут захвачены миллионами иммигрантов из третьего мира. Расходы на социальное обеспечение быстро взлетят до небес, а задушенная экономика распадется и рухнет, так как прожиточный фонд – запас капитала, накопленный и унаследованный от прошлого (отцов и предков), будет разграблен. Цивилизация исчезла бы из Соединенных Штатов и Швейцарии, как это было когда-то в Греции и Риме.

Поскольку безусловная свободная иммиграция должна рассматриваться как рецепт самоубийства, позицией становится возвращение к свободной торговле. Согласно этой точке зрения,

Соединенные Штаты и Швейцария должны были бы сначала вернуться к неограниченной свободной торговле и отменить все программы социального обеспечения, финансируемые за счет налогов, и только тогда они могли бы открыть свои границы для всех, кто хотел приехать. В то же время, пока государство всеобщего благосостояния все еще существует, иммиграция будет разрешена при условии, что иммигранты не будут получать пособий.

Хотя ошибка, связанная с этой точкой зрения, менее очевидна, а последствия менее драматичны, чем связанные с позицией безусловной свободной иммиграции, эта точка зрения, тем не менее, ошибочна и вредна. Конечно, иммиграционное давление на Соединенные Штаты и Швейцарию будет уменьшено, если следовать этому предложению, но оно не исчезнет. Действительно, при внешней и внутренней политике свободной торговли ставки заработной платы в Соединенных Штатах и Швейцарии могут еще больше увеличиться по сравнению с показателями в других местах. Следовательно, привлекательность обеих стран может даже возрасти. В любом случае какое-то иммиграционное давление останется, поэтому должна и остаться какая-то иммиграционная политика. Подразумевают ли принципы, лежащие в основе свободной торговли, что эта политика должна быть политикой условной свободной иммиграции? Нет, не подразумевает. Нет аналогии между свободной торговлей и свободной иммиграцией, а также ограниченной торговлей и ограниченной иммиграцией. Феномены торговли и иммиграции различны фундаментально, а значения «свободный» и «ограниченный» в сочетании с обоими терминами означают разное. Люди могут двигаться и мигрировать сами по себе; товары и услуги же не могут.

Иными словами, когда кто-то может мигрировать из одного места в другое даже если никто другой этого не хочет, товары и услуги не могут быть отправлены с места на место, если и отправитель, и получатель не согласятся. Как ни банально это различие, оно имеет важные последствия, так как свобода в сочетании с торговлей означает торговлю только по приглашению частных домохозяйств и фирм; и ограниченная торговля не означает защиту домохозяйств и фирм от незваных товаров или услуг, а

является вторжением и отменой права частным домохозяйствам и фирмам разрешать или отказывать другим в «приглашении» товара. Напротив, свобода в сочетании с иммиграцией не означает иммиграцию по приглашению отдельных домохозяйств и фирм, а означает нежелательное вторжение или принудительную интеграцию; ограниченная иммиграция фактически означает защиту частных домохозяйств и фирм от нежелательного вторжения и принудительной интеграции. Следовательно, отстаивая свободную торговлю и ограниченную иммиграцию, нужно указывать на тот же принцип: требовать приглашения для людей так же само, как для товаров и услуг.

Сторонник свободной торговли и свободного рынка, который принимает условную свободную иммиграционную позицию, вовлечен в интеллектуальную несостоятельность. Свободная торговля и рынок означают, что владельцы частной собственности могут получать или отправлять товары другим владельцам без вмешательства правительства. Правительство остается неактивным по отношению к процессу внешней и внутренней торговли, потому что для каждого отправленного товара или услуги существует платящий получатель; следовательно, каждое местное изменение, как результат соглашения между отправителем и получателем, должно считаться взаимовыгодным. Единственная функция правительства состоит в том, чтобы поддерживать сам торговый процесс, защищая гражданскую и домашнюю собственность. Однако в отношении передвижения людей правительство должно будет сделать больше для выполнения своей защитной функции, чем просто позволить событиям идти своим чередом, потому что люди, в отличие от продуктов, обладают волей и могут мигрировать. Соответственно, перемещение населения, в отличие от поставок продукции, само по себе не является взаимовыгодным событием, поскольку оно не всегда является результатом соглашения между конкретными получателем и отправителем. Среди мигрантов может быть нежелательный груз без внутренних получателей. В этом случае иммигранты являются иностранными захватчиками, а иммиграция представляет собой акт вторжения. Конечно, основная защитная функция правительства будет включать предотвращение иностранных вторжений и

изгнание иностранных захватчиков. Чтобы правительство могло поставить в отношении иммигрантов то же требование, что и при импорте (чтобы его приглашали местные жители), оно не может по праву допустить тот вид свободной иммиграции, который пропагандируется большинством сторонников свободной торговли. Просто представьте себе, что Соединенные Штаты и Швейцария открыли свои границы для тех, кто хочет приехать, при условии, что иммигранты будут исключены из всех прав на социальное обеспечение (которые будут зарезервированы для граждан Соединенных Штатов и Швейцарии соответственно). Помимо социологической проблемы создания двух отдельных классов местных жителей и, следовательно, возникновения серьезной социальной напряженности, нет сомнений в том, что результаты этого эксперимента в современном мире будут существовать. Результат будет менее радикальным и менее непосредственным, чем при сценарии безусловной свободной иммиграции, но это также приведет к массовому вторжению иностранцев и в конечном итоге приведет к уничтожению американской и швейцарской цивилизации. Даже если иммигрантам не предоставляются пособия по социальному обеспечению, это не означает, что им действительно придется работать, поскольку даже жизнь на общественных улицах и в парках в Соединенных Штатах и Швейцарии удобнее по сравнению с «реальной» жизнью во многих других странах. Таким образом, чтобы выполнить свою основную функцию в качестве защитника своих граждан и их внутренней собственности, правительство района с высокой заработной платой не может следовать свободной иммиграционной политике, а должно принимать ограничительные меры.

V

Из признания того, что сторонники свободной торговли и рынков не могут защищать свободную иммиграцию, не будучи непоследовательными и противоречащими, и что поэтому логично, что иммиграция должна быть ограничена, мы делаем лишь небольшой шаг к дальнейшему признанию того, как она должна быть ограничена. Фактически, все правительства областей с высокой заработной платой в настоящее время так или иначе ограничивают иммиграцию. Нигде

иммиграция не «свободна», безусловно или условно. Тем не менее ограничения иммиграции, например, со стороны Соединенных Штатов и Швейцарии совершенно различны. Какие ограничения должны существовать? Точнее говоря, какие иммиграционные ограничения сторонники свободной торговли вынуждены поддерживать и продвигать?

Руководящий принцип иммиграционной политики страны с высоким уровнем заработной платы следует из понимания, что для того, чтобы быть свободной в том же смысле, что и торговля, иммиграция должна быть приглашена. Детали вытекают из дальнейшего разъяснения и пояснения концепций приглашения в сравнении с вторжением и принудительной интеграцией.

Для этого необходимо предположить, в качестве концептуального ориентира, существование того, что политические философы называли анархией, анархо-капитализмом или упорядоченной анархией частной собственности. Вся земля находится в частной собственности, включая все улицы, реки, аэропорты и порты. В отношении некоторых участков земли право собственности может быть неограниченным; то есть, владельцу разрешается делать со своим имуществом все, что ему угодно, если только он не наносит физического ущерба имуществу других лиц. В отношении других территорий право собственности может быть более или менее ограничено. Как в настоящее время имеет место в некоторых жилищных комплексах, владелец может быть связан договорными ограничениями на то, что он может делать со своей собственностью (ограничительные условия, добровольное зонирование), которые могут включать жилое, а не коммерческое использование, постройка зданий высотой не более четырех этажей, или, например, запрет продажи или аренда не состоящим в браке парам, курильщикам или немцам.

Понятно, что в такого рода обществе нет такой вещи, как свобода иммиграции или право иммиграции. Скорее, существует свобода для многих независимых владельцев частной собственности допускать или исключать других из своей собственности в соответствии с собственными

ограниченными или неограниченными правами на собственность. Въезд на некоторые территории может быть легким, а на другие – почти невозможным. Более того, допуск к собственности одной из сторон не подразумевает «свободу передвижения», если другие владельцы собственности не согласились на такие перемещения. Иммиграции или неиммиграции, инклюзивности или эксклюзивности, десегрегации или сегрегации, недискриминации или дискриминации будет столько, сколько пожелают отдельные владельцы или ассоциации индивидуальных владельцев.

Причина ссылки на модель анархо-капиталистического общества заключается в том, что в ее рамках невозможна такая вещь, как принудительная интеграция (незванная миграция). По этому сценарию не существует никакой разницы между физическим движением товаров и миграцией людей. Точно так же, как каждое движение товара отражает основополагающее соглашение между отправителем и получателем, так и все перемещения иммигрантов в анархо-капиталистическое общество и внутри него являются результатом соглашения между иммигрантом и одним или несколькими принимающими собственниками жилья. Следовательно, даже если анархо-капиталистическая модель в конечном итоге будет отвергнута, и если ради "реализма" предполагается существование правительства и "общественных" (в дополнение к частным) товаров и собственности, она четко фокусирует внимание на том, что правительственная иммиграционная политика должна существовать так, как если бы правительство получило свою легитимность от суверенитета «народа» и рассматривалось как результат соглашения или «общественного договора». Конечно, такое «народное» правительство, которое взяло на себя в качестве своей главной задачи защиту своих граждан и их имущества (производство внутренней безопасности), хотело бы сохранить, а не упразднить эту особенность анархо-капитализма.

Чтобы все прояснить необходимо показать, как анархо-капиталистическое общество изменяется в результате введения правительства и как это влияет на проблему иммиграции. Поскольку в анархо-капиталистическом обществе нет правительства, то нет четкого

различия между гражданами страны и иностранцами. Это различие появляется только с созданием правительства. Территория, на которую распространяется государственная власть, становится внутренней, и каждый, кто проживает за пределами этой территории, становится иностранцем. Государственные границы (и паспорта), в отличие от границ частной собственности (и прав собственности), возникают, и иммиграция приобретает новое значение. Иммиграция становится иммиграцией иностранцев через государственные границы, и решение о том, следует ли допускать какое-либо лицо, больше не принадлежит исключительно частным владельцам собственности или ассоциациям таких владельцев, а, в конечном счете, правительству, производящему внутреннюю безопасность. Теперь, если правительство исключает человека, в то время как существует местный житель, который хочет принять этого самого человека в свою собственность, результатом является принудительное исключение; и если правительство принимает человека, в то время как не существует жителя, который хочет иметь этого человека в своей собственности, результатом является принудительная интеграция.

Более того, вместе с институтом правительства приходит институт общественной собственности и товаров т.е. имущества и товаров, находящихся в коллективной собственности всех местных жителей и контролируемых и управляемых правительством. Чем больше или меньше объем государственной собственности, тем больше или меньше будет потенциальная проблема принудительной интеграции. Рассмотрим социалистическое общество, например, бывший Советский Союз или Восточную Германию. Все факторы производства (средства производства), включая всю землю и природные ресурсы, находятся в государственной собственности. Соответственно, если правительство допускает незваного иммигранта, оно допускает его в любое место внутри страны; поскольку без частной собственности на землю нет никаких ограничений для его внутренних миграций, кроме тех, которые определены правительством. Поэтому при социализме насильственная интеграция может распространиться повсюду и тем самым значительно усилиться эта проблема (фактически, в Советском Союзе и Восточной Германии,

например, правительство могло разместить незнакомца в чужом частном доме или квартире. Мощная принудительная интеграция была оправдана на основании «факта», что все частные дома находились на государственной земле).

VI

Народное правительство, которое хочет защитить своих граждан и их внутреннюю собственность от принудительной интеграции и иностранных захватчиков, имеет два способа сделать это: корректирующий и превентивный. Корректирующий метод предназначен для уменьшения последствий принудительной интеграции после того, как событие произошло, и захватчики уже находятся здесь. Как указывалось, для достижения этой цели правительство должно сократить количество государственной собственности и максимально увеличить количество частной собственности, и каким бы ни было соотношение частной и государственной собственности, правительство должно помогать, а не препятствовать исполнению прав собственника допускать и исключать других из его имущества. Если практически все имущество находится в частной собственности, а правительство помогает в обеспечении прав частников, незванные иммигранты, даже если они успешно пересекли границу и въехали в страну, вряд ли продвинутся дальше.

Чем полнее будет выполнена эта корректирующая мера (чем выше степень частной собственности), тем меньше будет потребность в защитных мерах, таких как защита границ. Например, стоимость защиты от иностранных захватчиков вдоль границы между США и Мексикой сравнительно высока, поскольку длина государственной территории вдоль границы США очень большая. Однако даже если бы стоимость охраны границ была снижена посредством приватизации, она не исчезнет, если будут существенные различия в доходах и заработной плате между территориями с высокой и низкой заработной платой. Следовательно, для выполнения своей основной защитной функции правительство района с высокой заработной платой должно также принять превентивные меры. Во всех въездах и вдоль его границ правительство как опекун своих граждан

должно проверять всех вновь прибывших лиц на входной билет; то есть на действительное приглашение от собственника отечественной недвижимости; и любой, у кого нет такого билета, должен быть выслан за свой собственный счет.

Действительными приглашениями являются контракты между одним или несколькими частными местными получателями, жилыми или коммерческими, и прибывающим лицом. По договорному допуску приглашающая сторона может распоряжаться только своей частной собственностью. Следовательно, подобно сценарию условной свободной иммиграции, допущение подразумевает, что иммигрант будет исключен из всех государственных программ социального обеспечения. С другой стороны, это означает, что принимающая сторона должна принять на себя юридическую ответственность за действия своего приглашенного в течение срока его пребывания. Приглашающий несет ответственность в полном объеме своей собственностью за любые преступления приглашенного лица, совершенные против личности или имущества любой третьей стороны (как родители несут ответственность за преступления, совершенные их потомством, потому что они являются членами родительского домохозяйства). Это обязательство, которое подразумевает, что приглашающие должны будут нести ответственность за всех своих гостей, которое прекращается после того, как приглашенный покидает страну или другой владелец внутреннего имущества принимает на себя ответственность за данное лицо, приняв его в свою собственность.

Приглашение может быть частным (личным) или коммерческим, временным или постоянным, касающимся только жилья (проживание) или жилья и занятости, но не может быть действующего договора, включающего только занятость и отсутствие жилья. В любом случае в качестве договорных отношений каждое приглашение может быть отозвано или прекращено принимающей стороной; и по окончании, приглашенный, будь то турист, бизнесмен или иностранец-резидент, должен покинуть страну (если только другой гражданин-резидент не заключит с ним договор-приглашение).

Приглашенный, который все время подвергается потенциальному риску немедленной высылки, может потерять свой юридический статус иностранца-нерезидента и получить статус резидента только после приобретения гражданства. В соответствии с целью превращения всей иммиграции в приглашение по контракту, основным требованием для получения гражданства является приобретение права собственности, или, точнее, владения недвижимостью. Это было бы несовместимо с идеей предоставления гражданства в соответствии с территориальным принципом, как в США, согласно которому ребенок, родившийся от иностранца-нерезидента постоянно проживающего в стране пребывания, автоматически приобретает гражданство. Фактически, как признают большинство других правительств с высокой ставкой заработной платы, ребенок должен приобрести гражданство своих родителей. Предоставление этого детского гражданства влечет за собой невыполнение основной защитной функции правительства принимающей страны и фактически равносильно агрессивному акту, совершаемому правительством против его собственных граждан. Стать гражданином означает получить право на постоянное пребывание в стране, и постоянное приглашение не может быть обеспечено никакими средствами, кроме покупки жилой недвижимости у гражданина-резидента. Только продавая недвижимость иностранцу, гражданин указывает, что он согласен на постоянное пребывание гостя, и только в том случае, если иммигрант приобрел и оплатил недвижимость и жилье в принимающей стране, он получит постоянный интерес в благополучии и процветании страны. Кроме того, найти гражданина, который готов продать жилую недвижимость, хотя и является необходимым требованием для приобретения гражданства, также может оказаться недостаточным. Если в отношении рассматриваемой внутренней собственности распространяются ограничительные условия, препятствия, которые должны быть приняты потенциальным гражданином, получение гражданства может быть не допущено. В Швейцарии, продажу жилой недвижимости иностранцу нужно ратифицировать большинством или даже всеми непосредственно затронутыми владельцами местной собственности.

VII

Судя по иммиграционной политике, цель которой защита собственных граждан от иностранного вторжения и насильственной интеграции, а также система приглашения мигрантов и контрактных миграций, швейцарское правительство выполняет значительно лучшую работу, чем Соединенные Штаты. Въехать в Швейцарию в качестве незваного человека относительно сложнее, а в качестве званого иностранца труднее остаться. В частности, иностранцу гораздо сложнее получить гражданство, и юридическое различие между резидентами и нерезидентами более четко сохраняется. Но несмотря на эти различия, правительства как Швейцарии, так и США проводят иммиграционную политику, которая слишком разрешительная.

Кроме того, чрезмерная вседозволенность их иммиграционной политики и, как следствие, подверженность швейцарского и американского населения принудительной интеграции со стороны иностранцев еще более усугубляется тем фактом, что масштабы государственной собственности в обеих странах (и в других районах с высокой заработной платой) значительны; что обеспеченные налогом положения о всеобщем благосостоянии высоки и растут, и иностранцы из них не исключаются; и что вопреки официальным заявлениям даже приверженность политике свободной торговли у них далеко не идеальна. Соответственно, в Швейцарии, США и большинстве других районов с высокой заработной платой народные протесты против иммиграционной политики становятся все громче. Целью этой главы была не только аргументация в пользу приватизации государственной собственности, внутренней свободной торговли и международной свободной торговли, но, в частности, принятие ограничительной иммиграционной политики. Продемонстрировав, что свободная торговля несовместима как с безусловной, так и с условно свободной иммиграцией, и вместо этого требует, чтобы миграция подчинялась условию приглашения и заключения контрактов, мы надеемся внести свой вклад в более просвещенную будущую политику в этой области.

9. О сотрудничестве, племени, городе и государстве

I

Людвиг фон Мизес объяснил эволюцию общества (человеческого сотрудничества при разделении труда) как совокупный результат двух факторов. Это, во-первых, факт различий между людьми (труд) и/или неравенства в географическом расположении, что обуславливает средства производства (земля); и, во-вторых, признание того факта, что работа, выполняемая с разделением труда, является более продуктивной, чем работа, выполняемая в самодостаточной изоляции. Он пишет:

Насколько разделенный труд более продуктивен, чем изолированный труд, и насколько человек способен осознать этот факт, настолько само действие человека стремится к сотрудничеству и объединению; человек становится общественным существом, не жертвуя своими собственными заботами ради мифического Молоха, а стремясь к улучшению своего собственного благосостояния. Опыт учит, что это условие – более высокая производительность труда, достигнутая при разделении труда, существует, потому что его причиной является врожденное неравенство людей и неравенство в географическом распределении естественных средств производства. Таким образом, мы в состоянии понять ход социальной эволюции.

Здесь следует подчеркнуть несколько моментов, чтобы достичь правильного понимания этой фундаментальной идеи Мизеса о природе общества, что также поможет нам сделать некоторые предварительные выводы о роли пола и расы в социальной эволюции. Во-первых, важно признать, что неравенство в отношении труда и/или земли является необходимым, но ни в коем случае не достаточным условием для развития человеческого сотрудничества. Если бы все люди были идентичны, и каждый был бы снабжен одинаковыми природными ресурсами, каждый производил бы одинакового качества и количества товаров, и идея обмена и сотрудничества никогда бы не пришла никому в голову. Однако наличия неравенства недостаточно для налаживания сотрудничества. Существуют

и различия в животном мире, особенно это касается различий по полу среди представителей одного и того же вида животных, а также различий между различными видами и подвидами (расами), но не существует такой вещи, как сотрудничество между животными. Конечно, есть пчелы и муравьи, которых называют «общественными животными». Но они образуют общества только в метафорическом смысле. Сотрудничество между пчелами и муравьями обеспечивается исключительно биологическими факторами – врожденными инстинктами. Они не могут не сотрудничать и кроме существенных биологических изменений ничто не может этого изменить. В противоположность этому сотрудничество между людьми является результатом целенаправленных индивидуальных действий, сознательного стремления к достижению индивидуальных целей. В результате разделение труда между людьми постоянно находится под угрозой распада.

Таким образом, в животном мире различие между полами можно назвать лишь фактором привлекательности – ради размножения; в то время как различия видов и подвидов можно назвать фактором отталкивания – разделения или даже фатального антагонизма, отталкивания, борьбы и уничтожения. Более того, в животном мире нет смысла описывать поведение, возникающее в результате сексуального влечения, как возникшее по обоюдному согласию (любовь), либо без согласия (изнасилование); и не имеет никакого смысла говорить об отношениях между представителями разных видов или подвидов как о враждебных или преступных, то есть в категориях преступника и жертвы. В животном мире существует только взаимодействие, которое не является ни кооперативным (социальным) поведением, ни преступным (антиобщественным) поведением. Как пишет Мизес:

Существует взаимодействие между всеми частями вселенной: между волком и овцами, которых он пожирает; между микробом и человеком, которого он убивает; между падающим камнем и вещью, на которую он падает. Общество, с другой стороны, всегда включает людей, действующих в сотрудничестве с другими людьми, ради достижения своих собственных целей.

В дополнение к неравенству труда и/или земли, второе требование тоже должно быть выполнено для развития человеческого сотрудничества. Люди (по крайней мере двое из них) должны быть способны признать более высокую продуктивность разделения по работе на основе взаимного признания частной собственности (исключительного контроля каждого человека над своим телом и над своими физическими присвоениями и имуществом) по сравнению с самоизоляцией или агрессивным доминированием. То есть должен присутствовать минимум интеллекта или рациональности; и люди (по крайней мере двое из них) должны обладать достаточной моральной силой, чтобы действовать в соответствии с этим пониманием и быть готовыми отказаться от немедленного удовлетворения потребностей для большего удовлетворения в будущем. Без разума и сознательной воли, Мизес пишет,

люди навсегда остались бы смертельными врагами друг друга, непримиримыми соперниками в их усилиях по обеспечению себя частью скудного запаса средств к существованию, обеспечиваемых природой. Каждый человек был бы вынужден рассматривать всех других людей как своих врагов; его жажда удовлетворения своих собственных appetites привела бы его в непримиримый конфликт со всеми его соседями. Никакое сочувствие не могло бы развиваться при таком положении дел.

О члене человеческого рода, который совершенно неспособен понять более высокую производительность труда, выполняемую при разделении труда на основе частной собственности, не правильно говорить, как о человеке (личности); вместо этого он попадает под ту же моральную категорию, что и животное либо безвредного вида (одомашниваемое и используемое в качестве производителя или потребительского товара), либо дикого и опасного вида (с которым нужно бороться, как с вредителем). С другой стороны, есть представители человеческого рода, которые способны понять это, но которым не хватает морального духа, чтобы действовать соответственно. Такие люди являются либо безобидными «скотами», живущими вне человеческого общества и отделенными от него, либо они являются более или менее опасными

преступниками. Это люди, которые сознательно действуют неправомерно и которые помимо того, что должны быть приручены или даже физически побеждены, также должны быть наказаны пропорционально тяжести их преступления, чтобы заставить их понять природу своих проступков и преподать им урок на будущее. Сотрудничество людей (общество) может преобладать и развиваться только до тех пор, пока человек способен подчинять, приручать, присваивать и культивировать его физическое и животное окружение, и пока он преуспевает в пресечении преступлений, превращая их в редкость с помощью самообороны, защиты собственности и наказания.

II

Однако, как только эти требования будут выполнены, и пока человек, мотивированный знанием о более высокой физической производительности разделения труда, основанного на частной собственности, участвует во взаимовыгодных обменах, «естественные» силы притяжения возникают из-за различий в полах и «естественные» силы отталкивания или вражды возникают в результате различий между расами и даже внутри них, могут существовать подлинно «социальные» отношения. Сексуальное влечение может трансформироваться из совокупления в договорные отношения, взаимные узы, домашние хозяйства, семьи, любовь и привязанность (это свидетельствует об огромной продуктивности семьи и домашнего хозяйства, и что ни одно другое учреждение не оказалось более устойчивым или способным вызывать положительные эмоции!). А межрасовое и внутрирасовое отталкивание может быть трансформировано из чувства вражды или враждебности в предпочтение сотрудничества (торговли) друг с другом только косвенно – физически и пространственно отдаленно, а не напрямую, как соседи и партнеры.

Сотрудничество между людьми (разделение труда, основанное, с одной стороны, на интегрированных семьях-домохозяйствах, а с другой – на отдельных домохозяйствах, деревнях, племенах, нациях, расах и т.д.), в которых естественные биологические влечения и отталкивания человека

друг против друга превращаются во взаимно признанную систему пространственного (географического) распределения (физического приближения и интеграции или разделения и сегрегации, а также прямого или косвенного контакта, обмена и торговли), приводит к повышению уровня жизни, росту населения, дальнейшему расширению и усилению разделения труда, а также растущему разнообразию и дифференциации.

В результате этого развития и все более быстрого увеличения товаров и желаний, которые могут быть приобретены и удовлетворены только косвенно, появятся профессиональные трейдеры, торговцы и торговые центры. Торговцы и города функционируют как посредники косвенных обменов между территориально разделенными домами и общинными объединениями и, таким образом, становятся социологическими и географическими центрами межплеменных и межрасовых связей. Это будет возникать в пределах класса торговцев, в которых расово и этнически смешанные браки относительно распространены; и поскольку большинство людей из обеих контрольных групп, как правило, не одобряют такие союзы, именно богатые представители торгового класса смогут позволить себе такие издержки. Однако даже члены самых богатых торговых семей будут очень осторожны в таких начинаниях. Чтобы не подвергать опасности свое собственное положение в качестве торговца, необходимо позаботиться о том, чтобы каждый смешанный брак был браком между «равными». Следовательно, расовая смесь, созданная торговым классом, скорее всего, будет способствовать генетическому «улучшению» (а не генетическому «обнищанию»). Соответственно, это будет в больших городах как центрах международной торговли и коммерции, где обычно проживают смешанные пары и их потомки, где представители разных национальностей, племен, рас, даже если они не вступают в брак, по-прежнему регулярно вступают в непосредственный личный контакт друг с другом (фактически, для этого требуется тот факт, что их соотечественникам на родине не приходится иметь дело непосредственно с более или менее неприятными незнакомцами), и там, где возникнет самая сложная и высокоразвитая система физической и функциональной интеграции и сегрегации. Это

также будет в больших городах, где, в качестве субъективного отражения этой сложной системы пространственно-функционального распределения, граждане разовьют самые изысканные формы личного и профессионального поведения, этикета и стиля. Это город, который порождает цивилизацию и цивилизованную жизнь.

Для поддержания правопорядка в большом городе, с его сложной моделью физической и функциональной интеграции и разделения, будет создано большое разнообразие юрисдикций, судей, арбитров и правоохранительных органов в дополнение к самообороне и частной защите. В городе будет то, что можно назвать управлением, но не будет правительства (штата). Для того, чтобы возникло правительство, необходимо, чтобы один из этих судей, арбитров или правоохранительных органов преуспел в утверждении себя в качестве монополиста. То есть он должен быть в состоянии настаивать на том, что ни один гражданин не может выбрать кого-либо, кроме него, в качестве судьи или арбитра последней инстанции, и он должен успешно отстранить любого другого судью или арбитра от попыток взять на себя ту же роль (тем самым соревнуясь с ним). Однако более интересным, чем вопрос о том, что такое правительство, является следующее: как это возможно, что один судья может приобрести судебную монополию, если другие судьи, естественно, будут противостоять любой такой попытке; и что конкретно делает возможным установление монополии правопорядка в большом городе, то есть на территории с этнически и/или расово смешанным населением?

Во-первых, почти по определению следует, что с созданием городского правительства межрасовая, племенная, этническая и кланово-семейная напряженность усилится, потому что монополист, кем бы он ни был, конкретного этнического происхождения; следовательно, то, что он является монополистом, будет рассматриваться гражданами других этнических групп как оскорбительная неудача, т.е. как акт произвольной дискриминации людей другой расы, племени или клана. Хрупкий баланс мирного межрасового, межэтнического и межсемейного сотрудничества, достигнутый посредством сложной системы пространственной и функциональной интеграции (ассоциации) и разделения (сегрегации),

будет нарушен. Во-вторых, это понимание приводит непосредственно к ответу о том, как один судья может переиграть всех остальных. Короче говоря, чтобы преодолеть сопротивление конкурирующих судей, начинающий монополист должен заручиться дополнительной поддержкой в общественном мнении. В этнически смешанной среде это обычно означает «гонку рас». Будущий монополист должен повысить расовое, племенное или клановое сознание среди граждан своей расы, племени, клана и т.д., и обещать в обмен на их поддержку быть большим, чем беспристрастным судьей в делах, связанных с собственной расой, племенем или кланом (то есть именно того, чего боятся граждане других этнических групп, т.е. менее беспристрастного обращения к ним).

На данном этапе этой социологической реконструкции давайте без дальнейших объяснений кратко представим несколько дополнительных шагов, необходимых для достижения реалистичного современного сценария относительно расы, пола, общества и государства. Естественно, монополист будет пытаться сохранить свое положение и, возможно, даже превратить его в наследственный титул (то есть стать королем). Однако выполнить это в этнически или расово смешанном городе гораздо сложнее, чем в однородном сельском сообществе. Вместо этого в больших городах правительства гораздо чаще принимают форму демократической республики с «открытым вступлением» в должность верховного правителя, конкурирующими политическими партиями и всенародными выборами. В ходе процесса политической централизации модель государственного управления в этом большом городе может принять, по сути, только единственную форму: демократическое государство, осуществляющее судебную монополию на территории с расово и/или этнически широко разнообразными группами населения.

III

В то время как судебная монополия правительств в настоящее время распространяется, как правило, далеко за пределы одного города, а в некоторых случаях почти на весь континент, последствия отношений между расами и полами, а также пространственного сближения и

сегрегации власти (монополии) все еще лучше наблюдаются в больших городах и их упадке из центров цивилизации в центры вырождения и распада.

Центральное правительство распространяется на города и сельскую местность, создавая страны, жителей и иностранцев. Это не оказывает непосредственного влияния на сельскую местность, где нет иностранцев (представителей разных национальностей, рас и т.д.). Но в крупных торговых центрах, где проживает смешанное население, юридическое различие между иностранцами и неиностранцами (а не этнически или расово отличающимися владельцами частной собственности) почти неизбежно приведет к той или иной форме принудительного снижения уровня межэтнического сотрудничества. Более того, с центральным государством физическая сегрегация и разделение города и деревни будет систематически сокращаться. Для осуществления своей судебной монополии центральное правительство должно иметь право доступа к частной собственности каждого обитателя, и для этого оно должно взять под контроль все существующие дороги и даже расширить существующую систему дорог. Таким образом, различные домохозяйства и деревни находятся в более тесном контакте, чем они могли бы предпочесть, и физическое расстояние между городом и деревней значительно уменьшены. Таким образом, внутренняя принудительная интеграция поощряется.

Естественно, эта тенденция к принудительной интеграции из-за монополизации дорог и улиц будет наиболее выраженной в городах. Эта тенденция будет дополнительно стимулироваться, если, как это обычно бывает, правительство распространяет свою деятельность через город. Народно избранное правительство не может не использовать свою судебную монополию для участия в политике перераспределения в пользу своего этнического или расового округа, что неизменно привлечет еще больше членов его собственного племени, а с изменениями в правительстве все больше членов еще большего количества племен будет привлечено из сельской местности в столицу, чтобы получить правительственные рабочие места или субсидии. В результате, не только столица станет относительно

«негабаритной» (так как другие города тоже будут сокращаться), но и в то же время, из-за монополизации «общественных» улиц, по которым каждый может идти, куда он хочет, будут стимулироваться все формы этнической, племенной или расовой напряженности и вражды.

Более того, в то время как межрасовые, межплеменные и межэтнические браки ранее были редкими и ограничивались верхними слоями купеческого класса, с приходом в столицу бюрократов и бездельников из различных расовых, племенных и этнических групп, частота межэтнических браков будет расти, и фокус межэтнического секса (даже без брака) будет все больше смещаться с высшего класса торговцев на низшие классы – даже на самый низкий класс получателей социального обеспечения. Вместо «генетического улучшения» следствием будет являться усиление «генетического вырождения», чему способствует тот факт, что государственная социальная поддержка естественным образом приведет к увеличению рождаемости получателей пособий по сравнению с рождаемостью других членов, в частности представителей высшего класса. В результате этого непропорционального роста населения с низким уровнем и даже отсутствием образования и растущего числа этнически и расово смешанных потомков, особенно в низших социальных слоях, характер демократического (народного) правительства также постепенно изменится. Вместо того, чтобы «гонка рас» была, по сути, единственным инструментом, политика становится все более «классовой политикой». Правительственные правители больше не будут полагаться исключительно на свою этническую, племенную или расовую привлекательность и поддержку, а все чаще они должны будут пытаться найти поддержку по племенному или расовому признаку, обращаясь к всеобщему (не племенному или расовому) чувству зависти и эгалитаризму, т.е. по отношению к социальному классу (неприкасаемых или рабов против хозяев, рабочих против капиталистов, бедных против богатых и т.д.).

Растущая зависимость эгалитарной классовой политики от ранее существовавшей племенной политики приводит к еще большему расовому и социальному напряжению и враждебности, а также к еще большему разрастанию населения с низким уровнем образования. В дополнение к

тому, что определенные этнические или племенные группы изгоняются из городов в результате племенной политики, все чаще представители высших классов всех этнических или племенных групп покидают город. То, что осталось позади в городах будет характеризировать все более и более отрицательный отбор населения: из правительственных бюрократов, которые работают, но не живут там, и из низов и социальных изгоев всех племен и рас, которые там живут, которые чаще не работают, а выживают на субсидии (просто подумайте о столице США – Вашингтоне).

Кто-то может подумать, что дела не могут стать хуже, но это не так. После того, как расовая и классовая гонки были разыграны и выполнили свою разрушительную работу, правительство обращается к полу и гендерной гонке, а «расовая справедливость» и «социальная справедливость» дополняются «гендерной справедливостью». Создание правительства не только подразумевает, что ранее разделенные юрисдикции (например, в пределах этнически или расово разделенных районов) принудительно интегрированы; в то же время это означает, что ранее полностью интегрированные юрисдикции (как в домохозяйствах, так и в семьях) будут принудительно разрушены и распущены. Вместо того, чтобы рассматривать внутрисемейные или бытовые вопросы (включая такие вопросы, как, например, аборт), как чужое дело, которое должно оцениваться и обсуждаться главой и членами семьи, после того, как была установлена судебная монополия, её агенты будут стремиться расширить свою роль в качестве судьи и арбитра последней инстанции во всех семейных делах. Чтобы заручиться поддержкой народа в своей роли, правительство будет способствовать разобщению внутри семьи: между полами (мужьями и женами) и поколениями (родителями и детьми). Это будет особенно заметно в больших городах.

Любая форма всеобщего благосостояния – обязательное перемещение богатства или дохода от «имущих» к «неимущим» снижает ценность членства человека в расширенной системе семья-домохозяйство как социальной системе взаимного сотрудничества и помощи. Брак теряет ценность. Для родителей ценность и важность «хорошего» воспитания (образования) своих детей снижается. Соответственно, детям будет

придаваться меньше значения, а родителям – меньше уважения. Из-за высокой концентрации получателей социальных пособий в больших городах распад семей уже достаточно продвинул. В обращении к полу и поколению (возрасту) как к источнику политической поддержки, а также к поощрению и принятию законодательства о сексе и семье, неизменно ослабляется авторитет глав семей и домашних хозяйств, а также «естественная» межпоколенческая иерархия в семьях и значение семьи из нескольких поколений как основной ячейки человеческого общества. Действительно, как только закон и законодательство правительства заменят семейное право и законодательство (включая межсемейные договоренности в сочетании браками, совместными семейными обязанностями, наследством и т.д.), ценность и значение института семьи можно будет только систематически разрушать. Что такое семья, если она не может даже обеспечить свой внутренний закон и порядок? В то же время, как должно быть ясно, но не было достаточно отмечено, с точки зрения правительства, их способность вмешиваться во внутренние семейные вопросы должна рассматриваться как высшая награда и вершина их собственной власти. Использование племенных, расовых обид или классовой зависти в личных интересах – это одно. Совершенно другое достижение – использовать ссоры, возникающие в семьях, чтобы разрушить всю, в целом, гармоничную систему автономных семей: вырвать отдельных людей из их семей, изолировать и распустить их, тем самым увеличивая власть государства над ними. Соответственно, по мере реализации государственной семейной политики развод, одиночество, одинокое воспитание и незаконнорожденность, случаи родительского и супружеского пренебрежительного отношения к детям или жестокого обращения, а также разнообразие и частота «нетрадиционных» образов жизни (гомосексуализм, лесбиянство, коммунизм, и оккультизм) тоже возрастает.

Параллельно с этим будет происходить постепенный, но неуклонный рост преступности и преступного поведения. Под монопольным покровительством закон неизменно трансформируется в законодательство. В результате бесконечного процесса перераспределения

доходов и богатства во имя расовой, социальной и/или гендерной справедливости сама идея справедливости как универсальных и неизменных принципов поведения и сотрудничества будет в конечном итоге разрушена. Вместо того, чтобы быть задуманным как нечто существующее (и подлежащим обнаружению), закон все чаще рассматривается как созданный правительством (законодательством). Соответственно, не только возрастет правовая неопределенность, но и в ответ вырастет общественная ставка временных предпочтений (то есть люди в целом станут более ориентированными на настоящее и будут иметь все более узкий горизонт планирования). Моральный релятивизм также будет поощряться. Ибо, если не существует такой вещи, как абсолютное право, то также не бывает и абсолютной ошибки. Действительно, то, что сегодня правильно, завтра может быть не так, и наоборот. Таким образом, растущие временные предпочтения в сочетании с моральным релятивизмом создают идеальную почву для преступников и преступлений – тенденции, особенно заметной в больших городах. Именно здесь распад семей наиболее продвинул, где существует наибольшая концентрация получателей субсидий, где процесс генетического вырождения продвинулся дальше всего, и где межплеменная и расовая напряженность как результат принудительной интеграции является наиболее опасной. Вместо центров цивилизации города стали центрами социальной дезинтеграции и выгребными ямами физического и морального разложения, коррупции, жестокости и преступности.

IV

Что следует из всего этого? Ясно, что западная цивилизация уже давно находится на пути самоуничтожения. Можно ли остановить этот курс, и если да, то как? Я бы хотел быть оптимистом, но я не уверен, что для оптимизма есть достаточные основания. Безусловно, история в конечном итоге определяется идеями, и идеи могут измениться почти мгновенно. Но для того, чтобы идеи изменились, людям недостаточно понять, что что-то не так. По крайней мере, значительное число людей также должно быть достаточно умным, чтобы все понять. То есть они должны понимать основные принципы, на которых основывается общество

(сотрудничество людей), те самые принципы, которые здесь объясняются. Еще они должны обладать достаточной силой воли, чтобы действовать в соответствии с этим пониманием. Но именно в этом нужно все больше сомневаться. Цивилизация и культура действительно имеют генетическую (биологическую) основу. Однако в результате этатизма – принудительной интеграции, эгалитаризма, политики всеобщего благосостояния и разрушения семьи генетическое качество населения, безусловно, ухудшилось. На самом деле, как это может быть не так, когда успех систематически наказывается, а неудача вознаграждается? Независимо от того, намерено это делается или нет, государство всеобщего благосостояния способствует распространению умственно и морально неполноценных людей, и результаты были бы еще хуже, если бы не тот факт, что уровень преступности среди этих людей особенно высок, и что они склонны уничтожать друг друга чаще.

Однако даже если все это не дает особой надежды на будущее, еще не все потеряно. Ведь все еще остаются некоторые очаги цивилизации и культуры. Не в городах и мегаполисах, а в глубоком тылу (сельской местности). Чтобы сохранить их, необходимо выполнить несколько требований: государство как судебная монополия должно быть признано источником децивилизации (государства не создают закон и порядок, они его разрушают), а семьи и домохозяйства должны быть признаны источником цивилизации. Чрезвычайно важно, чтобы главы семей и домохозяйств подтвердили свою окончательную власть в качестве судьи во всех внутренних семейных делах (домохозяйства должны быть объявлены экстерриториальными, как и посольства иностранных государств). Добровольная пространственная сегрегация и дискриминация должны быть признаны как не плохие, а хорошие вещи, которые способствуют мирному сотрудничеству между различными этническими и расовыми группами. Всеобщее благосостояние должно быть признано исключительно делом семьи и добровольной благотворительности, а государственная система благосостояния – не чем иным, как субсидированием безответственности.

10. О консерватизме и либертарианстве

I

Позвольте мне начать с обсуждения двух возможных значений термина «консервативный». Первое значение – человек, поддерживающий статус-кво, который хочет сохранить любые законы, правила, нормы, моральные и поведенческие кодексы, которые существуют в данный момент времени.

Поскольку разные законы, правила и политические институты действуют в разное время и/или в разных местах, то, что поддерживает консерватор, зависит и меняется в зависимости от места и времени. Быть консерватором означает любить существующий порядок, каким бы он ни был.

Однако первое определение может быть отброшено. Термин «консервативный» должен иметь другое значение: консерватор это тот, кто верит в существование естественного порядка, естественного положения дел, которое соответствует естественным явлениям природы и человека. Этот естественный порядок нарушается и может быть нарушен несчастными случаями и аномалиями: землетрясениями и ураганами, болезнями, вредителями, монстрами и животными, двуглавыми лошадьми или четвероногими людьми, калеками и идиотами, а также войнами, завоеваниями и тиранией. Но нетрудно отличить нормальное от аномального, существенное от случайного. Немного абстракции удаляет весь беспорядок и позволяет почти каждому «увидеть», что соответствует природе вещей, а что нет. Более того, естественное положение в то же время самое устойчивое положение дел из всех возможных. Естественный порядок старинный и всегда один и тот же (изменяются только аномалии и происшествия), поэтому он может быть признан нами везде и всегда.

Консерватор распознает старое и естественное через «шум» аномалий и несчастных случаев, защищает, поддерживает и помогает оберегать его от временного и аномального. В сфере гуманитарных наук, включая социальные науки, консерватор признает семьи (отцов, матерей,

детей, внуков) и домохозяйства, основанные на частной собственности и в сотрудничестве с сообществом других домохозяйств, как наиболее фундаментальные, естественные, необходимые, древние и обязательные социальные единицы. Более того, семейное домашнее хозяйство также представляет модель социального порядка в целом. Подобно тому, как иерархический порядок существует в семье, существует и иерархический порядок в сообществе семей – учеников, слуг и хозяев, вассалов, рыцарей, лордов, повелителей и даже королей, связанных сложной и запутанной системой родственных отношений; и детей, родителей, священников, епископов, кардиналов, патриархов или пап и, наконец, трансцендентного Бога. Из двух уровней власти земная физическая сила родителей, лордов и королей, естественно, подчинена и подчиняется высшему духовно-интеллектуальному авторитету отцов, священников, епископов и, в конечном счете, Бога.

Консерваторы (или, точнее, западные греко-христианские консерваторы), если за что-то стоят и хотят сохранить, то это семья, социальная иерархия, духовно-интеллектуальный авторитет, основанный на семейных узах и основанные на них родственные отношения.

II

Позвольте мне теперь перейти к оценке современного консерватизма, а затем объяснить, почему консерваторы сегодня должны быть антиэтатистскими либертарианцами и, что не менее важно, почему либертарианцы должны быть консерваторами.

Современный консерватизм в США и Европе сбит с толку и искажен. Эта путаница во многом связана с демократией. Под влиянием представительной демократии и с превращением США и Европы в массовые демократии после Первой мировой войны консерватизм превратился из антиэгалитарной, аристократической, антиэтатистской идеологической силы в движение культурно-консервативных этатистов: правое крыло социализма и социал-демократов. Большинство самопровозглашенных современных консерваторов обеспокоены, как и следовало ожидать, распадом семей, разводом, незаконными детьми,

потерей авторитетов, мультикультурализмом, альтернативным образом жизни, социальной дезинтеграцией, беспорядочным сексом и преступностью. Все эти явления представляют собой аномалии и скандальные отклонения от естественного порядка. Консерватор действительно должен быть против всех этих явлений и пытаться восстановить нормальное положение. Однако большинство современных консерваторов (по крайней мере, большинство представителей консервативного истеблишмента) либо не признают, что их цель восстановления нормальности требует самых радикальных, даже революционных, антиэтатистских социальных изменений, либо (если они знают об этом) они являются членами «пятой колонны», занимающейся разрушением консерватизма изнутри (и, следовательно, должны рассматриваться как зло).

То, что это в значительной степени верно для так называемых неоконсерваторов, не требует дальнейшего объяснения. Действительно, что касается их лидеров, можно предположить, что большинство из них относятся к последнему (злому) виду. Они по-настоящему не озабочены вопросами культуры, но признают, что должны играть на культурном консерватизме, чтобы не потерять власть и продвигать свою совершенно иную цель глобальной социал-демократии. Однако это также верно для многих консерваторов, которые искренне обеспокоены о распаде семьи и культурной гнили. Я имею в виду, в частности, консерватизм, представленный Патриком Бьюкененом и его движением. Консерватизм Бьюкенена ничем не отличается от консервативного республиканского партийного истеблишмента, поскольку он и его последователи показывают себя такими. Их консерватизм полностью соответствует консервативному истеблишменту: оба являются государственниками. Они расходятся во мнениях относительно того, что именно необходимо сделать для восстановления нормальной жизни в США, но они согласны с тем, что это должно делать государство. Здесь нет и следа принципиального антиэтатизма.

Позвольте мне проиллюстрировать это, цитируя Сэмюэля Фрэнсиса, одного из ведущих теоретиков и стратегов движения Бьюкенена.

После осуждения «антибелой» и «антизападной» пропаганды, «воинствующего секуляризма, корыстного эгоизма, экономического и политического глобализма, демографического наплыва и неконтролируемого государственного централизма» он излагает новый дух – «Америка первым делом», который «подразумевает не только нахождение собственных национальных интересов над интересами других наций и формирований, таких как «мировое лидерство», «глобальная гармония» и «новый мировой порядок», но и предоставление нации приоритета над удовлетворением индивидуальных и субнациональных интересов». Но как он предлагает решить проблему морального вырождения и культурной гнили? Те части федерального Левиафана, которые несут ответственность за распространение морального и культурного загрязнения, такие как Министерство образования, Национальный фонд искусств, Комиссия по обеспечению равных возможностей в сфере занятости и Федеральная судебная система, должны быть закрыты или сокращены в размере. Но нет никакой оппозиции против участия государства в образовательных вопросах. Нет признания того, что естественный порядок в образовании означает, что государство не имеет к нему никакого отношения. Образование – это полностью семейное дело.

Более того, моральное вырождение и культурная гниль имеют более глубокие причины и не могут быть просто вылечены навязанными государством изменениями в учебных программах или наставлениями и декларациями. Напротив, Фрэнсис предлагает, что культурный разворот – (восстановление нормальности) может быть достигнут без фундаментального изменения в структуре современного государства всеобщего благосостояния. Действительно, Бьюкенен и его идеологи открыто защищают три основных института государства всеобщего благосостояния: социальное обеспечение, медицинскую помощь и пособия по безработице. Они даже хотят расширить «социальные» обязанности государства, возложив на него задачу «защиты» посредством национальных ограничений на импорт и экспорт, на американские рабочие места, особенно в отраслях национального значения, и «изолировать

заработную плату работников США от иностранных рабочих, которые работают за 1 доллар в час или меньше».

На самом деле бюкененцы свободно признают себя государственниками. Они ненавидят и высмеивают капитализм, невмешательство, свободные рынки и торговлю, богатство, элиту и благородство; и они выступают за новый популистский, по сути, пролетарский консерватизм, который объединяет социальный и культурный консерватизм и социальную или социалистическую экономику. Таким образом, продолжает Фрэнсис,

в то время как левые могли завоевать средний класс американцев с помощью своих экономических мер, они потеряли их благодаря своему социальному и культурному радикализму, и в то время как правые могли привлечь средний класс американцев с помощью призывов к правопорядку и защите сексуальной нормальности, традиционных нравов и религии, традиционных социальных институтов и призывов к национализму и патриотизму, они потеряли средний класс американцев, когда повторяли свои старые буржуазные экономические формулы.

Следовательно, необходимо объединить экономическую политику левых, а также национализм и культурный консерватизм правых, чтобы создать «новую идентичность, объединяющую как экономические интересы, так и культурно-национальные склонности пролетаризированного среднего класса в отдельном и едином политическом движении». По понятным причинам эта доктрина не так названа, но есть термин для этого типа консерватизма: это называется социальный национализм или национал-социализм.

Я не буду касаться здесь вопроса о том, обращается ли к массам консерватизм Бьюкенена и является ли его диагноз американской политики социологически правильным. Я сомневаюсь, что это так, и, конечно, судьба Бьюкенена во время президентских республиканских праймеризов 1995 и 2000 годов не указывает на иное. Скорее, я хочу обратиться к более фундаментальным вопросам: если предположить, что у этой идеологии

есть некая привлекательность; то есть, предполагая, что культурный консерватизм и социально-социалистическая экономика могут быть психологически объединены (то есть, люди могут придерживаться обоих этих взглядов одновременно без когнитивного диссонанса), то могут ли они быть эффективно и практически (экономически и психологически) объединены? Можно ли сохранить текущий уровень экономического социализма (социального обеспечения и т.д.) и достичь цели восстановления культурной нормальности (естественных семей и нормальных правил поведения)?

Бьюкенен и его теоретики не чувствуют необходимости поднимать этот вопрос, потому что они считают, что политика – это исключительно вопрос воли и власти. Они не верят в такие вещи, как экономические законы. Если только люди чего-то хотят и им дана сила для реализации своей воли, все может быть достигнуто. «Покойный австрийский экономист» Людвиг фон Мизес, на которого Бьюкенен презрительно ссылался во время своей кампании, охарактеризовал эту веру как «историзм» образца интеллектуальной позиции немецких катедер-социалистов, которые оправдывали любые этатистские меры.

Но незнание экономики не изменяет того факта, что существуют неумолимые экономические законы. Например, вы не можете съесть свой торт и сохранить его. Или то, что вы потребляете сейчас, не может быть снова потреблено в будущем. Или производство большего количества одного товара требует производства меньшего количества другого. Никакое желаемое, выдаваемое за действительное не может заставить такие законы исчезнуть. Вера в обратное может привести только к практическому провалу. «На самом деле», отметил Мизес, «экономическая история – это длинная летопись правительственной политики, которая провалилась из-за того, что она была разработана под смелым пренебрежением законами экономики». В свете элементарных и неизменных экономических законов, Бьюкененская программа социального национализма – это просто еще одна смелая, но неосуществимая мечта. Никакое мечтательное мышление не может изменить тот факт, что поддержание основных институтов нынешнего

государства всеобщего благосостояния и желание вернуться к традиционным семьям, нормам, поведению и культуре являются несовместимыми целями. Можно иметь либо социализм, либо традиционную мораль, но нельзя иметь и то, и другое, и для национал-социалистической экономики нынешняя система государства всеобщего благосостояния, которую Бьюкенен хочет оставить нетронутой основой, является причиной культурных и социальных аномалий.

Чтобы прояснить это, необходимо лишь напомнить об одном из самых фундаментальных законов экономики, который гласит, что все принудительное перераспределение богатства или дохода, независимо от критериев, на которых оно основано, включает в себя экспроприацию у производителей и собственников и передачу непроизводителям и неимущим. Соответственно, стимул быть собственником уменьшается, а стимул быть неимущим увеличивается. Считается, что у имущего есть хорошие блага, и их отсутствие у неимущего это нечто плохое. Действительно, это та самая идея, которая лежит в основе любого перераспределения: у одних людей слишком много хороших вещей, а у других их не хватает. Результатом каждого перераспределения является то, что имущий будет производить меньше хорошего и его состояние будет более плохим. Благодаря субсидированию бедных за счет налоговых средств (за счет средств, взятых у других) будет создаваться больше бедности. Благодаря субсидированию безработных людей будет создаваться больше безработицы. Благодаря субсидированию незамужних (плохих) матерей будет больше не состоящих в браке матерей и больше незаконнорожденных детей и т.д.

Очевидно, что это базовое понимание применимо ко всей системе так называемого социального обеспечения, которая была внедрена в Западной Европе (с 1880-х годов) и США (с 1930-х годов): обязательного государственного «страхования» в случаях старости, болезней, производственного травматизма, безработицы, нищеты и т.д. В сочетании с еще более старой обязательной системой государственного образования эти институты и практики приводят к массовым нападкам на институт семьи и личной ответственности. Освобождая людей от обязанности

обеспечивать свой собственный доход, здоровье, безопасность, старость и образование детей, уменьшается способность частного обеспечения, а также уменьшается ценность брака, семьи, детей и родства. Безответственность, близорукость, небрежность, болезни и даже разрушение поощряются, а ответственность, дальновидность, трудолюбие, здоровье и консерватизм наказываются. В частности, система обязательного страхования по старости, благодаря которой пенсионеры (пожилые люди) субсидируются за счет налогов, взимаемых с нынешних получателей дохода (молодых), систематически ослабляет естественную связь между родителями, бабушкой и дедушкой, и детьми. Пожилым людям больше не нужно полагаться на помощь своих детей, если они не предусматривают свою старость; и молодые (как правило, с меньшим накопленным богатством) должны поддерживать старых (как правило, с большим накопленным богатством), а не наоборот, как это обычно бывает в семьях. Следовательно, теперь люди хотят иметь меньше детей (и, действительно, рождаемость упала вдвое с начала современной политики социального обеспечения), и уважение, которое молодые люди традиционно оказывают своим старшим, уменьшается, и все показатели распада и неправильного функционирования семьи, таких как уровни разводов, незаконнорожденности, жестокого обращения с детьми, жестокого обращения с родителями, жестокого обращения с супругами, одиноких родители, одиночества, альтернативного образа жизни и аборт, растут.

Более того, с социализацией системы здравоохранения и регулированием страховой отрасли (путем ограничения права страховщика на отказ) был запущен чудовищный механизм перераспределения богатства и доходов за счет ответственных лиц и групп низкого риска в пользу безответственных субъектов и групп высокого риска. Субсидии для больных, нездоровых и инвалидов порождают болезни, нездоровье и инвалидность и ослабляют желание работать для жизни и вести здоровый образ жизни. Лучше всего эту ситуацию опишет цитата «покойного австрийского экономиста» Людвиг фон Мизеса:

быть больным – это не явление, независимое от сознательной воли ... Эффективность человека – это не просто результат его физического состояния; это во многом зависит от его разума и воли ... Разрушительный аспект страхования от несчастных случаев и болезней заключается прежде всего в том, что такие учреждения способствуют несчастным случаям и болезням, препятствуют выздоровлению и очень часто создают или, во всяком случае, увеличивают и удлиняют, функциональные расстройства, которые следуют за болезнью или несчастным случаем Чувствовать себя здоровым отличается от быть здоровым в медицинском смысле Ослабляя или полностью разрушая желание быть здоровым и способным работать, социальное страхование создает болезнь и неспособность работать; у человека возникает привычка жаловаться – что само по себе является неврозом ... Как социальный институт он делает людей больными физически и психически или, по крайней мере, помогает размножаться, удлиняться и усиливаться болезни ... Таким образом, социальное страхование сделало невроз застрахованного опасным общественным заболеванием. Если это учреждение будет расширяться и развиваться, болезнь будет распространяться. Никакая реформа не сможет помочь. Мы не можем ослаблять или разрушать волю к здоровью не создавая болезни.

Я не хочу объяснять здесь экономический нонсенс Бьюкенена и его теоретиков о еще более продвинутой идеи протекционистской политики (защиты американской заработной платы). Если бы они были правы, их аргумент в пользу экономической защиты составил бы обвинительный акт всей торговле и дал бы защиту тезиса о том, что каждому (каждой семье) было бы лучше, если бы они никогда не торговали с кем-либо еще. Безусловно, в этом случае никто никогда не сможет потерять работу, и безработица из-за «недобросовестной» конкуренции будет сведена к нулю. Однако такое общество с полной занятостью не будет процветающим и сильным; он будет состоять из людей (семей),

которые, несмотря на работу от рассвета до заката, будут обречены на нищету и голод. Международный протекционизм Бьюкенена, хотя и менее разрушительный, чем политика межличностного или межрегионального протекционизма, приведет к точно такому же эффекту. Это не консерватизм (консерваторы хотят, чтобы семьи были процветающими и сильными). Это экономический деструктивизм.

В любом случае, должно быть ясно, что большинство, если не вся моральная деградация и культурная гниль (признаки децивилизации) вокруг нас являются неизбежными результатами государства всеобщего благосостояния и его основных институтов. Классические консерваторы старого образца знали об этом, и они решительно выступали против государственного образования и социального обеспечения. Они знали, что государства повсюду намеревались разрушить и в конечном итоге уничтожить семьи, а также институты, слои и иерархии власти, которые являются естественным результатом семейных общин, увеличивающих свою собственную власть. Они знали, что для этого государствам придется воспользоваться естественным бунтом подростков против родительского авторитета. И они знали, что социализированное образование и социализированная ответственность – средства достижения этой цели. Социальное образование и социальное обеспечение дают возможность мятежной молодежи избежать родительской власти (чтобы сбежать с постоянно плохим поведением). Старые консерваторы знали, что эта политика освободит человека от дисциплины, навязанной семейной и общественной жизнью, только для того, чтобы подчинить ее прямому и непосредственному контролю со стороны государства. Кроме того, они знали или, по крайней мере, имели догадку, что это может привести к систематической инфантилизации общества – эмоциональному и умственному регрессу.

Напротив, популистско-пролетарский консерватизм, социальный национализм Бьюкенена демонстрирует полное незнание всего этого. Сочетание культурного консерватизма и всеобщего благосостояния (этатизма) невозможно, а значит, эта теория – экономическая чепуха. Всеобщее благосостояние в любой форме порождает моральную и

культурную гниль и вырождение. Таким образом, если кто-то действительно обеспокоен моральным разложением Америки и хочет восстановить нормальное состояние в обществе и культуре, он должен противостоять всем аспектам современного государства социального обеспечения. Для возвращения к нормальной жизни требуется не меньше, чем полная ликвидация существующей системы социального обеспечения: страхования на случай безработицы, социального обеспечения, медицинской помощи, государственного образования и т.д., и, таким образом, почти полного роспуска и разрушения нынешнего государственного аппарата и правительственной мощи. Если кто-то когда-либо восстановит нормальность, то лишь когда государственные средства и власть сократятся к уровню девятнадцатого века или даже ниже. Следовательно, настоящие консерваторы должны быть жесткими либертарианцами (антиэтатистами). Консерватизм Бьюкенена ложен: он хочет возврата к традиционной морали, но в то же время выступает за сохранение тех самых институтов, которые несут ответственность за извращение и разрушение традиционной морали.

III

Таким образом, большинство современных консерваторов, особенно среди представителей СМИ, являются не консерваторами, а социалистами – либо интернационалистского типа (новые и неоконсервативные военно-социальные деятели и глобальные социал-демократы), либо националистического сорта (бьюкененские популисты). Подлинными консерваторами должны быть против обоих. Чтобы восстановить социальную и культурную нормальность, истинные консерваторы могут быть только радикальными либертарианцами, и они должны требовать разрушения всей структуры социального обеспечения, как морального и экономического развратителя. Если консерваторы должны быть либертарианцами, почему либертарианцы должны быть консерваторами? Если консерваторы должны учиться у либертарианцев, должны ли либертарианцы также учиться у консерваторов?

Сначала приведем несколько терминологических пояснений. Используемый здесь термин либертарианство – это феномен двадцатого века, или, точнее, феномен информационного века после Второй мировой войны, имеющий интеллектуальные корни как в классическом (восемнадцатого и девятнадцатого веков) либерализме, так и в более старой философии естественного права. Это продукт современного (просветительского) рационализма. Кульминируя в работах Мюррея Ротбарда, первоисточниках современного либертарианского движения, и, в частности, в его «Этике свободы», либертарианство представляет собой рациональную систему этики (права). Работая в рамках традиции классической политической философии – Гоббса Гроция, Пуфендорфа, Локка и Спенсера, и применяя те же древние аналитические (концептуальные) инструменты и логический аппарат, что и они, либертарианство (Ротбардианство) представляет собой систематический кодекс законов, полученный путем логического вывода из единого принципа, обоснованность которого (и именно это делает его основным принципом, т.е. этической аксиомой, а либертарианский кодекс законов – аксиоматически-дедуктивной теорией справедливости) нельзя оспорить, не подвергаясь логико-практическим (праксеологическим) или перформативным противоречиям (которые означают отсутствие явного подтверждения того, что что-то нужно отрицать). Эта аксиома является древним принципом первоначального присвоения: владение скудными ресурсами (права исключительного контроля над скудными ресурсами (частная собственность)) приобретается посредством акта первоначального присвоения (посредством которого ресурсы преобразуются из природного состояния в состояние цивилизационное). Если бы это было не так, никто бы не смог начать действовать (делать или предлагать что-либо); следовательно, любой другой принцип праксеологически невозможен (и аргументированно неоправдан). Из принципа первоначального присвоения (принципа, по которому кто первый использовал, тот и владеет) правила, касающиеся преобразования и передачи (обмена) первоначально присвоенных ресурсов, и всей этики (закона), включая принципы наказания реконструируются с точки зрения

теории прав собственности: все права человека являются правами собственности, а все нарушения прав человека являются нарушениями прав собственности. Результат этой либертарианской теории справедливости хорошо известен в этих выводах: государство, согласно наиболее влиятельному направлению либертарианской теории, ротбардовской, является преступной организацией, и единственным общественным порядком, который является справедливой системой, есть система анархии частной собственности.

Я не хочу дальше анализировать или защищать либертарианскую теорию справедливости на данном этапе. Позвольте мне только признаться, что я верю в то, что теория верна и действительно неопровержимо истинна. Скорее, я хочу обратиться к вопросу о связи между либертарианством и консерватизмом (вера в естественный социальный порядок, основанный на семьях). Некоторые поверхностные комментаторы, в основном с консервативной стороны, такие как Рассел Кирк, охарактеризовали либертарианство и консерватизм как несовместимые, враждебные или даже антагонистические идеологии. На самом деле, это мнение совершенно ошибочно. Отношения между либертарианством и консерватизмом связаны между собой праксеологической совместимостью, социологической взаимодополняемостью и взаимным подкреплением.

Чтобы объяснить это, позвольте мне сначала указать, что большинство, хотя и не все, ведущие либертарианские мыслители были, по эмпирическому факту, социокультурными консерваторами: защитниками традиционной буржуазной морали и нравов. В частности, Мюррей Ротбард, наиболее важный и влиятельный либертарианский мыслитель, был откровенным культурным консерватором, так же, как и учитель Ротбарда, Людвиг фон Мизес. (Айн Рэнд, произведя значительное влияние на современное либертарианство, представляет с себя уже другое дело). Хотя это не доказывает многого (это доказывает только то, что консерватизм и либертарианство могут быть психологически согласованы), это свидетельствует о существенной близости между двумя доктринами. Нетрудно признать, что консервативные и либертарианские взгляды на общество совершенно совместимы. Безусловно, их методы явно

отличаются. Одно является (или кажется) эмпирическим, социологическим и описательным, тогда как другое – рационалистическим, философским, логическим и конструктивистским. Несмотря на это, оба согласны в одном фундаментальном правиле. Консерваторы убеждены, что «естественное» и «нормальное» является старым и широко распространенным (и, таким образом, его можно различить всегда и везде). Точно так же либертарианцы убеждены в том, что принципы справедливости вечны и универсальны (и, следовательно, они, по сути, были известны человечеству с самого его возникновения). То есть, либертарианская этика не новая и революционная, а старая и консервативная. Даже первобытные люди и дети способны понять действительность принципа первоначального присвоения, и большинство людей обычно признают его как неоспоримый факт.

Более того, в отношении объекта, на котором сосредоточены консерваторы и либертарианцы, (первые со стороны семьи, родственных отношений, сообществ, власти и социальной иерархии, другие со стороны собственности и ее присвоения, трансформации и передачи) должно быть ясно, что хотя они не исследуют одинаковые свойства, они все же говорят о различных аспектах одного и того же объекта: человеческих субъектов и социального сотрудничества. То есть их сфера исследования (система отсчета) идентична. Семьи, власть, сообщества и социальные статусы являются эмпирически-социологической конкретизацией абстрактных философско-праксеологических категорий и концепций собственности, производства, обмена и договора. Собственность и имущественные отношения не существуют отдельно от семейных и родственных отношений. Последние формируют и определяют конкретную форму и конфигурацию владения и имущественных отношений, в то же время они ограничены универсальными и вечными законами дефицита и собственности. Фактически, как мы уже видели, семьи, считающиеся нормальными по консервативным стандартам, являются семьями с домашними хозяйствами, а распад семьи, моральный и культурный упадок, о которых сожалеют современные консерваторы, являются в основном результатом разрушения домашних хозяйств (поместий) как

экономической основы семей современным государством всеобщего благосостояния. Таким образом, либертарианская теория справедливости может фактически дать консерватизму более точное определение и более строгую моральную защиту своей собственной цели (возврат к цивилизации в форме моральной и культурной нормальности), чем когда-либо мог бы предложить сам консерватизм. Это может еще больше обострить и укрепить традиционную антиэтатистскую позицию консерватизма.

IV

Хотя интеллектуальные создатели современного либертарианства были культурными консерваторами, и в то время как либертарианская доктрина полностью совместима и согласуется с консервативным мировоззрением (и, как утверждают некоторые консервативные критики, не влечет за собой «атомистический индивидуализм» и «корыстный эгоизм»), поврежденное современным государством всеобщего благосостояния либертарианское движение претерпело значительные преобразования. В значительной степени (и в полной мере в глазах средств массовой информации и общественности) оно стало движением, которое объединяет радикальный антиэтатизм и рыночную экономику с культурным левизмом, мультикультурализмом и личным гедонизмом; то есть, это полная противоположность бюкененской программе культурно-консервативного социализма: контркультурный капитализм.

Ранее отмечалось, что бюкененская программа социального национализма, похоже, не пользуется большой популярностью, по крайней мере, в Соединенных Штатах. Это в еще большей степени относится к попыткам либертарианцев синтезировать рыночную экономику с контр- и мультикультурализмом. Тем не менее как и в случае с консерватизмом ранее, в этом случае моя главная задача не в массовой привлекательности и не в том, могут ли определенные идеи психологически сочетаться и интегрироваться, а в том, могут ли эти идеи сочетаться практически и эффективно. Я планирую показать, что они не могут, и что большая часть

современного либертарианства является ложным, контрпродуктивным либертарианством (так же, как консерватизм Бьюкенена является ложным и контрпродуктивным).

То, что большая часть современного либертарианства является культурно-левым, не связано с какими-либо подобными склонностями среди главных либертарианских теоретиков. Как отмечалось, они были по большей части культурными консерваторами. Скорее, это было результатом поверхностного понимания либертарианской доктрины многими ее поклонниками и последователями, и это невежество объясняется историческим совпадением и упомянутой тенденцией, присущей социал-демократическому государству всеобщего благосостояния, которое способствует продвижению процесса интеллектуальной и эмоциональной инфантилизации (децивилизации общества).

Начало современного либертарианского движения в Соединенных Штатах восходит к середине 1960-х годов. В 1971 году была основана Либертарианская партия, а в 1972 году ее первым кандидатом в президенты был выдвинут философ Джон Хосперс. Это было время войны во Вьетнаме. Одновременно, благодаря значительным «достижениям» в развитии государства всеобщего благосостояния, с начала и середины 1960-х годов в Соединенных Штатах и аналогичным образом в Западной Европе появилось новое массовое явление. Возник новый «люмпенпролетариат» интеллигенции и интеллектуализированной молодежи, продукт постоянно расширяющейся системы социалистического (общественного) образования, «отчуждаемый» от господствующей «буржуазной» морали и культуры. Мультикультурализм и культурный релятивизм (живи и дай жить другим) и эгалитарный антиавторитаризм (не уважай авторитетов) переключались от временных и переходных этапов умственного развития (юности) к постоянным отношениям среди взрослых интеллектуалов и их учеников.

Принципиальное противодействие либертарианцев войне во Вьетнаме совпало с несколько рассеянным противодействием войне со

стороны новых левых. Кроме того, анархистские заключения либертарианской доктрины обратились к левой контркультуре. Разве нелегитимность государства и аксиома ненападения (что никто не должен инициировать или угрожать применением физической силы против других и их собственности) не подразумевают, что каждый свободен выбрать свой собственный неагрессивный образ жизни? Разве это не означает, что пошлость, непристойность, ненормативная лексика, употребление наркотиков, беспорядочные половые связи, порнография, проституция, гомосексуализм, полигамия, педофилия или любые другие мыслимые извращения или аномалии, поскольку они были без жертв преступления, не были бы никакими преступлениями, а совершенно нормальными и законными образами жизни? Поэтому неудивительно, что с самого начала либертарианское движение привлекло необычайно большое количество ненормальных и извращенных последователей. Впоследствии контркультурная атмосфера и мультикультурно-релятивистская «толерантность» либертарианского движения привлекли еще большее количество неудачников. Мюррей Ротбард с отвращением назвал их «нигило-либертарианцами» и назвал их «модальными» (типичными и репрезентативными) либертарианцами. Они фантазировали об обществе, в котором каждый был бы свободен выбирать и развивать любой неагрессивный стиль жизни, карьеру или характер, который он хотел, и где, в результате экономики свободного рынка, каждый мог делать это за счет общего процветания. По иронии судьбы, движение, которое намеревалось демонтировать государство и восстановить частную собственность и рыночную экономику, было в значительной степени переделано, а его внешний вид был сформирован умственными и эмоциональными продуктами государства всеобщего благосостояния: новым классом вечных подростков.

V

Эта интеллектуальная комбинация вряд ли могла бы благополучно закончиться. Капитализм частной собственности и эгалитарный мультикультурализм столь же маловероятны в соединении, как социализм и культурный консерватизм. И в попытке объединить то, что

не может быть объединено, большая часть современного либертарианского движения фактически способствовала дальнейшему размыванию прав частной собственности, так же само, как большая часть современного консерватизма способствовала размыванию семей и традиционной морали. То, что контркультурные либертарианцы не смогли распознать, и что истинные либертарианцы не могут особо подчеркнуть, так это то, что восстановление прав частной собственности и экономическая свобода подразумевает резкий рост социальной дискриминации и устранение большинства, если не всех мультикультурно-эгалитарных экспериментов, столь близких сердцу левых либертарианцев. Другими словами, либертарианцы должны быть радикальными и бескомпромиссными консерваторами.

В отличие от левых либертарианцев, собравшихся вокруг таких учреждений, как, например, Институт Катона и Институт Юстиции, которые обращаются к центральному правительству за помощью в проведении различных политик недискриминации и призывают к недискриминационной или «свободной» иммиграционной политике, настоящие либертарианцы должны принять как внутреннюю, так и внешнюю (иностранную) дискриминацию. Действительно, частная собственность означает дискриминацию. Я, а не вы, владею тем и тем. Я имею право исключить вас из моей собственности. Я могу наложить условия на ваше пользование моей собственностью и исключить вас из этого пользования. Более того, вы и я, владельцы частной собственности, можем защищать нашу собственность. Мы и другие можем, если мы оба посчитаем это полезным, наложить ограничения на общее пользование нашей собственностью.

Современное государство всеобщего благосостояния в значительной степени лишило владельцев частной собственности права на исключение, подразумеваемого в концепции частной собственности. Дискриминация вне закона. Работодатели не могут нанять того, кого хотят. Арендодатели не могут сдавать в аренду, кому они хотят. Продавцы не могут продавать кому хотят; покупатели не могут покупать у того, у кого они хотят купить. И группам владельцев частной собственности не

разрешается создавать какие-либо ограничительные условия, которые они считают взаимовыгодными. Таким образом, государство лишило людей большей части их личной и физической защиты. Не быть в состоянии исключить других означает не быть способным защитить себя. Результатом этого размывания прав частной собственности в демократическом государстве всеобщего благоденствия является вынужденная интеграция. Принудительная интеграция повсеместна. Американцы должны принимать иммигрантов, которых они не хотят. Учителя не могут избавиться от паршивых или плохо себя ведущих студентов, работодатели застряли вместе с плохими или деструктивными работниками, домовладельцы вынуждены жить с плохими арендаторами, банкам и страховым компаниям не разрешается избегать клиентов с высокими рисками, рестораны и бары должны принимать нежелательных клиентов, и частные клубы вынуждены принимать членов и выполнять действия, нарушающие их собственные правила и ограничения. Более того, в отношении общестности, то есть государственной собственности, принудительная интеграция приняла опасную форму отсутствия правил и запретов.

Исключение других людей из своей собственности – это то самое средство, с помощью которого владелец может избежать «плохих» событий: событий, которые снижают ценность собственности. Из-за того, что свободное исключение не разрешено, число случаев плохого поведения, ленивых и ненадежных студентов, сотрудников, клиентов увеличилось, а стоимость недвижимости упала. Фактически, принудительная интеграция (результат политики недискриминации) порождает плохое поведение и плохой характер. В цивилизованном обществе конечной ценой за плохое поведение является изгнание, и всевозможные дурные или гнилые персонажи (даже если они не совершают никаких уголовных преступлений) будут быстро изгнаны отовсюду и всеми и станут изгоями, физически удаленными от цивилизации. Это поведение становится слишком дорогим для человека, следовательно, частота такого поведения снижается. Напротив, если кто-то лишен возможности исключать других из собственности, когда их присутствие считается нежелательным, поощряются плохое поведение, неправомерное

поведение и откровенно гнилые персонажи (цена такого поведения становится меньше). Вместо того, чтобы быть изолированными и, в конечном счете, полностью исключенными из общества, «бомжам» разрешено совершать свои неприятности повсюду, так что бомжи будут распространяться. Результаты принудительной интеграции хорошо видны. Все социальные отношения, будь то в частной или деловой жизни, становятся все более эгалитарными и нецивилизованными.

В отличие от этого, общество, в котором право на исключение полностью подконтрольно владельцам частной собственности, было бы глубоко неэгалитарным, нетерпимым и дискриминационным. Было бы мало или совсем не было бы «терпимости» и «непредубежденности», которые так дороги левым либертарианцам. Вместо этого можно было бы пойти по верному пути к восстановлению свободы ассоциации и исключения, подразумеваемых в институте частной собственности, если бы только города и деревни могли и делать то, что они, как само собой разумеющееся, делали до девятнадцатого века в Европе и США. Там были знаки, показывающие требования въезда в город, и, как только в городе появляются те, кто не отвечает требованиям (например, нищие, бомжи или бездомные, гомосексуалисты, потребители наркотиков, евреи, мусульмане, немцы или зулусы), они выгоняются как нарушители. Почти мгновенно культурная и моральная нормальность восстанавливается.

Левые либертарианцы и экспериментаторы из разных или противоположных слоев общества, даже если они не были вовлечены в какое-либо преступление, снова должны были бы заплатить цену за свое поведение. Если бы они продолжали свое поведение или образ жизни, они были бы отстранены от цивилизованного общества и жили бы физически отдельно от него, в гетто или на окраинах общества, и многие должности или профессии были бы для них недоступны. Напротив, если бы они хотели жить и развиваться в обществе, им пришлось бы приспособливаться и ассимилироваться с моральными и культурными нормами общества, в которое они хотели бы вступить. Таким образом, ассимиляция не обязательно подразумевает, что человеку придется полностью отказаться от некачественного, ненормального поведения или образа жизни. Однако

это будет означать, что человек больше не сможет «выходить» и демонстрировать свое альтернативное поведение или образ жизни на публике. Такое поведение должно оставаться в шкафу, скрытым от посторонних глаз и физически ограниченным полной конфиденциальностью своих собственных четырех стен. Реклама или ее публичное размещение же может привести к исключению.

Более того, настоящие консервативные либертарианцы, в отличие от левых, должны не только признавать и подчеркивать тот факт, что в либертарианском обществе, где права частной собственности полностью во власти владельцев частных домохозяйства; что еще более важно, они должны будут признать (и консерваторы и консервативные взгляды могут помочь в достижении этого) то, что должна быть строгая дискриминация, если кто-то хочет достичь цели анархии частной собственности (или чисто частноправовое общество). Без постоянной дискриминации либертарианское общество быстро разрушится и переродится в социализм государства всеобщего благосостояния. Каждый общественный строй, в том числе либертарианский или консервативный, требует механизма принуждения. Социальные порядки (в отличие от механических или биологических систем) не поддерживаются автоматически; они требуют сознательных усилий и целенаправленных действий со стороны членов общества, чтобы предотвратить его распад.

VI

Стандартная либертарианская модель сообщества – это индивиды, которые вместо того, чтобы жить физически отделено и изолировано друг от друга, ассоциируются друг с другом как соседи, живущие на соседних, но отдельно принадлежащих участках земли. Однако эта модель слишком упрощенная. Предположительно, причиной выбора соседей вместо изоляции является тот факт, что для отдельных лиц, участвующих в разделении труда, соседство предлагает дополнительное преимущество, заключающееся в снижении операционных издержек; то есть соседство облегчает обмен. Как следствие, стоимость участка земли, находящегося в индивидуальной собственности, будет повышена

благодаря наличию соседних участков земли, принадлежащих другим. Тем не менее, хотя это действительно может быть правдой и являться уважительной причиной для выбора района, а не физической изоляции, это ни в коем случае не всегда истинный путь. Соседство также сопряжено с рисками и может привести к падению, а не к увеличению стоимости имущества, даже если в соответствии с рассматриваемой моделью предполагается, что первоначальное создание соседнего имущества было взаимовыгодным, и даже если предполагается, что все члены сообщества воздерживаются от преступной деятельности, все же может случиться так, что бывший «хороший» сосед окажется отвратительным, что он не позаботится о своей собственности или изменит ее так, чтобы негативно повлиять на имущественные ценности других членов сообщества, или что он просто отказывается участвовать в каких-либо совместных усилиях, направленных на то, чтобы доказать ценность сообщества в целом. Следовательно, для преодоления трудностей, присущих развитию сообщества, когда земля находится в разделенной собственности, формирование соседств и сообществ на самом деле шли по другим направлениям, чем те, которые были предложены в вышеупомянутой модели.

Районы, как правило, были частными или договорными общинами, основанными и принадлежавшими одному собственнику, который «сдавал в аренду» отдельные участки земли на определенных условиях отдельным лицам. Такие договора основывались на родственных отношениях, а роль собственника выполнял глава семьи или клана. Другими словами, точно так же, как действия непосредственных членов семьи координируются главой и владельцем домашнего хозяйства в пределах одного домохозяйства, состоящего из одной семьи, также выполнялась функция управления и координации землепользования групп соседних домохозяйств, традиционно выполняемых главой расширенного родства. В современные времена, характеризующиеся массовым ростом населения и значительной потерей важности родственных отношений, эта оригинальная либертарианская модель частного сообщества была заменена новыми разработками, такими как торговые центры и «коттеджные

общины». Как торговые центры, так и закрытые жилые районы принадлежат одному лицу, частному лицу или частной корпорации, и отношения между владельцем сообщества, его арендаторами и резидентами носят чисто договорный характер. Собственник – это предприниматель, стремящийся получить прибыль от развития и управление жилыми и/или деловыми сообществами, которые привлекают людей как места, где они хотели бы проживать и/или заниматься своими делами. «Владелец», дополняет Спенсер МакКаллум,

создает ценность общинной земли, главным образом, удовлетворяя три функциональных требования сообщества, которые он как собственник может адекватно выполнить: выбор членов, планирование земли и лидерство. ... Первые две функции, выбор членства и планирование земли совершаются им автоматически в ходе определения того, кому и с какой целью разрешить использование земли. Третья функция, лидерство, – это его естественная ответственность, а также его особая возможность, поскольку один только его интерес – это успех всего сообщества, а не какой-либо части внутри него. Присвоение земли автоматически устанавливает виды арендаторов и их пространственное сопоставление друг с другом и, следовательно, экономическую структуру сообщества. ... Лидерство также включает арбитраж разногласий между арендаторами, а также руководство и участие в совместных усилиях ... [Действительно], в фундаментальном смысле безопасность сообщества является частью функции владельца недвижимости. При планировке земли он контролирует проектирование всего строительства с точки зрения безопасности. Он также выбирает арендаторов с учетом их совместимости и взаимодополняемости с другими членами сообщества и учится предвидеть в арендных договорах и другими способами противодействовать спорам, возникающим среди арендаторов. Своим неформальным миротворчеством и арбитражем он разрешает разногласия, которые в противном случае могут стать серьезными. Этими многими способами он

обеспечивает «тихое владение», как это было так замечательно сформулировано на языке общего права, для своих арендаторов.

Очевидно, что задача сохранения договоренностей, связанных с либертарианским (частным) сообществом, является прежде всего задачей собственника. Тем не менее он всего лишь один человек, и он не может добиться успеха в этой задаче, если он не поддержан в его усилиях большинством членов рассматриваемой общины. В частности, собственник нуждается в поддержке общинной элиты, то есть глав домохозяйств и фирм, которые больше всего вкладывают средств в сообщество. Чтобы защитить и, возможно, повысить ценность своей собственности и инвестиций, как владелец, так и общественная элита должны быть готовы принять две формы защитных мер. Во-первых, они должны быть готовы защищаться с помощью физической силы и наказания от внешних захватчиков и внутренних преступников. Но, во-вторых, что не менее важно, они также должны быть готовы защищать себя посредством остракизма, исключения и, в конечном счете, изгнания тех членов сообщества, которые защищают, рекламируют или пропагандируют действия, несовместимые с самой целью договора: защищать собственность и семью.

В этом отношении сообщество всегда сталкивается с двойной и связанной угрозой эгалитаризма и культурного релятивизма. Эгалитаризм во всех его проявлениях несовместим с идеей частной собственности. Частная собственность подразумевает исключительность, неравенство и разницу. А культурный релятивизм несовместим с фундаментальным, а на самом деле основополагающим фактом семейных отношений и отношений между поколениями. Семейные и родственные отношения подразумевают культурный абсолютизм. В силу социально-психологического факта как эгалитарные, так и релятивистские настроения находят постоянную поддержку среди новых поколений подростков. Из-за своего все еще неполного умственного развития несовершеннолетние, особенно мужского пола, всегда подвержены обеим идеям. В подростковом возрасте отмечаются регулярные (и для этой стадии нормальные) вспышки бунта среди молодежи против дисциплины, навязываемой им семейной жизнью

и родительским авторитетом. Культурный релятивизм и мультикультурализм обеспечивают идеологический инструмент освобождения себя от этих ограничений. И эгалитаризм, основанный на инфантильном взгляде, что собственность «дается» (и, следовательно, распределяется произвольно), а не индивидуально присваивается и производится (и, следовательно, распределяется справедливо, то есть в соответствии с личной производительностью), обеспечивает интеллектуальные средства, с помощью которых мятежная молодежь может претендовать на экономические ресурсы, необходимые для жизни, будучи свободными от дисциплинарных рамок семьи.

Конечно, соблюдение договора в значительной степени зависит от осмотрительности. Как и когда реагировать, и какие защитные меры следует предпринять, требует суждения со стороны членов, и особенно собственника и элиты сообщества. Так, например, до тех пор, пока угроза морального релятивизма и эгалитаризма ограничивается небольшой долей несовершеннолетних и молодых людей только в течение короткого периода жизни (до тех пор, пока они не вернутся во взрослую жизнь с ограниченными возможностями), вполне может быть достаточно вообще ничего не делать. Сторонники культурного релятивизма и эгалитаризма будут представлять собой лишь нечто большее, чем временный опыт унижения или раздражения, а наказание в виде остракизма может быть довольно мягким и снисходительным. Небольшая доза насмешек и презрения может быть всем, что необходимо для сдерживания релятивистской и эгалитарной угрозы. Однако ситуация совершенно иная, и могут потребоваться более решительные меры, когда дух морального релятивизма и эгалитаризма овладевает взрослыми членами общества: матерями, отцами, главами домашних хозяйств и фирмами.

Как только зрелые члены общества начинают защищать эгалитарные чувства, будь то в форме демократии (правила большинства) или коммунизма, становится необходимым, чтобы другие члены, и в частности естественные социальные элиты, были готовы действовать решительно и, в случае продолжающегося неподчинения, исключить этих членов из общества. В договоре, заключенном между собственниками и

арендаторами сообщества с целью защиты их частной собственности, не существует такого понятия, как право на свободу (неограниченную) слова, даже на неограниченную свободу слова в рамках собственности арендатора. Можно говорить бесчисленные вещи и продвигать практически любую идею, но, естественно, никому не разрешается защищать идеи, противоречащие самой цели договора сохранения и защиты частной собственности, такие как демократия и коммунизм. Не может быть никакой терпимости по отношению к демократам и коммунистам в либертарианском общественном устройстве. Они должны быть физически отделены и исключены из общества. Аналогичным образом, в договоре, созданном с целью защиты семьи и родственников, не может быть никакой терпимости по отношению к тем, кто обычно пропагандирует образ жизни, несовместимый с этой целью. Они, как сторонники альтернативного, несемейного и неориентированного на родство образов жизни, таких как, например, индивидуальный гедонизм, паразитизм, поклонение природной среде, гомосексуализм или коммунизм, также должны быть физически удалены из общества ради поддержки либертарианского порядка.

VII

Должно быть очевидно, почему либертарианцы должны быть моральными и культурными консерваторами самого бескомпромиссного вида. Нынешнее состояние моральной деградации, социальной дезинтеграции и культурной гнили является как раз результатом слишком большой и, прежде всего, ошибочной и неверно воспринятой терпимости. Вместо того, чтобы все привычные демократы, коммунисты и сторонники альтернативного образа жизни были исключены из цивилизации в соответствии с принципами договора, они были терпимы обществом. И эта же терпимость только поощряла еще более эгалитарные и релятивистские настроения и отношения, пока, наконец, не была достигнута точка, когда власть исключать кого-либо за что-либо фактически испарилась, в то время как власть государства, как это проявляется в спонсируемой государством принудительной интеграции, соответственно выросла.

Либертарианцы, стремясь установить свободный естественный общественный порядок, должны стремиться забрать у государства право на исключение, присущее частной собственности. Тем не менее даже до того, как они достигнут этого и для того, чтобы сделать такое достижение возможным, либертарианцы могут достаточно быстро начать восстанавливать и осуществлять, в той степени, в которой ситуация все еще позволяет им это сделать, их право на исключение в повседневной жизни. Либертарианцы должны отличаться от других, практикуя (а также пропагандируя) самую крайнюю форму нетерпимости и дискриминации по отношению к эгалитаристам, демократам, социалистам, коммунистам, мультикультуралистам, защитникам окружающей среды, людям с плохими манерами, проступками, некомпетентностью, грубостью, вульгарностью и непристойностью. Подобно истинным консерваторам, которым придется отмежеваться от ложного социального консерватизма бююкененцев и неоконсерваторов, истинные либертарианцы должны явно и демонстративно отмежевываться от ложных мульти-контркультурных и антиавторитарных эгалитарных леволибертарианских самозванцев.

11. Об ошибках классического либерализма и будущем свободы

I

Классический либерализм находился в упадке уже более века. Со второй половины XIX века В США и в Западной Европе общественные дела все чаще контролируются социалистическими идеями. Фактически, двадцатый век вполне может быть описан как век превосходящего социализма: коммунизма, фашизма, национал-социализма и наиболее устойчивой социал-демократии (современного американского либерализма и неоконсерватизма).

Безусловно, этот упадок не был непрерывным. Дела не всегда ухудшались с либеральной точки зрения. Были также некоторые отсрочки. Например, в результате Второй мировой войны в Западной Германии и Италии произошла значительная либерализация по сравнению с существующим положением в условиях национал-социализма и фашизма. Точно так же распад коммунистической советской империи в конце 1980-х годов привел к значительной либерализации в Восточной Европе. Однако, хотя либералы приветствовали эти события, они не были признаком возрождения либерализма. Скорее, либерализация Германии и Италии после мировой войны и нынешняя посткоммунистическая либерализация Восточной Европы были результатом внешних и случайных событий: военного поражения и прямого экономического банкротства. В каждом случае это была либерализация старой системы, и окончательный вариант общественного строя был просто вариантом социализма: социал-демократии, примером которой является США, единственная сверхдержава, не пережившая военного поражения или экономического банкротства.

Таким образом, даже если либералы могли воспользоваться несколькими периодами отсрочки, в конечном итоге смещение либерализма социализмом было всецелым. Действительно, социалистическая победа была настолько полной, что сегодня, в начале

XXI века, некоторые неоконсерваторы победоносно заговорили о «Конце истории» и появлении «Последнего человека», т.е. о веке мирового надзора социал-демократических США и о новом социал-демократическом человеке.

II

Даже если считать гегелевские устремления этой интерпретации, согласно которым либерализм представляет лишь переходную стадию в эволюции полностью развитого социал-демократического человека, полностью нелепыми, либералам все равно приносит неудобства истина неоконсервативных философствований. Они также не могут утешить себя осознанием того, что социал-демократия также обречена на экономический крах. Они знали, что коммунизм должен рухнуть, но, когда это произошло, либерального возрождения не случилось. Нет никаких априорных оснований полагать, что будущий крах социал-демократии принесет более благоприятные результаты.

Предполагая, что ход человеческой истории определяется идеями (а не «слепыми силами»), а исторические изменения являются результатом идеологических сдвигов в общественном мнении, из этого следует, что социалистическая трансформация последних ста лет должна пониматься как результат интеллектуально-философского и теоретического поражения либерализма, т.е. растущее принятие общественным мнением либеральной доктрины как ошибочной. На это либералы могут реагировать двумя способами. С одной стороны, они все еще могут утверждать, что либерализм является здоровой доктриной и что общественность отвергает ее, несмотря на ее правду. В этом случае нужно объяснить, почему люди цепляются за ложные убеждения, даже если они знают о правильных либеральных идеях. Разве правда не всегда сама по себе имеет привлекательность? Кроме того, нужно объяснить, почему либеральная правда все чаще отвергается в пользу социалистической лжи. Стало ли население более ленивым или вырожденным? Если да, то как это можно объяснить? С другой стороны, можно считать, что отвержение – это признак ошибок в доктрине. В этом случае необходимо пересмотреть ее

теоретические основы и определить ошибку, которая не только может указать на причину отвержения доктрины и почему нужно все же ее не отвергать, но и, что более важно, объяснит фактический ход событий. Другими словами, социалистическая трансформация должна быть объяснена как понятная, систематически предсказуемая прогрессивная деконструкция и вырождение либеральной политической теории, порожденной и логически вытекающей из этой ошибки как окончательного источника всей последующей социалистической путаницы.

III

Основная и важнейшая ошибка либерализма заключается в ее теории государственного управления.

Классическая либеральная политическая философия, олицетворенная Локком и наиболее ярко выраженная в Декларации независимости Джефферсона, была прежде всего моральной доктриной. Опираясь на философию стоиков и поздних схоластиков, она сосредоточилась вокруг понятия владения собой, первоначального присвоения природных (не принадлежащих никому) ресурсов, собственности и договора как универсальных прав человека, подразумеваемых в природе человека как рационального животного. В среде княжеских и королевских правителей этот акцент на универсальность прав человека показывал либеральную философию, естественно, как радикальную оппозицию каждому существующему правительству. Для либерала каждый человек, будь то король или крестьянин, был подвержен одним и тем же универсальным и вечным принципам справедливости, и правительство может либо получить свое оправдание на основании договора между частными собственниками, либо вообще не может себя оправдать. Но может ли любое правительство быть оправданным?

Утвердительный либеральный ответ хорошо известен. Он появился из неоспоримо истинного положения о том, что человечество, каким он есть, и убийцы, грабители, воры, бандиты и мошенники будут существовать всегда, и жизнь в обществе будет невозможной, если им не угрожать физическим наказанием. Чтобы поддерживать либеральный

общественный порядок, настаивали либералы, необходимо, чтобы его члены имели возможность оказывать давление (угрожая или применяя насилие) на любого, кто не уважает жизнь и собственность других людей, и заставить их согласиться с правилами общества. Исходя из этой правильной предпосылки, либералы пришли к выводу, что эта необходимая задача поддержания правопорядка является уникальной функцией правительства.

Является ли этот вывод правильным или нет, зависит от определения правительства. Он правильный, если под правительством просто подразумевается какое-либо лицо или фирма, которое предоставляет услуги по защите и безопасности для добровольно оплачиваемой клиентуры владельцев частной собственности. Однако это не было определением правительства, принятым либералами. Для либерала правительство – это не просто специализированная фирма. Скорее, правительство обладает двумя уникальными характеристиками. В отличие от обычной фирмы, она является обязательной территориальной монопольной юрисдикцией (будучи конечной инстанцией принятия решений) и имеет право на налогообложение. Однако, если принять это определение правительства, то либеральный вывод становится неверен. Из права и необходимости защиты личности и имущества не следует, что монопольная юрисдикция и налогообложение могут по праву и эффективно обеспечивать защиту. Наоборот, можно продемонстрировать, что любое такое учреждение несовместимо с законной и эффективной защитой собственности.

Согласно либеральной доктрине, право на частную собственность логически и временно предшествует любому правительству. Оно является результатом первоначального присвоения, производства и/или обмена и касается права владельца на исключительную юрисдикцию над определенными физическими ресурсами. Фактически, целью частной собственности является создание физически отдельных владений с исключительной юрисдикцией, чтобы избежать возможных конфликтов, связанных с использованием ограниченных ресурсов. Ни один частный собственник не может лишиться своего права на окончательную

юрисдикцию и физическую защиту его собственности в чью-либо пользу, если он не продаст или иным образом не передаст свою собственность (в этом случае кто-то другой получает исключительную юрисдикцию над этой собственностью). Однако каждый владелец собственности может воспользоваться преимуществами разделения труда и стремиться к большей или лучшей защите своей собственности посредством сотрудничества с другими собственниками и их собственностью. Каждый владелец недвижимости может покупать, продавать или заключать с кем-либо договоры, касающиеся большей или лучшей защиты собственности, и каждый владелец недвижимости может в любое время в одностороннем порядке прекратить любое такое сотрудничество с другими и изменить свои предпочтения. Таким образом, для удовлетворения спроса на защиту было бы по праву возможным и экономически вероятным то, что возникнут специализированные лица или агентства, которые будут предоставлять услуги защиты, страхования и арбитража добровольным клиентам за плату.

В то время как легко представить себе договорное происхождение системы конкурентных поставщиков защитных услуг, немыслимо, как владельцы частной собственности могли бы заключить договор, который давал бы право одному агенту принуждать кого-либо в пределах определенной территории обращаться исключительно к нему для защиты и судебного процесса, принимать касающиеся владельцев решения и запрещать любому другому агенту предлагать услуги защиты. Такой монопольный договор подразумевал бы, что каждый частный собственник навсегда отказался от своего права на окончательное принятие решений, а также защиту своей личности и имущества в пользу кого-то другого. Фактически, передавая это право кому-то другому, человек подчиняется постоянному рабству. Согласно либеральной доктрине, любой такой договор с самого начала недопустим (следовательно, недействителен), поскольку он противоречит прагматической основе всех договоров, т.е. частному владению самим собой. Никто не может по праву сделать свою личность и имущество беззащитными относительно действий другого лица. Точно так же немыслимо и представление о том, что кто-либо наделит своего монопольного защитника постоянным правом на

налогообложение. Никто не может и не будет заключать договор, который позволял бы защитнику в одностороннем порядке определять без согласия защищаемой стороны сумму, которую защищаемый должен заплатить за свою защиту.

Начиная с Локка, либералы пытались разрешить это внутреннее противоречие путем заключения «молчаливых», «неявных» или «концептуальных» соглашений, договоров или конституций. Тем не менее все эти характерно извилистые и запутанные попытки привели лишь к одному и тому же неизбежному выводу: правительство никак не может получить оправдание на основе явных договоров между владельцами частной собственности.

IV

Ошибочное принятие либерализмом института государственного управления как совместимого с основными либеральными принципами владения собой, первоначального присвоения, собственности и договора, следовательно, привело к его собственному разрушению.

Прежде всего, из первоначальной ошибки, связанной с моральным статусом правительства, следует, что либеральное решение вечной человеческой проблемы безопасности является противоречивым, праксиологически невозможным идеалом. Вопреки первоначальному либеральному намерению защитить свободу собственности, каждое минимальное правительство имеет присущую возможность стать максимальным правительством.

Как только принцип государственно-судебной монополии и права на налогообложение ошибочно принимается как справедливый, понятие об ограничении государственной власти и защите личной свободы и собственности становится иллюзорным. Как и ожидалось, под эгидой монополизма цена правосудия и защиты будет постоянно расти, а качество правосудия и защиты падать. Налоговое агентство по защите является противоречивым в терминах, поскольку оно является экспроприирующим защитником собственности, и это неизбежно приводит к увеличению

налогов и снижению уровня защиты. Даже если бы, как предложили либералы, правительство ограничивало свою деятельность исключительно защитой ранее существовавших прав частной собственности, возникает еще один вопрос о том, какой уровень защиты оно будет производить. Мотивированный (как и все остальные) личными интересами и пагубностью труда, но обладающий уникальной налоговой властью, правительственный агент всегда будет максимизировать расходы на защиту (и почти все богатство нации могут начать потребляться защитной сферой) и в то же время он может минимизировать производство защиты. Ему выгодно, если он может потратить больше денег меньше работая.

Более того, судебная монополия неизбежно приведет к неуклонному ухудшению качества защиты. Если никто не может обратиться за справедливостью, кроме как к правительству, справедливость будет извращена в пользу правительства, государственных учреждений и верховных судов. Государственные учреждения и верховные суды являются правительственными агентствами, и любые ограничения действий правительственного учреждения, которые они могут выдвигать, неизменно определяются агентами самого рассматриваемого учреждения. Как и ожидалось, определение собственности и защиты будет постоянно изменяться, а спектр сфер полномочий будет расширяться в пользу правительства.

Во-вторых, из ошибки определения морального статуса правительства следует, что традиционное предпочтение либералами местного правительства (децентрализованного и территориально малого) непоследовательно и противоречиво. Вопреки первоначальным либеральным намерениям, каждое правительство, включая местные органы власти, имеет присущую тенденцию к централизации и, в конечном итоге, шанс стать мировым правительством.

За ошибочным признанием, что для защиты и обеспечения мирного сотрудничества между двумя лицами А и В оправдано и необходимо иметь судебного монополиста Х, следует двойственный вывод. Если существует более одного территориального монополиста, Х,

Y и Z, то точно так же, как предположительно не может быть мира между A и B без X, так не может быть мира между монополистами X, Y и Z до тех пор, пока они остаются в «состоянии анархии» друг с другом. Следовательно, для того, чтобы выполнить либеральное стремление к всеобщему и вечному миру, вся политическая централизация и объединение, и в конечном итоге создание единого мирового правительства, является оправданной и необходимой.

Наконец, из ошибки признания правительства следует, что древняя идея универсальности прав человека и единства закона была запутана и под заголовком «равенства перед законом» превратилась в средство эгалитаризма. В отличие от антиэгалитарных или даже аристократических настроений старых либералов, как только идея универсальных прав человека объединилась с правительством, результатом стал эгалитаризм и разрушение этих прав.

Как только государство ошибочно признается справедливым, но наследственные принцы и короли исключаются как несовместимые с идеей универсальных прав человека, возникает вопрос о том, как привести правительство в соответствие с идеей универсальности и равенства прав человека. Либеральный ответ состоит в том, что нужно открыть участие и вхождение в правительство на равных условиях для всех посредством демократии. Каждый, а не только потомственный дворянин, может стать государственным чиновником и выполнять все государственные функции. Однако это демократическое равенство перед законом является чем-то совершенно иным и несовместимым с идеей единого универсального закона, одинаково применимого ко всем, везде и во все времена. Фактически, первоначальные нежелательные расколы и неравенство более высокого закона королей по сравнению с законом обычных субъектов полностью сохраняются при демократии и разделении публичного и частного права (путем превосходства первого над вторым). При демократии каждый является равным, поскольку вступление в правительство открыто для всех на равных условиях. В демократии нет личных привилегий или привилегированных лиц. Однако функциональные привилегии и привилегированные функции существуют. До тех пор, пока

государственные должностные лица занимают свой пост, они регулируются и защищаются публичным правом и, таким образом, занимают привилегированное положение по отношению к лицам, действующим под влиянием частного права (что наиболее важно, им разрешено поддерживать свою собственную деятельность путем налогообложения, налагаемого на субъекты частного права). Привилегии и правовая дискриминация не исчезают. Наоборот, вместо того, чтобы ограничиваться князьями и дворянами, привилегии, протекционизм и правовая дискриминация будут доступны для всех и могут осуществляться всеми.

Как ожидается, в демократических условиях тенденция каждой монополии к повышению цен и снижению качества будет только сильнее и более выраженной. Как наследственный монополист, король или принц считал территорию и людей, находящихся под его юрисдикцией, своей личной собственностью и занимался монопольной эксплуатацией своей «собственности». При демократии монополия и монополистическая эксплуатация не исчезают. Даже если всем разрешено войти в правительство, это устраняет границу между правителями и управляемыми. Правительство и управляемый не одно и то же лицо. Вместо принца, который рассматривает страну как свою частную собственность, теперь временный и взаимозаменяемый смотритель владеет монопольным контролем страной. Смотритель не владеет самой страной, но пока он находится на своем посту, ему разрешается использовать ее в своих интересах и в интересах своих ставленников. Ему принадлежит текущее пользование, но не основной капитал. И это не исключает эксплуатации. Наоборот, это сделает эксплуатацию менее расчетливой и становится более вероятно, что она будет осуществляться практически без учета основного капитала. Другими словами, эксплуатация будет недальновидной. Более того, при свободном вступлении и участии общественности в правительстве извращение справедливости будет происходить еще быстрее. Вместо защиты ранее существовавших прав частной собственности демократическое правительство станет машиной для непрерывного перераспределения ранее существовавших прав

собственности во имя иллюзорной «социальной безопасности», пока идея универсальных и неизменных прав человека не исчезнет и не будет заменена идеей права как позитивного государственного законодательства.

V

В свете этого можно найти ответ на вопрос о будущем либерализма.

Из-за своей фундаментальной ошибки в отношении морального статуса правительства либерализм фактически способствовал разрушению всего, что он изначально намеревался сохранить и защитить: свободы и собственности. Как только принцип государственного управления был неправильно принят, то, когда социализм превзойдет либерализм стало лишь вопросом времени. Нынешний неоконсервативный «конец истории» глобальной социальной демократии, навязанной США, является результатом двух веков либеральной путаницы. Таким образом, у либерализма в его нынешнем виде нет будущего. Скорее, его будущее – социал-демократия, а будущее уже наступило (и мы знаем, что оно не работает).

Как только предпосылка для существования правительства принята, либералы остаются без дальнейших аргументов, тогда как социалисты доводят эту предпосылку до ее логического конца. Если монополия справедлива, тогда централизация справедлива. Если налогообложение справедливо, то больше налогов также справедливо. И если демократическое равенство справедливо, то экспроприация у владельцев частной собственности также справедлива (а частная собственность – нет). Действительно, что либерал может сказать в пользу меньшего налогообложения и перераспределения? Если допустить, что налогообложение и монополия являются справедливыми, то у либерала не остается принципиальных моральных оснований для обоснования их малого размера. Снижение налогов не является моральным долгом. Скорее, этот случай можно решить исключительно экономически. Например, более низкие налоги принесут определенные долгосрочные экономические выгоды. Однако, по крайней мере, в краткосрочной перспективе и для

некоторых людей (нынешних получателей налогов) более низкие налоги также подразумевают экономические издержки. Без моральных аргументов в распоряжении, либерал остается только с инструментами анализа затрат и выгод, но любой такой анализ должен включать межличностное сравнение полезности, и такое сравнение невозможно (недопустимо с научной точки зрения). Следовательно, результат анализа затрат и выгод является произвольным, и каждое предложение, обоснованное ссылками на него, является просто мнением. В этой ситуации демократические социалисты кажутся более открытыми, стойкими и последовательными, в то время как либералы выглядят мечтательными, сбитыми с толку, беспринципными или даже оппортунистическими. Они принимают основное свойство нынешнего порядка – демократическое правительство, но затем постоянно сетуют на его антилиберальный результат.

Чтобы у либерализма было какое-то будущее, нужно исправить его фундаментальную ошибку. Либералам придется признать, что ни одно правительство не может быть оправдано договорной основой, что каждое правительство разрушительно в отношении того, что они хотят сохранить, и что защита и обеспечение безопасности могут быть справедливо и эффективно осуществлены системой конкурентоспособных поставщиков услуг безопасности. То есть, либерализм должен быть преобразован в теорию анархизма частной собственности (или общества частного права), как впервые изложил почти сто пятьдесят лет назад Гюстав де Молинали, и как в наше время тщательно продемонстрировал Мюррей Ротбард.

Такое теоретическое преобразование немедленно бы проявило двойной результат. С одной стороны, это привело бы к очищению современного либерального движения. Социал-демократы в либеральной одежде и многие высокопоставленные чиновники либерального правительства быстро отмежевались бы от этого нового либерального движения. С другой стороны, трансформация приведет к систематической радикализации либерального движения. Для тех участников движения, которые все еще придерживаются классического понятия универсальных прав человека и идеи о том, что права собственности на себя и свое имущество предшествуют всему правительству и законодательству,

переход от либерализма к анархизму частной собственности является лишь небольшим интеллектуальным шагом, особенно в свете очевидной неспособности демократического правительства предоставлять единственную услугу, которую предполагалось ему предоставлять (защиту). Анархизм частной собственности – это просто последовательный либерализм; либерализм, продуманный до своего окончательного завершения, или либерализм, восстановленный в своем первоначальном замысле. Однако этот небольшой теоретический шаг имеет важные практические последствия.

Сделав этот шаг, либералы откажутся от своей верности существующей системе, объявят демократическое правительство нелегитимным и восстановят свое право на самозащиту. Политически, с этим шагом они вернутся к самым истокам либерализма как революционного вероучения. Отрицая действительность всех наследственных привилегий, классические либералы оказались бы в принципиальной оппозиции всем установленным правительствам. Характерно, что величайший политический триумф либерализма – американская революция, был результатом сепаратистской войны. И в Декларации независимости, оправдывая действия американских колонистов, Джефферсон утверждал, что «правительства должны устанавливаться среди людей, получая свои справедливые полномочия с согласия управляемых», и должны обеспечить право на «жизнь, свободу и стремление к счастью»; и:

что всякий раз, когда какая-либо форма государства становится разрушительной для этих целей, народ имеет право изменить или отменить его и учредить новое правительство, основав его на таких принципах и организовав его полномочия в такой форме, в какой они бы положительно влияли на защиту и счастье.

Анархисты – сторонники частной собственности только подтвердили бы классическое либеральное право «свергнуть правительство и поставить новых защитников будущей безопасности».

Конечно, сам по себе обновленный радикализм либерального движения не будет иметь большого значения (хотя, как учит американская революция, радикализм вполне может быть популярен). Вместо этого, вдохновляющее видение фундаментальной альтернативы существующей системе, которая вытекает из этого нового радикализма, в конечном итоге сломает социал-демократическую машину. Вместо наднациональной политической интеграции, мирового правительства, конституций, судов, банков и денег, глобальной социальной демократии, универсального и повсеместного мультикультурализма анархо-либералы предлагают разложить национальное государство на его составные разнородные части. Как и их классические предки, новые либералы не стремятся захватить какое-либо правительство. Они игнорируют правительство. Они хотят, чтобы правительство оставило их в покое и покинуло юрисдикцию организации защиты. В отличие от своих предшественников, которые просто стремились заменить большее правительство меньшим, новые либералы преследуют логику полного отделения. Они предлагают неограниченное отделение, то есть неограниченное распространение независимых свободных территорий, пока диапазон юрисдикции государства, наконец, не исчезнет. С этой целью и в полном противоречии государственным проектам "Европейской интеграции" и "Нового мирового порядка" они продвигают видение мира из десятков тысяч свободных стран, регионов и кантонов, из сотен тысяч независимых свободных городов, таких как современные чудачки Монако, Андорра, Сан-Марино, Лихтенштейн, Гонконг (в недалеком прошлом) и Сингапур, а также еще более многочисленных свободных районов, экономически интегрированных посредством свободной торговли (чем меньше территория, тем больше экономическое давление при отказе от свободной торговли) и международного денежного стандарта на золото.

Если и когда это альтернативное либеральное видение станет заметным в общественном мнении, конец социал-демократического «Конца истории» приведет к либеральному возрождению.

12. О правительстве и частном производстве обороны

Народ имеет право изменить или отменить его и учредить новое правительство, основав его на таких принципах и организовав его полномочия в такой форме, в какой они бы положительно влияли на защиту и счастье. (Декларация независимости)

I

Среди самых популярных и важных убеждений нашего века находится вера в коллективную безопасность. Легитимность современного государства основывается именно на этом убеждении.

Я покажу, что идея коллективной безопасности – это миф, который не оправдывает современное положение дел, и что вся безопасность является и должна быть частной. Прежде всего, я представлю двухэтапную реконструкцию мифа о коллективной безопасности и на каждом этапе подниму несколько теоретических вопросов.

Миф о коллективной безопасности также можно назвать мифом Гоббса. Томас Гоббс и бесчисленные политические философы и экономисты после него утверждали, что в естественном состоянии люди будут постоянно находиться в агрессии друг к другу. Если говорить в современными словами, в естественном состоянии будет преобладать постоянное «недопроизводство» безопасности. Каждый человек, оставленный на свое усмотрение и средства, будет тратить «слишком мало» на свою собственную защиту, что приведет к постоянной межличностной войне. По мнению Гоббса и его последователей, решение этой предположительно невыносимой ситуации – создание государства. Чтобы наладить мирное сотрудничество между собой, два человека, А и В, нуждаются в третьей независимой стороне S в качестве окончательного судьи и миротворца. Тем не менее эта третья сторона, S, не просто еще один человек, а товар, предоставленный S, – это не только еще один «частный» товар. Скорее, S – это суверен, обладающий двумя уникальными способностями. С одной стороны, S может настаивать на том, чтобы его подданные, А и В, не искали защиты ни у кого, кроме него; то есть S является обязательным территориальным монополистом защиты. С другой

стороны, S может в одностороннем порядке определить, сколько A и B должны потратить на свою собственную безопасность; то есть S имеет право взимать налоги, чтобы обеспечить «коллективную безопасность»

Нет смысла придирается к тому, является ли человек таким же плохим и волкоподобным, как предполагает Гоббс, или нет, разве что следует отметить, что тезис Гоббса, очевидно, не может означать, что человек руководствуется только и исключительно агрессивными инстинктами. Если бы это было так, человечество давно бы вымерло. Факт в том, что человек не демонстрирует этого, и что он обладает разумом и способен сдерживать свои естественные побуждения. Придирается стоит только к решению Гоббса. Учитывая природу человека как разумного животного, улучшает ли данное решение его положение? Может ли институт государства уменьшить агрессивное поведение и способствовать мирному сотрудничеству и, таким образом, обеспечить лучшую частную безопасность и защиту? Неточности аргумента Гоббса очевидны. С одной стороны, независимо от того, насколько плохими являются люди, S, будь то король, диктатор или избранный президент, по-прежнему остается одним из них. Природа человека не трансформируется после того, как он становится S. Но как может улучшиться защита для A и B, если S должен обложить их налогом, чтобы обеспечить ее? Нет ли противоречия в самой конструкции S как экспроприирующего защитника собственности? На самом деле, разве он не относится к рэкетирам? Безусловно, S заключит мир между A и B, но только для того, чтобы он сам мог более выгодно ограбить их обоих. Конечно, S лучше защищен, и чем больше он защищен, тем меньше A и B защищены от атак S. Коллективная безопасность, похоже, не лучше личной безопасности. Скорее, это частная безопасность государства S, достигнутая путем экспроприации, то есть экономического разоружения его субъектов. Кроме того, эстатисты, от Томаса Гоббса до Джеймса Бьюкенена, утверждают, что защитное состояние S возникает в результате своего рода «конституционного» договора. Но кто в своем здравом уме согласился бы заключить договор, который позволял бы защитнику определять в одностороннем порядке и безвозвратно сумму,

которую защищаемый должен заплатить за свою защиту? Дело в том, что никто не заключил бы такой договор!

Позвольте мне прервать мою дискуссию и вернуться к реконструкции гоббсовского мифа. Если предположить, что для установления мирного сотрудничества между А и В необходимо иметь сторону S, то можно сделать двойной вывод. Если существует более одной стороны, S1, S2, S3, то точно так же, как предположительно не может быть мира между А и В без S, также не может быть мира между сторонами S1, S2 и S3, пока они остаются в естественном состоянии (то есть в состоянии анархии) по отношению друг к другу. Следовательно, для достижения всеобщего мира необходима политическая централизация, объединение и, в конечном итоге, создание единого мирового правительства.

Полезно будет определить то, что можно считать неоспоримым. Начнем с того, что аргумент верный настолько, насколько он продвинулся. Если предпосылка правильная, то изложенное следствие действительно верное. Кроме того, эмпирические предположения по поводу того, что описано Гоббсом, на первый взгляд подтверждаются фактами. Это правда, что государства постоянно воюют друг с другом, и историческая тенденция к политической централизации и глобальному государственному правлению действительно проявляется. Придирки возникают только при объяснении этого факта и тенденции, а также при признании единого мирового государства как улучшения в обеспечении частной безопасности и защиты. Кажется, есть эмпирическая аномалия, которую не может объяснить аргумент Гоббса. Согласно Гоббсу, причина вражды между различными сторонами S1, S2 и S3 заключается в том, что они находятся в состоянии анархии по отношению друг к другу. Однако до появления единого мирового государства не только S1, S2 и S3 находятся в состоянии анархии по отношению друг к другу, но фактически каждый субъект одного государства находится в состоянии анархии по отношению к каждому субъекту любого другого государства. Соответственно, между частными лицами разных государств должно быть столько же войн и агрессии, сколько между разными государствами. Эмпирически, однако, это не так. Частные отношения между иностранцами, по-видимому,

значительно менее воинственны, чем отношения между различными правительствами. И это не кажется удивительным. В конце концов, государственный агент S, в отличие от всех своих подданных, может полагаться на внутреннее налогообложение при ведении своих «иностранных дел». Учитывая его естественную человеческую агрессивность, разве не очевидно, что S будет более наглым и агрессивным в своем поведении по отношению к иностранцам, если он сможет перенести стоимость такого поведения с себя на своих подчиненных? Конечно, я был бы готов пойти на большой риск и участвовать в большей провокации и агрессии, если бы я мог заставить других заплатить за это. И, безусловно, возникает тенденция одного государства хотеть расширить свою территориальную монопольную защиту за счет других государств и, таким образом, прийти к мировому правительству как конечному результату межгосударственной конкуренции. Но как это улучшит положение обеспечения частной безопасности и защиты? Кажется, произойдет противоположное. Мировое государство является победителем всех войн и последним выжившим ракетиром. Разве это не делает его особенно опасным? Разве физическая сила какого-либо отдельного мирового правительства не будет подавляющей по сравнению с силой любого из его отдельных субъектов?

II

Позвольте мне остановиться в моих абстрактных теоретических соображениях, чтобы кратко взглянуть на эмпирические данные, относящиеся к данной проблеме. Как отмечалось в самом начале, миф о коллективной безопасности распространен так же, как и последствия. Я не знаю ни о каких опросах по этому вопросу, но я рискну предсказать, что миф Гоббса о необходимости государственной защиты более или менее безоговорочно принимается более чем 90 процентами взрослого населения. Однако верить во что-то не делает это верным. Скорее, если человек верит во что-то ложное, это приведет к катастрофе. Как насчет доказательств? Они поддерживают Гоббса и его последователей или подтверждают противоположные анархистские страхи и утверждения?

США были явно основаны как «защитное» государство по Гоббсу. Позвольте мне привести цитату по этому поводу из Декларации Джефферсона о независимости:

Мы считаем эти истины самоочевидными: все люди созданы равными; что Создатель наделил их неотъемлемыми правами; что среди этих прав есть жизнь, свобода и стремление к счастью, и, чтобы обеспечить эти права, среди людей учреждаются правительства, получающие свои справедливые полномочия с согласия управляемых.

Вот что у нас есть: правительство США было создано для выполнения одной и только одной задачи: защиты жизни и имущества. Таким образом, это должно послужить прекрасным примером для оценки обоснованности заявления Гоббса о статусе государств в качестве защитников. После более чем двух веков защитного этатизма, каков статус нашей защиты и мирного человеческого сотрудничества? Был ли американский эксперимент по защитному этатизму успешным?

Согласно заявлениям наших государственных правителей и их интеллектуальных телохранителей (которых сейчас больше, чем когда-либо прежде), мы защищены лучше, чем когда-либо. Мы предположительно защищены от глобального потепления и похолодания, от вымирания животных и растений, от злоупотреблений со стороны мужей и жен, родителей и работодателей, от бедности, болезней, бедствий, невежества, предрассудков, расизма, сексизма, гомофобии и многих других общественных врагов и опасностей. На самом деле, однако, все обстоит иначе. Чтобы обеспечить нам всю эту «защиту», государственные менеджеры из года в год экспроприируют более 40 процентов доходов частных производителей. Государственный долг и обязательства непрерывно увеличивались, что увеличивало потребность в будущих экспроприациях. Из-за замены золота на государственные бумажные деньги финансовая нестабильность резко возросла, и нас постоянно обкрадывают из-за обесценивания валюты. Каждая деталь частной жизни, собственности, торговли и контракта регулируется все более сильными

законами (законодательством), что создает постоянную правовую неопределенность и моральный риск. В частности, мы постепенно лишились права на исключение, подразумеваемого в самой концепции частной собственности. Как продавцы, мы не можем продавать, а как покупатели мы не можем покупать у того, кого пожелаем. И как членам ассоциаций нам не разрешается вступать в какую-либо ограничительную договоренность, которую мы считаем взаимовыгодной. Как американцы, мы должны принимать иммигрантов как своих соседей. Как учителя, мы не можем избавиться от плохого поведения студентов. Как работодатели, мы застряли с некомпетентными или разрушительными работниками. Как землевладельцы, мы вынуждены справляться с плохими арендаторами. Как банкирам и страховщикам, нам не разрешают избегать больших рисков. Как владельцы ресторанов или баров, мы должны принимать нежелательных клиентов. И как члены частных ассоциаций, мы вынуждены принимать людей и действия в нарушение наших собственных правил и ограничений. Короче говоря, чем больше государство увеличивало свои расходы на «социальную» и «общественную» безопасность, тем больше ущемлялись наши права на частную собственность, тем больше наша собственность была экспроприирована, конфискована, уничтожена или обесценена, и тем больше мы были лишены самой основы всей защиты: экономической независимости, финансовой мощи и личного богатства. Путь каждого президента и практически каждого члена Конгресса усеян сотнями тысяч безымянных жертв личного экономического краха, финансового банкротства, обнищания, отчаяния, трудностей и разочарования.

Картина кажется еще более мрачной, когда мы рассматриваем международные действия государств. В течение всей своей истории континентальные США почти не подвергались территориальному нападению со стороны какой-либо иностранной армии. (Перл-Харбор был результатом предыдущих провокаций США). Более того, США находится во владении правительства, объявившего войну против значительной части своего населения и принявшее участие в бессмысленном убийстве сотен тысяч своих граждан. Хотя отношения между американскими гражданами

и иностранцами не кажутся сильно спорными, почти с самого начала правительство США неустанно преследовало агрессивный экспансионизм. Начиная с испано-американской войны, достигнув пика в Первой и Второй мировых войнах, и продолжая до настоящего времени, правительство США запуталось в сотнях иностранных конфликтов и поднялось до уровня доминирующей мировой империалистической державы. Таким образом, почти каждый президент с начала этого столетия также несет ответственность за убийства и голод бесчисленных невинных иностранцев по всему миру. Короче говоря, в то время как мы стали более беспомощными, обнищавшими, находящимися под угрозой и неуверенными, правительство США стало еще более наглым и агрессивным. Во имя «национальной» безопасности, оно «защищает» нас, оснащенных огромными запасами оружия массового уничтожения, запугивая вечно новых «Гитлеров», больших или маленьких, и всех подозреваемых сторонников «Гитлеров» в любом месте за пределами страны.

Таким образом, эмпирическое доказательство кажется довольно ясным. Мы видим, что вера в государство как защитника – явная ошибка, а американский эксперимент по защитному этатизму – полный провал. Правительство США не защищает нас. Напротив, нет никакой большей опасности для нашей жизни, собственности и процветания, чем правительство США, и президента США в частности. США являются наиболее угрожающей и вооруженной опасностью в мире, способной уничтожить всех, кто ему противостоит, и уничтожить весь земной шар.

III

Этатисты реагируют так же, как социалисты, когда сталкиваются с мрачными экономическими показателями Советского Союза и его сателлитов. Они не отрицают неутешительные факты, но пытаются утверждать, что эти факты являются результатом систематического несоответствия (отклонения) между «реальным» и «идеальным» или «истинным» этатизмом (соответственно, социализмом). По сей день социалисты утверждают, что «настоящий» социализм не был опровергнут

эмпирическими фактами, и что все было бы хорошо, и было бы беспрецедентное процветание, если бы только у Троцкого или Бухарина был свой собственный бренд социализма, а Сталин не реализовал бы свой. Точно так же этатисты интерпретируют все кажущиеся доказательства как случайные. Если бы только какой-нибудь другой президент пришел к власти на том или ином повороте истории или если бы были приняты только те или иные конституционные изменения или поправки, все бы получилось прекрасно, и в результате возникли бы беспрецедентные случаи безопасности и мира. Они говорят, что это все еще может произойти в будущем, если продвигать именно их политику.

Мы узнали от Людвиг фон Мизеса, как реагировать на стратегию уклонения (иммунизации) социалистов. Пока остается определяющая характеристика социализма, т.е. отсутствие частной собственности на средства производства, то никакая реформа не может помочь. Идея социалистической экономики является противоречивой, и утверждение о том, что социализм представляет собой «более высокий» и более эффективный способ общественного производства, абсурдно. Чтобы эффективно и без потерь достигать своих целей в рамках экономики обмена, основанной на разделении труда, необходимо, чтобы кто-то занимался денежными расчетами (учетом затрат). Везде, за пределами системы примитивной самодостаточной экономики единого домохозяйства, денежный расчет является единственным инструментом рациональных и эффективных действий. Только сравнивая входные и выходные данные арифметически в терминах общего средства обмена (денег), человек может определить, успешны ли его действия или нет. В противоположность этому, социализм означает отсутствие экономики и экономии, потому что в этих условиях денежный расчет и учет затрат невозможен по определению. Если не существует частной собственности на средства производства, то нет цены на эти средства, поэтому невозможно определить, используются ли они экономно или нет. Соответственно, социализм – это не высший способ производства, а экономический хаос и регресс к примитивизму.

Как реагировать на стратегию уклонения этатистов объяснял Мюррей Ротбард. Но урок Ротбарда, простой и ясный и имеющий важные последствия, до сих пор остается гораздо малоизвестным и мало оцененным. Он пояснил, что до тех пор, пока остается определяющая характеристика государства – его существование, никакие реформы, будь то личные или конституционные, не принесут никакой пользы. Принимая во внимание принцип государственно-судебной монополии и право облагать налогом, любое представление об ограничении его власти и защите личной жизни и имущества иллюзорно. Под покровительством монополистов цена справедливости и защиты всегда возрастает, а ее качество – падает. Налоговое защитное агентство является терминологическим противоречием и приводит к увеличению налогов и снижению защиты. Даже если правительство ограничит свою деятельность исключительно защитой ранее существовавших прав собственности (как это должно делать каждое «защитное» государство), возникнет еще один вопрос о том, какой объем обеспечения защиты должен существовать. Мотивированный (как и все остальные) личным интересом и вредом труда, но обладающий уникальной способностью облагать налогом, ответ правительства на этот вопрос неизменно будет таким: максимально увеличить расходы на защиту (почти все богатство нации может быть потрачено на защиту) и в то же время минимизировать производство защиты. Кроме того, судебная монополия должна привести к ухудшению качества правосудия и защиты. Если можно обратиться только к правительству за справедливостью и защитой, то справедливость и защита будут извращены в пользу правительства, государственных учреждений и верховных судов. В конце концов, государственные учреждения и верховные суды являются агентами государства, и любые ограничения на действия правительственного учреждения определяются агентами самого рассматриваемого учреждения. Соответственно, определение собственности и защиты будет постоянно изменяться, а спектр сфер полномочий будет расширен в пользу правительства.

Из этого, как указал Ротбард, следует, что так же, как социализм не может быть реформирован, а должен быть отменен для достижения

процветания, так и институт государства не должен быть реформирован, а должен быть отменен для достижения справедливости и защиты. «Защитные услуги в свободном обществе (включая такие службы защиты личности и имущества, как полиция и суд)», – заключил Ротбард,

следовательно, должны были бы предоставляться людьми или фирмами, которые (а) получали бы свой доход добровольно, а не путем принуждения, и (б) не присваивали бы себе обязательную монополию полиции или судебной защиты, как это делает государство. ... Защитные фирмы должны были бы быть такими же свободно конкурентными и не принуждаемыми, как и все другие поставщики товаров и услуг на свободном рынке. Оборонные услуги, как и все другие услуги, будут продаваться и только продаваться.

То есть каждый владелец частной собственности сможет воспользоваться преимуществами разделения труда и добиваться лучшей защиты своей собственности, чем та, которая обеспечивается посредством самообороны, путем сотрудничества с другими собственниками и их собственностью. Любой может купить, продать или заключить договор с кем-либо еще о защитных о судебных услугах, и в любое время можно в одностороннем порядке прекратить любое такое сотрудничество с другими и прибегнуть к самостоятельной защите и изменить свои защитные способы.

IV

Реконструировав миф о коллективной безопасности (миф о государстве) и раскритиковав его по теоретическим и эмпирическим соображениям, я теперь должен взять на себя задачу построения позитивного аргумента в пользу частной безопасности и защиты. Чтобы развеять миф о коллективной безопасности, недостаточно просто понять ошибку, связанную с идеей защитного государства. Столь же важно получить четкое представление о том, как эффективно будет работать неэтатистская альтернатива государственной безопасности. Ротбард, опираясь на новаторский анализ французско-бельгийского экономиста

Густава де Молилари, дал нам набросок работы системы защиты на свободном рынке. Кроме того, мы в долгу перед Моррисом и Линдой Таннехилл за их блестящее понимание и анализ этой сферы. Следуя их указаниям, я продолжу свой анализ и дам более полное представление об альтернативной неэтичной системе производства безопасности и ее способности обрабатывать атаки не только отдельных лиц или банд, но, в частности, и государств.

Широко распространено признание среди либералов и либертарианцев, таких как Молилари, Ротбард и Тэннхиллс, а также большинства других исследователей этого вопроса, того, что защита является формой страхования, а расходы на оборону представляют собой своего рода страховую выплату (цену). Соответственно, как подчеркивали, в частности, Ротбард и Тэннхиллс, в рамках сложной современной экономики, основанной на мировом разделении труда, наиболее вероятными кандидатами на предоставление услуг по защите являются страховые агентства. Чем лучше защита застрахованного имущества, тем меньше требований о возмещении ущерба и, следовательно, меньше расходы страховщика. Таким образом, обеспечение эффективной защиты, по-видимому, отвечает собственным финансовым интересам каждого страховщика. Действительно, несмотря на то, что государство ограничивает и затрудняет деятельность этой сферы, даже сейчас страховые агентства предоставляют широкий спектр услуг по защите и компенсации потерпевшим частным лицам. Также очевидно, что любой, кто предлагает услуги защиты, должен казаться способным выполнить свои обещания, чтобы найти клиентов. То есть он должен обладать экономическими средствами (рабочей силой, а также физическими ресурсами) необходимыми для выполнения задачи борьбы с реальными или потенциальными опасностями реального мира. По этому показателю страховые агентства тоже являются идеальными кандидатами. Они действуют в общенациональном и даже международном масштабе, и им принадлежат крупные имущественные владения, разбросанные по широким территориям и за пределами отдельных государственных границ. Соответственно, они проявляют личную заинтересованность в

эффективной защите и являются «большими» и экономически влиятельными. Кроме того, все страховые компании связаны через сеть договорных соглашений о взаимопомощи и арбитраже, а также через систему международных перестраховочных агентств, представляющих объединенную экономическую силу, которая превосходит власть большинства существующих правительств.

Позвольте мне дополнительно проанализировать и систематически прояснить это предположение: защита является «страховкой» и может предоставляться страховыми агентствами. Для достижения этой цели необходимо решить две проблемы. Во-первых, невозможно застраховаться от любого риска жизни. Я не могу застраховать себя, например, от самоубийства или от поджога собственного дома, от того, что я стал безработным, от нежелания вставать утром с постели, или не испытывая существенных потерь, потому что в каждом случае я полностью или частично контролирую вероятность соответствующего исхода. Подобные риски должны учитываться индивидуально. Никто, кроме меня, не может иметь с ними дело. Следовательно, первый вопрос должен заключаться в том, что делает защиту страховым риском? В конце концов, как мы только что увидели, это не самоочевидно. На самом деле, не каждый ли имеет значительный контроль над вероятностью нападения на его личность и имущество? Разве, например, я не контролирую ситуацию, если подвергаюсь нападению провоцируя кого-то, и не является ли защита нестраховым риском, таким, как самоубийство или безработица, за который каждый человек должен нести исключительно собственную ответственность?

Ответ является одновременно и да, и нет. Да, поскольку никто не может предложить безусловную защиту, то есть страховку от любого вторжения. Безусловная защита может быть обеспечена, если она вообще существует, каждым человеком самостоятельно для себя. Но и нет, поскольку речь идет об условной защите. Только нападения и вторжения, спровоцированные жертвой, не могут быть застрахованы. Тем не менее неспровоцированные и, следовательно, «случайные» атаки могут быть страховыми случаями. Таким образом, защита становится страховым

средством, только если страховой агент ограничивает действия застрахованного лица договором, чтобы исключить все возможные «провокации». Различные страховые компании могут различаться в отношении конкретного определения провокации, но между страховщиками не может быть различий в отношении принципа, согласно которому каждый должен систематически исключать (запрещать) все провокационные и агрессивные действия среди своих клиентов.

Каким бы элементарным ни показалось это первое понимание защитно-неагрессивного и непровокативного характера страховой защиты, оно имеет фундаментальное значение. С одной стороны, оно означает, что любой известный агрессор и провокатор не сможет найти страховщика и, следовательно, будет экономически изолированным, слабым и уязвимым. С другой стороны, это подразумевает, что любой, желающий получить больше защиты, чем та, которая обеспечивается самообороной, может сделать это только в том случае, если он подчиняется указанным нормам неагрессивного, цивилизованного поведения. Кроме того, чем больше число застрахованных людей (и в современной экономике обмена большинство людей хотят больше, чем просто самооборона для своей защиты), тем больше будет экономическое давление на оставшихся незастрахованных, и им придется принять те же стандарты неагрессивного поведения. Более того, в результате конкуренции между страховщиками за добровольную оплату клиентов возникнет тенденция к снижению цен услуг на стоимость застрахованного имущества.

В то же время система конкурирующих страховщиков будет оказывать двойное влияние на развитие права и, таким образом, будет способствовать дальнейшему сокращению конфликтов. С одной стороны, система позволит систематически увеличивать изменчивость и гибкость законодательства. Вместо того чтобы навязывать всем единообразный набор стандартов (как в этатистских условиях), страховые агентства могут и будут конкурировать друг с другом не только по цене, но, в частности, также за счет дифференциации и развития продуктов. Страховщики могут и будут отличаться друг от друга в отношении кодекса поведения, ожидаемого от их клиентов, в отношении правил доказывания того, что

произошедшее подпадает под страховую случай и/или в отношении вида и размера вознаграждений и наказаний. Могут и будут существовать бок о бок, например, католические страховщики, применяющие церковный закон, еврейские страховщики, применяющие закон Моисея, мусульмане, применяющие исламский закон, и неверующие, применяющие светский закон того или иного варианта, и все они поддерживаются за счет добровольно платящей клиентуры. Потребители могут и будут выбирать, а иногда и изменять, закон, применяемый к ним и их собственности. То есть никто не будет вынужден жить по «иностранным» законам; и, следовательно, известные источники конфликтов будут устранены.

С другой стороны, система страховщиков, предлагающих конкурирующие кодексы законов, будет способствовать тенденции к объединению законов. «Внутренний» католический, еврейский, римский, германский и т.д. закон будет применяться и иметь обязательную силу только для лиц и имущества застрахованных одним и тем же страховщиком в соответствии с тем же законом. Например, католический закон будет применяться только к католикам, и он касается исключительно внутрикатолических конфликтов и их разрешения. Тем не менее католик также может желать быть защищенным от подписчиков других кодексов, например, мусульман. Из этого не возникнет никаких трудностей, если католическое и исламское право придет к одному или аналогичному выводу в отношении рассматриваемого дела и соперников. Но если конкурирующие правовые кодексы приходят к совершенно разным выводам (в силу того факта, что они представляют разные правовые кодексы), может возникнуть проблема. Застрахованный хотел бы быть защищенным от непредвиденных ситуаций конфликтов вне своих групп, но «внутреннее» (внутригрупповое) законодательство может и не помочь из-за того, что два отдельных кодекса законов будут задействованы, и они придут к разным выводам. В такой ситуации нельзя ожидать, что один страховщик и подписчики его кодекса, скажем католики, просто подчинятся другому страховщику и его закону, скажем, мусульманам. Скорее, каждый страховщик, будь то католик или мусульманин, должен внести свой вклад в развитие межгруппового права, то есть права,

применимого в случаях разногласия между конкурирующими страховщиками и кодексами законов. И поскольку положения межгруппового закона, которые страховщик предлагает своим клиентам, могут показаться заслуживающими доверия, и, следовательно, быть хорошими, только в том случае, если такие же положения были приняты другими страховщиками (и чем большим количеством их, тем лучше), конкуренция будет способствовать развитию и совершенствованию совокупности правовых норм, которые включают в себя самый широкий межгрупповой, межкультурный и т. д. юридически-моральный консенсус и соглашение. Таким образом возникнет основной свод правил среди различных конкурирующих правовых кодексов.

Более конкретно, поскольку конкурирующие страховщики и кодексы законов могут и будут не соглашаться относительно существа, по крайней мере, некоторых дел, рассматриваемых совместно, каждый страховщик будет вынужден представлять себя и своих клиентов в арбитраже, предоставляемом третьей стороной. Однако эта третья сторона должна быть не только независима от двух несогласных сторон, она еще и должна быть общим выбором обеих сторон. И как объекты единодушного выбора, арбитры будут представлять или даже олицетворять «консенсус» и «согласие». Они будут согласованы из-за их общепризнанной способности находить и формулировать взаимоприемлемые, то есть «справедливые» решения в случаях межгрупповых разногласий. Более того, если арбитр не справился с этой задачей и пришел к выводам, которые один из страховщиков или его клиентов считает «несправедливыми» или «необъективными», это лицо вряд ли будет снова выбрано в качестве арбитра в будущем.

Следовательно, договоры о защите возникнут как первый фундаментальный результат конкуренции между страховщиками за добровольно платящую клиентуру. Страховщики (в отличие от государств) будут предлагать своим клиентам контракты с четко определенными описаниями услуг, а также четко определенными обязанностями и обязательствами. Аналогичным образом, отношения между страховщиками и арбитрами будут определяться и регулироваться

договором. Каждая сторона договора в течение срока действия будет связана своими условиями; и любое изменение условий договора потребует единодушного согласия всех заинтересованных сторон. То есть в условиях конкуренции (в отличие от этатистских условий) никакое «законодательство» не может существовать. Ни один страховщик не может достичь успеха (как это может сделать государство) с обещанием защиты своих клиентов, не сообщая им, как или по какой цене он будет их защищать, и настаивая на том, что он может, если он того пожелает, в одностороннем порядке изменить условия защиты (контракт). Страховые клиенты будут требовать чего-то лучше этого, а страховщики будут соблюдать и поставлять контракты и постоянный закон вместо обещаний и изменений в законодательстве. Кроме того, в результате постоянного сотрудничества различных страховщиков и арбитров будет наблюдаться тенденция к унификации имущественного и договорного права и гармонизация правил процедур доказывания и разрешения конфликтов (включая такие вопросы, как ответственность, правонарушение, компенсация и наказание). Покупкой страховой защиты каждый может быть вовлечен в глобальную конкуренцию защитных организаций, стремящихся уменьшить конфликты и повысить безопасность. Более того, каждый отдельный случай конфликта и ущерба, независимо от того, где и против кого, попадает под юрисдикцию одного или нескольких конкретных страховых агентств и будет рассматриваться либо в рамках «внутреннего» законодательства отдельного страховщика, либо в соответствии с положениями «международного» права, и к нему применяются процедуры, заранее согласованные группой страховщиков, что обеспечивает полную безупречную правовую стабильность и определенность.

V

Теперь второй вопрос должен быть решен. Даже если защита предоставляется в виде страховки, стоит учесть, что существуют совершенно разные формы страхования. Давайте рассмотрим только два характерных примера: страхование от стихийных бедствий, таких как землетрясения, наводнения, ураганы, и страхование от несчастных случаев

на производстве. Первый может служить примером группового или взаимного страхования. Некоторые территории более подвержены стихийным бедствиям, чем другие; соответственно, спрос и стоимость страхования в одних областях будет выше, чем в других. Однако каждая территория в определенных границах рассматривается страховщиком однородной в отношении соответствующего риска. Страховщик предположительно знает частоту и масштаб рассматриваемых событий для региона в целом, но он ничего не знает об особых рисках какого-либо конкретного места на этой территории. В этом случае каждое застрахованное лицо будет платить одинаково за страховку, и выплаты, собранные за определенный период времени, предположительно будут достаточными для покрытия всех требований о возмещении ущерба за тот же период времени (в противном случае страховая отрасль будет нести убытки). Таким образом, отдельные индивидуальные риски объединяются и застраховываются взаимно.

Напротив, производственное страхование может служить примером индивидуального страхования. В отличие от стихийных бедствий страховой риск является результатом действий человека, то есть производственных процессов. Каждый производственный процесс находится под контролем отдельного производителя. Ни один производитель не намерен потерпеть неудачу или столкнуться с катастрофой, поэтому только случайные непреднамеренные ситуации могут быть застрахованы. Тем не менее даже если производство в значительной степени успешно контролируется, каждый производитель и технология производства подвержены случайным неудачам и несчастным случаям. Но поскольку это результат отдельных производственных процессов и технологий производства, риск несчастных случаев на производстве существенно отличается в случае разных производителей и производственных процессов. Соответственно, эти риски не могут быть объединены в одно целое, и каждый производитель должен быть застрахован индивидуально. В этом случае страховщик должен будет знать частоту сомнительных событий, но он не может знать вероятность событий в какой-либо конкретный момент времени, он лишь знает, что все время

используются один и тот же производственный процесс и технология производства. Нельзя предположить, что собранные выплаты будут достаточными для покрытия всех требований о возмещении ущерба, возникших в течение конкретного периода. Скорее, прибыльная презумпция состоит в том, что все выплаты, собранные за многие периоды, будут достаточными для покрытия всех требований в течение одного и того же периода времени. Следовательно, в этом случае страховщик должен иметь резервы капитала для выполнения своих договорных обязательств, и при расчете выплат он должен учитывать текущую стоимость этих резервов.

Собственно, возникает сам вопрос: какой вид страхования может защитить от агрессии и вторжения со стороны других лиц? Может ли оно быть предусмотрено как групповое страхование, как от стихийных бедствий, или оно должно предлагаться в форме индивидуального страхования, как при несчастных случаях на производстве?

Обратите внимание на то, что обе формы страхования представляют только две возможные крайности, и что положение любого конкретного риска не является окончательно фиксированным. Например, благодаря научно-техническому прогрессу в области метеорологии, геологии и инженерии риски, которые раньше считались однородными (взаимно застраховываемыми), могут становиться все более и более неоднородными. Эта тенденция особо заметна в области медицинского страхования. С достижениями генетики и геной инженерии медицинские риски, ранее считавшиеся однородными (неспецифичными) в отношении большого числа людей, становятся все более специфичными и неоднородными.

Имея это в виду, можно ли сказать что-то конкретное о защитном страховании в частности? Думаю, что можно. В конце концов, в то время как все виды страхования требуют, чтобы риск был случайным с точки зрения страховщика и застрахованного, случай агрессивного вторжения явно отличается от случая стихийных или промышленных бедствий. Принимая во внимание, что стихийные бедствия и несчастные случаи на

производстве являются результатом действия природных сил и действия законов природы, агрессия является результатом действий человека; и в то время как природа «слепа» и не проводит различий между людьми, агрессор может различать и преднамеренно нацеливаться на конкретных жертв и выбирать время своей атаки.

VI

Позвольте мне сначала сравнить защитную страховку и страховку от стихийных бедствий. Между ними часто проводят аналогию. Аналогия состоит в том, что точно так же, как каждому человеку в определенных географических регионах угрожает одинаковый риск землетрясений, наводнений или ураганов, так же каждому жителю на территории США или Германии, например, приходится сталкиваться с одинаковым риском стать жертвой иностранного нападения. Несмотря на некоторое поверхностное сходство, к которому я скоро приду, легко заметить два фундаментальных недостатка в аналогии. С одной стороны, границы районов землетрясения, наводнения или урагана устанавливаются в соответствии с объективными физическими критериями и, следовательно, могут называться «естественными». Напротив, политические границы являются «искусственными» границами. Границы США менялись на протяжении всего девятнадцатого века, а Германия не существовала как таковая до 1871 года и состояла из тридцати восьми отдельных стран.

Есть и второй очевидный вывод. Природа слепа в своем разрушении. Она не делает различий между более или менее ценными территориями и объектами, а «атакует» без разбора. В отличие от этого, агрессор-захватчик может делать и делает различие. Он не атакует и не вторгается в бесполезные места, такие как пустыня Сахара, но нацеливается на места, которые ценны. При прочих равных условиях, чем ценнее местоположение, тем больше вероятность того, что оно станет целью вторжения.

Это поднимает следующий важный вопрос. Если политические границы являются произвольными, а атаки никогда не являются неизбирательными, а направлены конкретно на ценные места и объекты,

существуют ли какие-либо не произвольные границы, разделяющие различные зоны по уровню угрозы безопасности? Да, существуют. Такие не произвольные границы являются частной собственностью. Частная собственность является результатом присвоения и/или производства конкретных физических объектов. Каждый присваиватель-производитель (владелец) своими действиями демонстрирует, что он считает присвоенные и произведенные вещи ценными, иначе он бы не присвоил или не произвел их. Границы собственности каждого являются объективными и интерсубъективно устанавливаемыми. Они просто определяются размером вещей, присвоенных и/или произведенных каким-либо конкретным человеком. И границы суммы всех ценных расположений и вещей совпадают с границами всего имущества. В любой момент времени каждое ценное расположение и вещь принадлежат кому-то; только бесполезные расположения и вещи никому не принадлежат.

В окружении других людей каждый присваиватель и производитель может стать объектом нападения или вторжения. Каждая собственность ценна, следовательно, каждый владелец собственности становится возможной целью агрессивных желаний других людей. Выбор местоположения и формы имущества владельцами, помимо множества других соображений, также будет зависеть от соображений безопасности. При прочих равных условиях, все предпочтут более безопасные расположения и формы собственности, чем те расположения и формы, которые менее безопасны. Тем не менее независимо от того, где находится владелец и его имущество, и независимо от его физической формы, каждый владелец в силу того, что он не отказывается от своего имущества даже в связи с потенциальной агрессией, демонстрирует свою личную готовность защищать это имущество.

Однако, если границы частной собственности являются единственными не произвольными границами, которые систематически связаны с риском агрессии, то из этого следует, что существует столько разных зон безопасности, сколько существует отдельно принадлежащих владений, и что эти зоны не превышают размер этих владений. Таким образом, страхование имущества от агрессии может показаться примером

индивидуальной, а не групповой (взаимной) защиты даже в большей степени, чем случаи промышленных аварий.

Стоит принять во внимание, что риск несчастного случая в отдельном производственном процессе, как правило, не зависит от его местоположения, если процесс воспроизводится одним и тем же производителем в разных местах, вероятность риска остается неизменной. В отличие от этого, риск агрессии в сторону частной собственности отличается в разных местоположениях. Будучи частным образом присвоенными и произведенными, блага всегда отличаются между собой. Каждое имущество находится в разном месте и находится под контролем разных людей, и каждое расположение сталкивается с уникальной угрозой безопасности. На безопасность вполне могут влиять случай, например, когда я нахожусь в сельской местности или в городе, на холме или в долине, недалеко или далеко от реки, океана, гавани, железной дороги или улицы. И даже близко расположенные места не сталкиваются с одинаковым риском агрессии. Он может отличаться, если я живу выше или ниже на горе, чем мой сосед, выше по течению или ниже, ближе или дальше от океана или просто северней, южней, западней или восточней от него. Более того, каждый объект, где бы он ни находился, может быть изменен и преобразован его владельцем таким образом, чтобы повысится его безопасность и снизится вероятность агрессии. Например, я могу приобрести пистолет или сейф, или я смогу сбить атакующий самолет со своего заднего двора или занять лазерную пушку, которая может убить агрессора за тысячи миль. Таким образом, ни разные местоположения, ни разная собственность не похожи один на одного. Каждый владелец должен быть застрахован индивидуально, и каждый страховщик должен иметь достаточные резервы капитала.

VII

Аналогия, обычно проводимая между страхованием от стихийных бедствий и от внешней агрессии, в корне ошибочна. Как агрессия никогда не бывает беспорядочной, так и защита не должна быть такой. У каждого человека есть разные места и вещи, которые нужно

защищать, и ни у кого нет такой же угрозы безопасности, как у кого-то еще, все же аналогия содержит часть правды. Любое сходство между стихийными бедствиями и внешней агрессией обусловлено не природой агрессии и обороны, а скорее специфической природой агрессии и обороны государства (межгосударственной войны). Как объяснялось выше, государство – это агентство, которое осуществляет обязательную территориальную монополию на защиту и право взимать налоги, и любое такое агентство будет сравнительно более агрессивным, поскольку оно может перенести издержки такого поведения на свои субъекты. Однако существование государства не только увеличивает частоту агрессии; это меняет ее характер. Существование государств, а особенно демократических государств, подразумевает, что агрессия и оборонительная война будут иметь тенденцию превращаться в тотальную неразборчивую войну.

Рассмотрим на мгновение полностью безгосударственный мир. В то время как большинство владельцев недвижимости будут индивидуально застрахованы крупными, часто интернациональными страховыми компаниями, наделенными огромными резервами капитала, агрессоры останутся без страховки. В этой ситуации каждый агрессор или группа агрессоров решили бы ограничиться незастрахованным имуществом и избежать всего «косвенного ущерба», поскольку в противном случае они столкнулись бы с одним или множеством экономически сильных профессиональных оборонных агентств. Точно так же все оборонительное насилие будет крайне выборочным и целенаправленным. Все агрессоры будут отдельными лицами или группами, расположенными в определенных местах и оснащенные конкретными ресурсами. В ответ нападению на своих клиентов страховые агентства будут нацеливаться на конкретные места и ресурсы ради возмещения ущерба, и они будут избегать любого сопутствующего ущерба, поскольку в противном случае они сами станут нарушителями и будут вынуждены отвечать перед другими страховщиками.

Все это в корне меняется в государственном мире с межгосударственными войнами. Если одно государство, США, нападает на

другое, например, на Ирак, это не просто нападение ограниченного числа людей, оснащенных ограниченными ресурсами и расположенных в четко определяемом месте. Скорее, это атака всех американцев со всеми их ресурсами. Каждый американец предположительно платит налоги правительству США и, таким образом, де-факто, независимо от того, хочет он этого или нет, замешан в любой агрессии правительства. Следовательно, хоть и очевидно, что каждый американец сталкивается с неодинаковым риском подвергнуться нападению со стороны Ирака, каждый американец становится равным по отношению к его собственному добровольному, если даже не активному, участию в каждой из агрессий его правительства.

Во-вторых, так же, как нападающий – это государство, так и атакованный Ирак тоже государство. Как и американские коллеги, иракское правительство имеет право облагать налогом свое население или призывать его в свои вооруженные силы. Как налогоплательщик или призывник, каждый иракец вовлечен в защиту своего правительства так же, как каждый американец втянут в агрессию своего правительства. Таким образом, война становится войной всех американцев против всех иракцев, то есть тотальной войной. Стратегия как атакующего, так и защитника будет изменена соответственно. Хоть и в этом случае злоумышленник все еще должен быть избирательным в отношении целей своей атаки, так как даже налоговые органы могут войти в дефицит, у агрессора практически нет стимулов избегать или минимизировать косвенный ущерб. Напротив, поскольку все население и национальное богатство вовлечены в войну, побочный ущерб, будь то жизни или собственность, даже желателен. Нет четкого различия между сражающимися и несражающимися. Каждый является врагом, и любое имущество оказывает поддержку атакованному правительству. Следовательно, каждый и все становятся объектом нападения. Аналогичным образом, государство-защитник будет мало обеспокоено побочным ущербом, нанесенным его собственным ответным ударом против злоумышленника. Каждый гражданин государства-нападающего и все его имущество являются собственностью врага и, таким образом, становятся возможной целью возмездия. Более того, каждое государство в соответствии с этим характером межгосударственной войны

будет разрабатывать и применять больше оружия массового уничтожения, такого как атомные бомбы, а не высокоточного оружия большой дальности, такого, как можно себе представить, лазерная пушка.

Таким образом, сходство между войной и природными катастрофами с их, казалось бы, неизбежным разрушением и опустошением – это исключительно черта этатистского мира.

VIII

Это приводит к последней проблеме. Мы видели, что так же, как все имущество является частным, так и вся защита должна быть застрахована индивидуально капитализированными страховыми агентствами, образом, подобным страхованию от несчастных случаев на производстве. Мы также видели, что обе формы страхования отличаются в одном фундаментальном отношении. В случае защитного страхования конкретное местонахождение застрахованного имущества имеет значение. Стоимость страховки будет отличаться в разных местах. Кроме того, агрессоры могут передвигаться, их арсенал оружия может измениться, и характер агрессии может измениться с присутствием государств. Таким образом, даже с учетом первоначального местоположения имущества, стоимость страховки может меняться в зависимости от изменений в социальной среде или окружении этого места. Как система конкурентных страховых агентств будет действовать в этом случае? В частности, как на это будет влиять существование государств и государственной агрессией?

Отвечая на эти вопросы, необходимо вспомнить некоторые элементарные экономические соображения. При прочих равных условиях владельцы частной собственности в целом и владельцы бизнеса в частности предпочитают места с низкими затратами на охрану (страховые взносы) и растущими ценами на недвижимость, а не с высокими затратами на защиту и падающими ценами. Следовательно, существует тенденция к миграции людей и товаров из районов с высоким риском и падением цен на собственность в зоны низкого риска и увеличения ценности имущества. Кроме того, стоимость защиты и стоимость имущества напрямую связаны. При прочих равных условиях более высокие затраты на защиту (при

большом риске атаки) предполагают более низкие или падающие цены на собственность, а более низкие затраты на защиту подразумевают более высокие или увеличивающиеся цены. Эти законы и тенденции формируют работу конкурентной системы страховых агентств.

В то время как финансируемый налогами монополист будет проявлять тенденцию к повышению стоимости защиты, частные страховые агентства будут стремиться снизить стоимость. Кроме того, страховые агентства больше, чем кто-либо еще, заинтересованы в повышении стоимости имущества, поскольку это подразумевает не только то, что их собственные имущественные активы ценят, но и то, что у них будет страховаться больше имущества других людей. Напротив, если риск агрессии увеличивается, стоимость застрахованного имущества падает, в то время как стоимости защиты и стоимости страхования возрастают, что подразумевает плохие условия ведения бизнеса для страховщика. Следовательно, страховые компании будут находиться под постоянным экономическим давлением, и будут вынуждены продвигать первое благоприятное и предотвращать второе неблагоприятное состояние.

Эта стимулирующая среда оказывает фундаментальное влияние на деятельность страховщиков. Во-первых, что касается более простого случая защиты от обычных преступлений и преступников, система конкурентоспособных страховщиков приведет к кардинальному изменению нынешней криминальной политики. Чтобы понять масштабы этих изменений, полезно сначала взглянуть на нынешнюю статистику в области преступности. В то время как государственные агенты заинтересованы в борьбе с обычными частными преступлениями (только для того, чтобы оставалось больше имущества для налогообложения), в качестве финансируемых налогом агентов они практически не заинтересованы в том, чтобы быть особенно эффективными в деле предотвращения преступлений или выплаты компенсации своим жертвам, задержании и наказании виновных. Кроме того, в демократических условиях ситуация будет ухудшаться за счет того, что во власть может прийти кто угодно, агрессор или неагрессор, человек из района с низким уровнем преступности, и человек из района с высоким уровнем

преступности, из-за этого их интересы будут пересекаться, а уровень преступности будет лишь расти. Соответственно, преступность и спрос на частные охранные услуги всех видов в настоящее время находятся на рекордно высоком уровне. Еще более возмутительно, вместо того, чтобы компенсировать ущерб жертвам преступлений, которые оно не предотвратило (как должно было быть), правительство вынуждает жертв в качестве налогоплательщиков оплачивать расходы на задержание, заключение в тюрьму, реабилитацию и/или содержание своих агрессоров. И вместо того, чтобы требовать более высоких цен на защиту в местах с высоким уровнем преступности и более низких в местах с низким уровнем преступности, как страховщики, правительство делает прямо противоположное. Он облагает налогом больше в областях с низким уровнем преступности и с высокой стоимостью имущества, чем в районах с высоким уровнем преступности и с низкой стоимостью имущества, или даже субсидирует жителей последних мест (трущоб) за счет тех, которые проживают в первых местах, разрушая социальные условия, неблагоприятные для преступлений, способствуя тем самым росту преступности в ранее благополучных местах.

На фоне этого работа конкурентоспособных страховщиков показывает поразительный контраст. С одной стороны, если страховщик не может предотвратить преступление, он должен возместить ущерб потерпевшему. Таким образом, прежде всего страховщики хотели бы быть эффективными в предупреждении преступности. Если бы они по-прежнему не могли этому помешать, они хотели бы быть эффективными в выявлении, задержании и наказании преступников, поскольку при обнаружении и аресте правонарушителя страховщик может принуждать преступника оплатить ущерб и стоимость компенсации.

Точнее говоря, точно так же, как страховые компании в настоящее время ведут и постоянно обновляют подробный локальный перечень собственности, они будут также поддерживать и постоянно обновлять подробный локальный перечень преступлений и преступников. При прочих равных условиях риск агрессии по отношению к любой частной собственности растет с увеличением близости, количества и ресурсов

потенциальных агрессоров. Таким образом, страховщики были бы заинтересованы в сборе информации о фактических преступлениях и известных преступниках, а также их местонахождении, и было бы в их общих интересах минимизировать материальный ущерб делясь этой информацией друг с другом (так, как банки теперь обмениваются информацией о неблагополучных кредитополучателях друг с другом). Кроме того, страховщики также будут особенно заинтересованы в сборе информации о потенциальных (еще не совершенных и не известных) преступлениях и агрессорах, и это приведет к коренному пересмотру и совершенствованию статистики текущих статистических преступлений. Чтобы предсказать будущие преступления и таким образом рассчитать его стоимость, страховщики будут соотносить частоту, описание и характер преступлений и преступников с социальной средой, в которой они совершаются. И всегда под давлением конкуренции они будут разрабатывать и постоянно совершенствовать сложную систему показателей демографической и социологической преступности. То есть будет описан каждый район и оценен его риск с точки зрения множества показателей преступности, таких как состав полов его жителей, возрастных групп, рас, национальностей, этнических групп, религий, языков, профессий и доходов.

Следовательно, и в отличие от нынешней ситуации, все межрегиональные, региональные, расовые, национальные, этнические, религиозные и языковые перераспределения доходов и материальных ценностей исчезнут, и постоянный источник социальных конфликтов будет удален навсегда. Вместо этого структура возникающих цен будет, как правило, точно отражать риск каждого местоположения и его специфического социального окружения, так что каждый будет оплачивать защиту в том объеме, соответствующем рискам конкретного местоположения без какой-либо связи с другими местами. Что еще более важно, на основе постоянно обновляющейся и уточняемой статистики преступности и имущественных ценностей, и роста миграционной тенденции в сторону благоприятных районов, система свободно

конкурирующих страховых организаций будет стимулировать процесс цивилизации.

Правительства, а особенно демократические правительства, разрушают «хорошие» и стимулируют «плохие» районы посредством своей налоговой и перераспределительной политики. Вся ситуация ухудшается еще сильнее благодаря своей политике принудительной интеграции. Эта политика имеет два аспекта. С одной стороны, для владельцев и жителей «хороших» районов и районов, которые сталкиваются с проблемой иммиграции, принудительная интеграция означает, что они должны без дискриминации принимать каждого иммигранта, в качестве туриста на дорогах общего пользования, покупателя, клиента, резидента или даже соседа. Правительство не разрешает им запретить впускать тех, кого они считают носителями нежелательного потенциального риска. С другой стороны, для владельцев и жителей «плохих» мест и районов (которые сталкиваются с эмиграцией, а не с иммиграцией), принудительная интеграция означает, что они лишены эффективной самозащиты. Вместо того, чтобы им позволили избавиться от преступлений путем изгнания известных преступников из их района, правительство заставило их жить в постоянной связи с агрессорами.

Результаты системы частных защитных страховщиков будут резко контрастировать с этими децивилизационными эффектами и тенденцией сохранения статистических преступлений. Безусловно, страховщики не смогут устранить различия между «хорошими» и «плохими» районами. На самом деле, эти различия могут даже стать более выраженными. Однако, благодаря росту цен на недвижимость и снижению расходов на защиту, страховщики будут способствовать тенденции к улучшению, поднимая и возвращая как хорошие, так и плохие районы. Таким образом, в хороших «кварталах» страховщики будут проводить политику выборочной иммиграции. В отличие от государств, они не будут игнорировать дискриминационные склонности застрахованных к иммигрантам. Наоборот, даже в большей степени, чем кто-либо из их клиентов, страховщики были бы заинтересованы в дискриминации, то есть

в допуске только тех иммигрантов, чье присутствие понижает риск преступлений и увеличивает стоимости имущества, и в исключении тех, чье присутствие ведет к более высоким рискам и понижению стоимости. То есть, вместо того чтобы ликвидировать дискриминацию, страховщики рационализируют и совершенствуют свою практику. На основании своих статистических данных о преступности и стоимости имущества, а также в целях снижения стоимости защиты и повышения стоимости имущества страховщики будут формулировать и постоянно совершенствовать различные ограничительные (исключающие) правила и процедуры, касающиеся иммиграции и иммигрантов, и, таким образом, рассчитывать стоимость иммиграции или исключения в каждом отдельном случае (в зависимости от размера рисков).

Аналогичным образом, в «плохих» районах интересы страховщиков и застрахованных будут совпадать. Страховщики не хотели бы подавлять склонность застрахованных к изгнанию известных преступников. Они рационализируют такие тенденции, предлагая выборочное снижение цен. Действительно, в сотрудничестве друг с другом страховщики хотели бы изгнать известных преступников не только из своего непосредственного соседства, но и из цивилизации в целом, в пустыню или открытые просторы джунглей Амазонки, Сахары или полярных регионов.

IX

Как насчет защиты от государства? Как страховщики защитят нас от государственной агрессии?

Прежде всего, важно помнить, что правительства как обязательные, финансируемые за счет налогов монополии по своей природе расточительны и неэффективны во всех своих действиях. Это также относится к технологиям и производству оружия, военной разведке и стратегии, особенно в наш век высоких технологий. Соответственно, государства не смогут конкурировать на одной территории с добровольно финансируемыми страховыми агентствами. Более того, наиболее важным и общим из ограничительных правил, касающихся иммиграции и

разработанных страховщиками методами для снижения стоимости защиты и увеличения стоимости имущества, будет правило, касающееся правительственных агентов. Государства по своей природе агрессивны и представляют постоянную опасность для каждого страховщика и застрахованного. Таким образом, страховщики, в частности, хотели бы исключить или жестко ограничить, в качестве потенциального риска безопасности, иммиграцию (территориальный въезд) всех известных государственных агентов, и они будут стимулировать застрахованных либо в качестве условия страхования, либо в виде более низкой стоимости услуг, исключать или строго ограничивать любой прямой контакт с любым известным государственным агентом, будь то посетитель, клиент, резидент или сосед. То есть везде, где действуют страховые компании (на всех свободных территориях), государственные агенты будут рассматриваться как нежелательные изгои, потенциально более опасные, чем любой обычный преступник. Соответственно, государства и их персонал смогут работать и проживать только в территориальном отделении от свободных территорий и на их границах. Кроме того, из-за сравнительно более низкой экономической производительности этатистских территорий правительства будут постоянно ослабевать в результате эмиграции своих наиболее продуктивных жителей.

Теперь по поводу того, что если такое правительство решит атаковать или вторгнуться на свободную территорию? Сделать это будет тяжелее, чем сказать. На кого и на что оно нападет? Не будет государственного противника. Существуют только владельцы частной собственности и их частные страховые агентства. Никто, а особенно страховщики не участвовали бы в провокациях или агрессии. Если бы была какая-либо агрессия или провокация против государства вообще, это было бы действием конкретного человека, и в этом случае интересы государства и страховых агентств полностью совпадали бы. Оба хотели бы, чтобы нападавший был наказан и понес ответственность за все убытки. Но без какого-либо врага-агрессора, как государство может оправдать нападение, не говоря уже о неизбирательной атаке? И, конечно, оно было бы должно оправдать свою агрессию, так как его власть все же зависит от

общественной поддержки, как объяснили Ла Боети, Юм, Мизес и Ротбард. Конечно, короли и президенты могут издать приказ о нападении, но для выполнения этого приказа должно быть множество людей, готовых выполнить этот приказ. Должны быть генералы, получающие и выполняющие приказ, солдаты, желающие идти убивать и быть убитыми, и отечественные производители, готовые продолжать производить средства для финансирования войны. Если бы эта согласованная готовность отсутствовала, потому что приказы государственных правителей были бы признаны нелегитимными, даже самое могущественное правительство оказалось бы неэффективным и распалось, как показали недавние примеры шаха Ирана и Советского Союза. Следовательно, с точки зрения руководителей государства, нападение на свободные территории будет считаться крайне рискованным. Никакие пропагандистские усилия, какими бы сложными они ни были, не заставили бы публику поверить, что нападение что-то иное, нежели агрессия против невинных жертв. В этой ситуации правители государства были бы рады сохранить монопольный контроль над своей нынешней территорией, а не рисковать потерять легитимность и всю свою власть в попытке территориальной экспансии.

Как бы маловероятно это ни было, но что, если государство все же напало и/или вторглось на свободную территорию? В этом случае агрессор не столкнется с безоружным населением. Только на государственных территориях гражданское население практически не вооружено. Государства повсюду стремятся разоружить своих граждан, чтобы они облагали их налогом и экспроприировать их имущество. В отличие от этого, страховщики на свободных территориях не хотели бы разоружать застрахованных. Они бы не могли этого сделать вовсе. Ибо кто хотел бы быть защищенным кем-то, кто требует от него в качестве первого шага отказаться от его собственных средств самообороны? Напротив, страховые агентства будут поощрять владение оружием среди своих застрахованных путем избирательного снижения цен.

В дополнение к противодействию вооруженных частных лиц, государство-агрессор столкнется с сопротивлением не только одного, но,

по всей вероятности, нескольких страховых агентств. В случае успешного нападения и вторжения эти страховщики столкнутся с необходимостью выплачивать крупные компенсации. Однако, в отличие от государства-агрессора, эти страховщики были бы эффективными и конкурентоспособными фирмами. При прочих равных условиях риск нападения и, следовательно, стоимость оборонного страхования будет выше в местах, расположенных в непосредственной близости от государственных территорий, чем в местах, удаленных от государств. Чтобы оправдать эту более высокую цену, страховщики должны будут продемонстрировать оборонительную готовность к любой возможной агрессии со стороны государства своим клиентам в форме разведывательных служб, владения подходящим оружием и материалами, а также наличия военного персонала и подготовки кадров. Другими словами, страховщики были бы эффективно экипированы и подготовлены к непредвиденным случаям нападения со стороны государства и были бы готовы ответить двойной стратегией. С одной стороны, если речь идет об их операциях на свободных территориях, страховщики будут готовы изгонять, захватывать или убивать каждого захватчика, пытаясь избежать или минимизировать весь сопутствующий ущерб. С другой стороны, если речь идет об их операциях на государственной территории, страховщики были бы готовы нанести удар по агрессору (государству). То есть страховщики будут готовы контратаковать и убивать, будь то высокоточным оружием дальнего действия или диверсионными отрядами, государственных агентов из верхней части правительственной иерархии короля, президента или премьер-министра и далее, стремясь избежать или минимизировать нанесение ущерба имуществу ни в чем не повинных гражданских лиц (негосударственных агентов). Тем самым они будут поощрять внутреннее сопротивление правительству агрессора, содействовать его делегитимизации и, возможно, спровоцировать освобождение и преобразование государственной территории в свободную страну.

Я прошелся по всем возможным ситуациям с моим аргументом. Во-первых, я показал, что идея защитного государства и государственной защиты частной собственности основана на фундаментальной теоретической ошибке и что эта ошибка имела катастрофические последствия: разрушение и отсутствие безопасности для всей частной собственности и вечная война. Во-вторых, я показал, что правильный ответ на вопрос о том, кто должен защищать владельцев частной собственности от агрессии, такой же, как и для производства любого другого товара или услуги: владельцы частной собственности и сотрудничество, основанное на разделении труда и конкуренции на рынке. В-третьих, я объяснил, как система частных страховщиков и риск потери прибыли могли бы эффективно минимизировать агрессию, будь то частных преступников или государства, и способствовать развитию цивилизации и вечного мира. Единственная нерешенная задача состоит в том, чтобы реализовать эти идеи: отозвать свое согласие и желание сотрудничать с государством и содействовать его делегитимизации в общественном мнении, чтобы убедить других сделать то же самое. Без ошибочного общественного восприятия и суждения о справедливости и необходимости государства, а также без добровольного сотрудничества общественности даже, казалось бы, самое могущественное правительство, распадется и его полномочия исчезнут. Освобожденные таким образом, мы вернем себе право на самооборону и сможем обратиться к освобожденным и нерегулируемым страховым агентствам за эффективной профессиональной помощью во всех вопросах защиты и разрешения конфликтов.

13. О невозможности ограниченного правительства и перспективе революции

В недавнем опросе людей разных национальностей спросили, насколько они гордятся тем, что они американцы, немцы, французы и т.д., и считают ли они, что мир станет лучше, если другие страны будут похожи на их собственные. Самыми высокими по национальной гордости странами были США и Австрия. Как бы ни было интересно рассмотреть случай Австрии, здесь я сосредоточусь на США и на вопросе о возможности оправдания американских претензий.

Далее я выделю три основных источника американской национальной гордости. Я буду утверждать, что первые два являются оправданными источниками гордости, в то время как третий фактически представляет с себя роковую ошибку. Наконец, я объясню, как можно исправить эту ошибку.

I

Первым источником национальной гордости является память о недалеком колониальном прошлом Америки.

Фактически, английские поселенцы, прибывающие в Северную Америку, были последним примером славных достижений того, что Адам Смит назвал «системой естественной свободы»: способность людей создавать свободное и процветающее содружество с нуля. Вопреки негативному описанию человеческой природы Гоббсом, английские поселенцы продемонстрировали не только жизнеспособность, но и динамичность, привлекательность негосударственного общества и анархо-капиталистического социального порядка. Они продемонстрировали, как, согласно взглядам Джона Локка, частная собственность возникла естественным образом благодаря первоначальному присвоению человека — его целенаправленному использованию и преобразованию ранее неиспользованной земли (дикой природы). Кроме того, они продемонстрировали, что на основе признания частной собственности, разделения труда и договорного обмена люди способны эффективно

защищать себя от антиобщественных агрессоров: прежде всего с помощью самообороны (тогда существовало меньше преступлений, чем сейчас), и по мере того, как общество становилось все более процветающим и сложным, посредством специализации, т.е. присутствием таких явлений, как реестры собственности, нотариусы, адвокаты, судьи, суды, присяжные, шерифы, ассоциации взаимной защиты и народные ополченцы. Более того, американские колонисты продемонстрировали фундаментальную социологическую важность института соглашения: объединения лингвистически, этнически, религиозно и культурно однородных поселенцев, возглавляемых и подчиняющихся внутренней юрисдикции популярного лидера-основателя для обеспечения мирного сотрудничества между людьми и поддержки закона и порядка.

II

Вторым источником национальной гордости является американская революция.

В Европе веками не было открытых границ, и явление внутриевропейской колонизации уже было в далеком прошлом. С ростом населения общества приобрели все более иерархическую структуру: свободных собственников и слуг, лордов и вассалов, правителей, королей. Несмотря на то, что так называемые феодальные общества средневековой Европы были явно более расслоенными и аристократическими, чем колониальная Америка, они также были типичными негосударственными общественными организациями. Государство в соответствии с общепринятой терминологией определяется как обязательный территориальный монополист правопорядка (лицо, принимающее окончательные решения). Феодалы и короли, как правило, не выполняли требований для создания государства: они могли «облагать налогом» только с согласия облагаемого налогом, и на своей собственной земле каждый свободный человек был таким же суверенным (высшим лицом, принимающим решения), как и феодальный король. Однако, в течение многих веков эти изначально негосударственные общества постепенно трансформировались в монархии абсолютной государственности. Хотя

первоначально они были добровольно признаны защитниками и судьями, европейским королям удалось все же утвердить себя в качестве наследных глав государств. В сопротивлении аристократии, но поддерживаемые «простыми людьми», они стали абсолютными монархами, обладающими властью облагать налогом без согласия и принимать окончательные решения относительно собственности свободных людей.

Эти европейские события оказали двойственное влияние на Америку. С одной стороны, Англией также управлял абсолютный король, по крайней мере, до 1688 года, и когда английские поселенцы прибыли на новый континент, правление короля было распространено на Америку. Однако, в отличие от основания поселенцами частной собственности и их частного добровольного и совместного производства безопасности и выполнения правосудия, создание королевских колоний и администраций не было результатом первоначального присвоения (гомстеда) или контракта. Фактически, английский король даже никогда не ступал на американскую землю, но при этом вел политику узурпации Америки.

С другой стороны, поселенцы завезли с собой идеи, возникшие еще в Европе. Там феодализму и королевскому абсолютизму сопротивлялась не только аристократия, но и теоретически ей противостояла теория естественных прав, возникшая в схоластической философии. Согласно этой доктрине, правительство должно было быть договорным, и каждый правительственный агент, включая короля, подчинялся тем же универсальным правам и законам, что и все остальные. Хотя и это, возможно, имело место в более ранние времена, все равно больше не относится к современным абсолютным королям. Абсолютные короли были узурпаторами прав человека и, следовательно, были нарушителями прав. Следовательно, восстание было не только дозволено, а стало обязанностью, санкционированной естественным правом.

Американские колонисты были знакомы с учением о естественных правах. На самом деле, в свете своего личного опыта, связанного с достижениями и последствиями естественной свободы, и в качестве религиозных диссидентов, покинувших свою родную страну в

несогласии с королем и Англиканской церковью, они были особенно восприимчивы к этой доктрине.

Осведомленные о доктрине естественных прав, поощряемые большим расстоянием от английского короля и стимулируемые пуританским осуждением королевской праздности, роскоши и пышности, американские колонисты восстали, чтобы освободиться от британского правления. Как писал Томас Джефферсон в Декларации независимости, было создано правительство для защиты жизни, свободы и стремления к счастью. Оно получило свою легитимность с согласия управляемых. Напротив, королевское британское правительство утверждало, что оно может облагать налогом колонистов без их согласия. Джефферсон заявил, что если правительство не сможет сделать то, для чего оно предназначено, «право народа изменить или упразднить его и учредить новое правительство, основывающее себя на таких принципах и организующее свои полномочия в такой форме, в которой оно, скорее всего, положительно повлияет на их безопасность и счастье».

III

Но каков был следующий шаг после обретения независимости от Британии? Этот вопрос приводит к третьему источнику национальной гордости – американской Конституции, и объяснению того, почему эта конституция не является причиной для гордости, а представляет из себя роковую ошибку.

Благодаря огромным достижениям в экономической и политической теории с конца 1700-х годов, в частности благодаря Людвигу фон Мизесу и Мюррею Н. Ротбарду, мы теперь можем дать точный ответ на этот вопрос. По словам Мизеса и Ротбарда, когда больше не будет свободного входа в бизнес по производству защиты и судебных решений, цена защиты и справедливости повысится, а их качество упадет. Вместо того, чтобы быть защитником и судьей, обязательный монополист станет рэкетиром: захватчиком людей и собственности, которых он должен был защищать, поджигателем войны и империалистом. Действительно, завышенная цена защиты и извращение древнего закона английским

королем, что привело к восстанию американских колонистов, было неизбежным результатом принудительной монополии. Успешно отделившись и изгнав британских оккупантов, американским колонистам было бы необходимо лишь позволить существовать отечественным институтам самообороны и частной (добровольной и совместной) защиты и судебных решений, специализированные агенты и учреждения позаботились бы о законе и порядке.

Однако этого не произошло. Американцы не только не позволили унаследованным королевским институтам колоний и колониальным правительствам исчезнуть в забвении; они воссоздали их в рамках старых политических границ в форме независимых государств, каждое из которых имело свои собственные принудительные (односторонние) налоговые и законодательные полномочия? Хотя это было уже достаточно плохо, американцы усугубили положение, приняв американскую конституцию и заменив свободную конфедерацию независимых штатов центральным (федеральным) правительством Соединенных Штатов.

Эта Конституция предусматривала замену избираемого короля на избираемых народом парламент и президента, но она ничего не изменила в отношении их полномочий облагать налогами и издавать законы. Напротив, в то время как право английского короля облагать налогом без согласия только предполагалось, а не было явно указано, и, таким образом, являлось предметом спора, Конституция прямо предоставила эту самую власть Конгрессу. Кроме того, в то время как короли, теоретически даже абсолютные короли, не рассматривались как создатели, а лишь толкователи и исполнители существовавшего и неизменного закона, т.е. как судьи, а не законодатели, Конституция прямо наделила Конгресс правом законодательной власти, а президент и Верховный суд получили право исполнять и толковать такие законы.

По сути, американская Конституция заключалась лишь в следующем: вместо короля, который считал колониальную Америку своей частной собственностью, а колонистов – его арендаторами, Конституция возложила обязательство защиты правопорядка на временных и

взаимозаменяемых лиц. Эти опекуны не владели страной, но, находясь на своем посту, они могли использовать ее и ее жителей в своих интересах и в интересах своих ставленников. Однако, как предсказывает элементарная экономическая теория, эта институциональная структура не устранила склонность монополиста правопорядка к личному интересу усиления эксплуатации. Наоборот, это только делает его эксплуатацию менее расчетливой, более близорукой и расточительной. Как объяснил Ротбард:

в то время как частный владелец, охраняющий свою собственность и владеющий ее капитальной стоимостью, планирует использовать свой ресурс в течение длительного периода времени, государственный служащий должен доить имущество как можно быстрее, поскольку у него нет гарантии собственности ... правительственные чиновники владеют использованием ресурсов, но не их капитальной стоимостью (за исключением случая «частной собственности» наследственного монарха). Когда владельцем может контролироваться только текущее пользование, но не сам ресурс, это быстро приведет к неэкономичному истощению ресурса, поскольку его сохранение в течение долгого периода времени не принесет пользы, а цель каждого временного владельца – использовать его как можно быстрее ... Частное лицо, находящееся в безопасности в своей собственности и со своим капитальным ресурсом, может смотреть на происходящее в долгосрочной перспективе, поскольку оно хочет сохранить стоимость своего ресурса. А государственному чиновнику нужно грабить собственность, пока он все еще находится в органах управления.

Более того, поскольку в Конституции прямо предусмотрено «открытый вход» в правительство, любой может стать членом Конгресса, президентом или судьей Верховного суда, и сопротивление вторжениям государства уменьшилось; и в результате «открытого политического соревнования» вся структура характера общества стала искаженной, и все больше и больше плохих лиц поднимались вверх. Свободный вход и конкуренция не всегда хорошее дело. Конкуренция в производстве благ

хороша, но конкуренция в производстве вреда нет. Например, свободная конкуренция в убийстве, краже, подделке или мошенничестве не годится. И все же это именно то, что устанавливается открытой политической конкуренцией, то есть демократией.

В каждом обществе существуют люди, которые жаждут собственности другого человека, но в большинстве случаев люди учатся не реагировать на это желание и стыдятся его чувствовать. В частности, в анархо-капиталистическом обществе любой, кто действует по такому желанию, считается преступником и подавляется физическим насилием. При монархическом правлении, напротив, только один человек – король может действовать по желанию собственности другого человека, и именно это делает его потенциальной угрозой. Однако, поскольку только он может экспроприировать, в то время как всем остальным запрещено делать то же самое, каждое действие короля будет восприниматься с величайшим подозрением. Более того, выбор короля происходит по его благородному происхождению. Его характерная особенность – воспитание в качестве будущего короля, хранителя династии и ее владений. Это не гарантирует, что он не будет плохим, конечно. Однако в то же время это не исключает того, что король может быть на самом деле безобидным дилетантом или даже порядочным человеком.

В противоположность этому, освобождая доступ к правительству, Конституция разрешает каждому открыто выражать свое стремление к собственности других людей; действительно, благодаря конституционной гарантии «свободы слова» каждый защищен в этом желании. Более того, каждому разрешено действовать по этому желанию при условии, что он получит войдет в правительство; следовательно, согласно Конституции, каждый человек становится потенциальной угрозой.

Конечно, есть люди, у которых нет желания обогащаться за счет других и господствовать над ними, то есть люди, которые хотят только работать, производить и наслаждаться плодами своего труда. Однако, если политика приобретения товаров политическими средствами (налогообложением и законодательством) разрешена, даже эти безобидные

люди будут серьезно затронуты. Чтобы защитить себя от посягательств на свою свободу и собственность со стороны тех, у кого меньше моральных сомнений, даже эти честные, трудолюбивые люди должны стать «политическими животными» и тратить все больше времени и энергии на развитие своих политических навыков. Принимая во внимание, что характеристики и таланты, необходимые для политического успеха – красивая внешность, общительность, ораторские умения, харизма и т.д. распределены среди людей неравномерно, то те, у кого есть эти особые характеристики и навыки, будут иметь весомое преимущество в борьбе по сравнению с теми, у кого их нет.

Хуже того, учитывая, что в каждом обществе больше «неимущих», чем «имущих», у политически одаренных людей, которые почти или совсем не запрещают захватывать собственность и господствовать над ней, будет явное преимущество перед теми, кто имеет сомнения. То есть открытая политическая конкуренция благоприятствует агрессивным (и, следовательно, опасным), а не оборонительным (и, следовательно, безвредным) политическим талантам и, таким образом, приводит к развитию и совершенствованию своеобразных навыков демагогии, обмана, лжи, оппортунизма, коррупции и взяточничества. Вступление в правительство и успехи в нем будут становиться все более невозможными для любого человека, которому препятствуют моральные угрызания совести против лжи и воровства. В отличие от тогдашних королей, конгрессмены, президенты и судьи Верховного суда не получают свои должности волей случая. Скорее, они достигают своей должности в качестве морально свободных демагогов. Более того, даже вне сферы правительства, внутри гражданского общества, люди будут все чаще подниматься к вершине экономического и финансового успеха не благодаря своим производственным или предпринимательским талантам, или даже превосходным защитным политическим талантам, а скорее благодаря превосходным навыкам недобросовестной политической пропаганды и лоббирования. Таким образом, Конституция фактически гарантирует, что исключительно опасные люди поднимутся до вершины

государственной власти и что моральное поведение и этические нормы будут иметь тенденцию к снижению и ухудшению повсюду.

Более того, конституционно обеспеченное «разделение властей» не имеет значения в этом отношении. Две или даже три ошибки не защищают право лучше. Напротив, они приводят к распространению, накоплению, усилению и усугублению ошибок. Законодатели не могут навязывать свою волю незадачливым подданным без сотрудничества президента как главы исполнительной власти, а президент в свою очередь использует свое положение и имеющиеся у него ресурсы для влияния на законодателей и законодательство. И хотя Верховный суд может не соглашаться с конкретными актами Конгресса или президента, судьи Верховного суда назначаются президентом и утверждаются Сенатом и остаются зависимыми от них в отношении финансирования. Будучи неотъемлемой частью института управления, они не заинтересованы в ограничении, а заинтересованы в расширении власти правительства и, следовательно, своей собственной власти.

IV

После более чем двух веков «конституционно ограниченного правительства» результаты стали ясными и неопровержимыми. В начале американского «эксперимента» налоговое бремя, наложенное на американцев, было легким, и практически ничтожным. Деньги состояли из фиксированного количества золота и серебра. Определение частной собственности было четким и, казалось бы, неизменным, а право на самооборону считалось священным. Постоянной армии не существовало, и, как отмечается в «Прощальном послании» Вашингтона, у общества было твердое стремление к свободной торговле и неинтервенционистской внешней политике. Спустя двести лет положение резко изменилось. Теперь правительство США из года в год экспроприирует более 40 процентов доходов частных производителей, поэтому даже экономическое бремя, налагаемое на рабов и крепостных, кажется умеренным по сравнению с этим. Золото и серебро были заменены государственными бумажными деньгами, а американцев постоянно обворовывают из-за денежной

инфляции. Понятие частной собственности, когда-то казавшееся ясным и постоянным, стало неясным, гибким и изменчивым. Фактически, каждая деталь частной жизни, собственности, торговли и договора регулируется и все более высокими горами бумажных законов, а с ростом законодательства возникает все больше правовой неопределенности и моральных неточностей, а беззаконие заменяет закон и порядок. Наконец, что не менее важно, приверженность свободной торговле и невмешательству уступила место политике протекционизма, милитаризма и империализма. Фактически, почти с самого начала правительство США занималось неослабевающим агрессивным экспансионизмом и, начиная с испано-американской войны и продолжая после Первой мировой войны и Второй мировой войны до настоящего времени, США запутались в сотнях иностранных конфликтов и поднялись до уровня самой выдающейся в мире воинственной и империалистической державы. Кроме того, в то время как американские граждане становятся все более беззащитными и обнищавшими, а иностранцы во всем мире все больше подвергаются угрозам и издевательствам со стороны военной мощи США, американские президенты, члены Конгресса и судьи Верховного суда становятся все более высокомерными, морально испорченными и опасными.

Что можно поделать с таким положением вещей? Во-первых, американская конституция должна быть признана ошибкой. Как отмечалось в Декларации независимости, правительство должно защищать жизнь, собственность и стремление к счастью. Тем не менее предоставляя правительству полномочия облагать налогами и издавать законы без согласия народа, Конституция не может достичь этой цели и вместо этого является инструментом для вторжения и уничтожения прав на жизнь, свободу и стремления к счастью. Абсурдно полагать, что агентство, которое может облагать налогом без согласия, может быть защитником собственности. Точно так же абсурдно полагать, что агентство с законодательными полномочиями может сохранять закон и порядок. Скорее, следует признать, что Конституция сама по себе является неконституционной, то есть несовместимой с самой доктриной естественных прав человека, которая вдохновляла американскую

революцию. Действительно, никто в здравом уме не согласился бы на договор, который позволяет предполагаемому защитнику определять в одностороннем порядке, без согласия, безвозвратно и без возможности выхода то, сколько платить за защиту; и никто в здравом уме не согласится на безотзывный договор, который предоставит предполагаемому защитнику право окончательного принятия решений в отношении своей личности и имущества, то есть одностороннего принятия закона.

Во-вторых, необходимо предложить позитивную и вдохновляющую альтернативу существующей системе.

Хоть и важно сохранить память о прошлом Америки как страны первооткрывателей, реализовавших эффективную анархо-капиталистическую систему, основанную на самообороне и народных ополчениях, мы не можем вернуться к феодальному прошлому или времени американской революции. И все же ситуация не безнадежна. Несмотря на неуклонный рост этатизма в течение последних двух столетий, экономическое развитие продолжалось, и наш жизненный уровень достиг впечатляющих новых высот. В этих условиях появился совершенно новый вариант защиты: обеспечение законности и порядка со стороны свободно конкурирующих между собой страховых агентств.

Несмотря на препятствия со стороны государства, даже сейчас страховые агентства защищают владельцев частной собственности застраховывая их от множества стихийных и социальных бедствий, от наводнений и ураганов, до краж и мошенничества. Таким образом, казалось бы, что обеспечение безопасности и защиты является самой целью страхования. Более того, люди не обращались бы просто к кому-либо за такой важной услугой, как защита. Скорее, как заметил де Молинари,

прежде чем заключить сделку с производителем безопасности, ... он проверит, действительно ли производитель достаточно силен, чтобы защитить его ... и таков ли его характер, что им не придется беспокоиться о подстрекательстве к агрессии с его стороны.

В этом отношении страховые агентства также, кажется, отвечают всем требованиям. Они «большие» и владеют физическими и человеческими ресурсами, необходимыми для выполнения задачи борьбы с реальными или потенциальными опасностями реального мира. Действительно, страховщики действуют в национальном или даже международном масштабе, и они владеют значительным количеством имущества, рассредоточенного по широким территориям за пределами границ отдельных государств, и, таким образом, имеют явную заинтересованность в эффективной защите. Кроме того, все страховые компании связаны сложной сетью договорных соглашений о взаимной помощи и арбитраже, а также системой международных перестраховочных агентств, представляя объединенную экономическую силу, которая превосходит большинство, если не все современные правительства, и они приобрели эту позицию благодаря их репутации эффективного, надежного и честного бизнеса.

Хотя этого может быть достаточно для создания страховых агентств в качестве возможной альтернативы роли, выполняемой в настоящее время государствами в качестве поставщиков правопорядка, требуется более подробное изучение, чтобы продемонстрировать принципиальное превосходство такой альтернативы. Для этого необходимо признать, что страховые агентства не могут ни облагать налогами, ни издавать законы; то есть отношения между страховщиком и застрахованным лицом являются согласованными. Оба свободны сотрудничать или не сотрудничать, и этот факт имеет важные последствия. В связи с этим страховые агентства категорически отличаются от государств.

Преимущества использования страховых агентств для обеспечения безопасности и защиты заключаются в следующем. Во-первых, конкуренция между страховщиками за плату клиентов вызовет тенденцию к постоянному падению цены защиты (стоимости страховки), что сделает защиту более доступной. Напротив, монопольный защитник, который может облагать налогом охраняемых, будет взимать более высокую плату за свои услуги.

Во-вторых, страховщики должны возмещать средства своим клиентам в случае фактического ущерба; следовательно, они должны работать эффективно. Что касается, в частности, социальных катастроф (преступлений), это означает, что страховщик должен быть прежде всего заинтересован в эффективном предотвращении их, поскольку, если он не сможет предотвратить преступление, ему придется выплатить компенсацию. Кроме того, если преступное деяние невозможно предотвратить, страховщик по-прежнему захочет вернуть украденное, задержать правонарушителя и привлечь его к ответственности, поскольку так страховщик может снизить свои издержки и принудить преступника оплатить ущерб и стоимость возмещения. В отличие от этого, поскольку государства-монополисты не возмещают ущерб жертвам и поскольку они могут прибегать к налогообложению в качестве источника финансирования, у них практически нет стимулов для предотвращения преступлений или для поимки преступников. Если им удастся задержать преступника, они, как правило, вынуждают жертву платить за тюремное заключение, тем самым только оскорбляют ее.

В-третьих, и это самое главное, поскольку отношения между страховщиками и их клиентами являются добровольными, страховщики должны принимать частную собственность в качестве конечного «данного», а права на частную собственность как неизменный закон. То есть, чтобы привлечь или удержать платящих клиентов, страховщики должны будут предложить контракты с указанными описаниями имущества, размерами выплат, правилами процедур, доказательств, компенсации, возмещения ущерба и наказания, а также внутри- и межведомственного разрешения конфликтов и арбитражных процедур. Более того, из устойчивого сотрудничества между различными страховщиками в межведомственном арбитражном процессе возникнет тенденция к унификации права – по-настоящему универсального или «международного» права. Таким образом, каждый в силу своей страховки будет вовлечен в глобальные конкурентные усилия по минимизации конфликтов и агрессии; каждый отдельный конфликт и ущерб, независимо от того, где и кем или против кого он произошел, попадет под юрисдикцию

ровно одного или нескольких конкретных страховых агентств и их договорно согласованных арбитражных процедур, создавая тем самым «совершенную» правовую определенность. В отличие от этого, поскольку государства-монополисты, финансируемые за счет налогов, не предлагают потребителям защиты никакого контракта на обслуживание. Вместо этого они действуют в договорном вакууме, который позволяет им придумывать и изменять правила игры по мере их продвижения. Что наиболее примечательно, в то время как страховщики должны подчиняться независимым сторонним арбитрам и арбитражным процессам, чтобы привлечь добровольно оплачивающих клиентов, государства, поскольку они тоже допускают арбитраж, назначают эту задачу другому финансируемому государством и зависящему от него судье.

Дальнейшие последствия этого фундаментального контраста между страховщиками как договорными институтами против государств как неконтрактных поставщиков безопасности заслуживают особого внимания.

Поскольку они не подчиняются никому и не связаны контрактами, государства, как правило, запрещают владение оружием своими «клиентами», что повышает их собственную безопасность за счет того, что их предполагаемые клиенты становятся беззащитными. Напротив, ни один добровольный покупатель страховой защиты не согласился бы на договор, который требовал бы от него отказаться от своего права на самооборону и быть безоружным или иным образом беззащитным. Наоборот, страховые агентства будут поощрять владение оружием и другими защитными средствами среди своих клиентов путем выборочного снижения цен, потому что, чем лучше будет частная защита их клиентов, тем ниже будут их расходы на защиту и компенсации.

Более того, поскольку они не действуют в условиях договора и не зависимы от добровольных платежей, государства произвольно определяют и пересматривают то, что является, а что не является наказуемой «агрессией», и что требует или не требует компенсации. Например, введя пропорциональный или прогрессивный подходящий

налог и перераспределив доходы между богатыми и бедными, государства фактически определяют богатых как агрессоров, а бедных как их жертв. (Иначе, если богатые не были бы агрессорами, а бедные не были бы их жертвами, то как можно было оправдать экспроприацию чего-то от первого лица и передачу этого второму?) Или, приняв позитивно-дискриминационные законы, государства фактически определяют белых и мужчин как агрессоров и черных и женщин как их жертв. Для страховых агентств такое деловое поведение было бы невозможным по двум фундаментальным причинам.

Во-первых, каждая страховка включает в себя объединение определенных рисков в классы рисков. Это означает, что некоторым застрахованным будет выплачено больше компенсаций, чем они заплатили взносов, а другим – меньше. Однако, это имеет решающее значение, никто не знает заранее, кто будет «победителем», а кто «проигравшим». Победители и проигравшие, а также любое перераспределение доходов будут распределены случайным образом. В противном случае, если бы можно было систематически прогнозировать победителей и проигравших, проигравшие не захотели бы объединять свой риск с победителями, а только с другими проигравшими, потому что это снизило бы их страховые выплаты.

Во-вторых, невозможно застраховать себя от любого возможного риска. Скорее, можно застраховать себя только от «несчастных случаев», т.е. рисков, над исходом которых застрахованный не имеет никакого контроля. Так, например, можно застраховать себя от риска гибели или пожара, но невозможно застраховать себя от риска самоубийства или поджога собственного дома. Точно так же невозможно застраховать себя против риска провала бизнеса, безработицы, бедности, нежелания вставать по утрам с постели, нелюбви к своим соседям, собратьям или начальству, потому что в каждом из этих случаев каждый имеет либо полный, либо частичный контроль над рассматриваемым событием. То есть человек может влиять на вероятность риска. По своей природе предотвращение таких рисков относится к сфере индивидуальной ответственности, и любое учреждение, принявшее на себя страхование такого типа рисков,

немедленно обанкротится. Что наиболее важно для обсуждаемого предмета, это то, что отдельные действия и чувства (в отличие от несчастных случаев) не поддаются страховке, подразумевает, что также невозможно застраховаться от риска ущерба, который является результатом предшествующей агрессии или провокации. Скорее, каждый страховщик должен ограничивать действия своих клиентов, чтобы исключить любую агрессию и провокации с их стороны. То есть любое страхование от социальных бедствий, таких как преступление, должно зависеть от того, что застрахованный подчиняется указанным нормам неагрессивного цивилизованного поведения.

Соответственно, в то время как государства будучи монопольными защитниками могут участвовать в политике перераспределения, приносящей пользу одной группе людей за счет другой, и в то время как в качестве агентств, поддерживаемых налогами, они могут даже страховать провокаторов и агрессоров, добровольно финансируемые страховщики не могут делать ничего подобного. Конкуренция между страховщиками исключает любую форму перераспределения доходов и богатства между различными группами застрахованных, поскольку компания, занимающаяся такой практикой, потеряла бы клиентов в пользу других компаний. Скорее, каждый клиент будет платить исключительно за собственные риски, соответствующие рискам определенной категории людей. И при этом добровольно финансируемые страховщики не смогут «защитить» человека от последствий его собственных ошибочных, глупых рисков, рискованного, агрессивного поведения или настроения. Конкуренция между страховщиками вместо этого будет систематически поощрять индивидуальную ответственность, и любой известный провокатор и агрессор будет исключен из списка клиентов как большой страховой риск и будет признан экономически изолированным, слабым и уязвимым изгоем.

Наконец, что касается внешних отношений, поскольку государства могут переносить стоимость своих собственных действий на несчастных налогоплательщиков, они постоянно склонны становиться

агрессорами и разжигателями войны. Соответственно, они стремятся финансировать и разрабатывать оружие массового уничтожения. В отличие от этого, страховщикам будет запрещено участвовать в любой форме внешней агрессии, поскольку любая агрессия является дорогостоящей и требует более высоких страховых взносов, что подразумевает потерю клиентов в пользу неагрессивных конкурентов. Страховщики будут заниматься исключительно оборонительным насилием, и вместо приобретения оружия массового уничтожения они будут склонны вкладывать средства в разработку оружия защиты и целенаправленного возмездия.

V

Несмотря на то, что нам все это ясно, как мы сможем добиться такой фундаментальной конституционной реформы? Страховые агентства в настоящее время ограничены бесчисленными правилами, которые не позволяют им делать то, что они могли бы. Как они могут быть освобождены от этих правил?

По сути, ответ на этот вопрос тот же, что был дан американскими революционерами более двухсот лет назад: путем создания свободных территорий и путем отделения.

Фактически сегодня в демократических условиях этот ответ даже более правдив, чем во времена королей. Ибо тогда, в монархических условиях, сторонники антиэтатистской либерально-либертарианской социальной революции имели возможность ее провести. Либертарианцы в прежние времена часто верили в возможность просто обратиться к королю к своим взглядам, иницировав тем самым «революцию сверху». Для этого не требовалась массовая поддержка, хватало только понимания просвещенного принца. Как бы реалистично это ни было тогда, сегодня эта стратегия социальной революции невозможна. В наши дни политические лидеры отбираются в соответствии с их демагогическими талантами и проверенными репутациями привычных аморалистов, как было объяснено выше; следовательно, вероятность перехода их в либерально-либертарианские взгляды должна рассматриваться меньше, чем

возможность преобразования царя, который просто унаследовал положение. Более того, государственная монополия защиты в настоящее время считается общественной, а не частной собственностью, и государственное управление больше не привязано к конкретному лицу, а к конкретным функциям, выполняемым анонимными управляющими. Следовательно, стратегия изменения взглядов одного или нескольких человек больше не может работать. Неважно, если кто-то преобразует нескольких высокопоставленных правительственных чиновников, например, президента и некоторых ведущих сенаторов или судей, потому что в рамках правил демократического правительства ни один человек не может отказаться от монополии правительства на защиту. Короли имели эту власть, а президенты – нет. Президент может уйти в отставку со своего поста только после того, как кто-то другой его возглавит. Он не может распустить монополию государственной защиты, потому что в соответствии с правилами демократии «общество», а не выборные представители, считается «владельцем» правительства.

Таким образом, вместо реформирования сверху вниз, в текущих условиях, стратегия должна быть революцией снизу вверх. Поначалу может показаться, что этот вывод делает задачу либерально-либертарианской социальной революции невозможной. Разве это не означает что нужно убедить большинство населения голосовать за отмену демократии и прекращение всех налогов и законодательства? И разве это не чистая фантазия, учитывая, что массы всегда скучные и ленивые, а тем более, что демократия, как объяснялось выше, способствует моральному и интеллектуальному вырождению? Как можно ожидать, что большинство все более деградирующих людей, привыкших к «праву» голосовать, когда-либо добровольно откажутся от возможности грабежа чужой собственности? Говоря таким образом, нужно признать, что перспектива социальной революции действительно должна рассматриваться как практически нулевая. Скорее, только во втором взгляде, рассматривании отделения как неотъемлемой части любой стратегии снизу вверх, задача либерально-либертарианской революции не представляется невозможной, даже если она все еще остается сложной.

Как отделение вписывается в стратегию социальной революции снизу вверх? Что еще более важно, как сепаратистское движение может избежать судьбы Южной Конфедерации, которая была раздавлена тираническим и опасно вооруженным центральным правительством?

В ответе на эти вопросы прежде всего необходимо помнить, что ни первоначальная американская революция, ни Конституция не были результатом воли большинства населения. Треть американских колонистов были на самом деле лояльны к Английскому правительству, а треть была занята повседневными делами, и им было все равно. Не более трети колонистов были на самом деле приверженцами революции и поддерживали ее. А что касается Конституции, то подавляющее большинство американской общественности было против ее принятия, и ее ратификация представляла собой скорее государственный переворот крошечным меньшинством, чем общую волю. Все революции, хорошие или плохие, начинаются меньшинствами; и сепаратистский путь к социальной революции, в которую обязательно включен отрыв меньшего числа людей от большего, требует явного осознания этого важного факта.

Во-вторых, необходимо признать, что окончательная власть каждого правительства, будь то короли или смотрители, зависит исключительно от общественного мнения, а не от физической силы. Агенты правительства никогда не превышают небольшую долю всего населения, находящегося под их контролем. Это подразумевает, что ни одно правительство не сможет навязать свою волю всему населению, если оно не найдет широкую поддержку и добровольное сотрудничество с неправительственной общественностью. Это также подразумевает, что любое правительство может быть свергнуто простым изменением общественного мнения, то есть отказом от согласия и сотрудничества общественности. И хотя, несомненно, верно, что после более чем двух веков демократии американская общественность стала настолько выродившейся, морально и интеллектуально, что любой такой вывод должен считаться невозможным в общенациональном масштабе, не кажется непреодолимо трудным завоевать мнение настроенного сепаратизмом большинства в достаточно небольших районах или регионах

страны. Фактически, учитывая энергичное меньшинство интеллектуальных элит, вдохновленное видением свободного общества, в котором закон и порядок обеспечивают конкурентные страховщики, и, более того, учитывая это в США, которые обязаны своим существованием сепаратистскому акту сецессии, все еще считается законным и в соответствии с «первоначальным» демократическим идеалом самоопределения (а не правления большинства) значительного числа людей, кажется, что нет ничего нереального в предположении, что такое сепаратистское большинство существует или может быть создано в сотнях мест по всей стране. Фактически, при довольно реалистичном предположении того, что центральное правительство США, а также социал-демократические государства Запада в целом обречены на экономическое банкротство (во многом подобно тому, как «народные демократии» стран Востока распались экономически около десяти лет назад), нынешние тенденции к политической дезинтеграции, вероятно, будут усиливаться в будущем. Соответственно, число потенциальных сепаратистских регионов будет продолжать расти.

Наконец, понимание широко распространенного и растущего сепаратистского потенциала также позволяет ответить на последний вопрос, касающийся опасностей подавления со стороны центрального правительства.

Хотя в этом отношении важно помнить о сепаратистском прошлом США, для успеха либерально-либертарианской революции еще важнее избежать ошибок второй неудачной попытки отделения. К счастью, проблема рабства, которая усложнила и затмила ситуацию в 1861 году, была решена. Однако, другой важный урок должен быть извлечен из сравнения неудавшегося второго американского эксперимента отделения с успешным первым.

Первому американскому отделению значительно способствовал тот факт, что в центре власти, в Британии, общественное мнение относительно сепаратистов едва ли было единым. Фактически, многие видные британские деятели, такие как Эдмунд Берк и Адам Смит,

например, открыто сочувствовали сепаратистам. Помимо чисто идеологических причин, которые редко затрагивают больше, чем горстку философских умов, это отсутствие единой оппозиции американским сепаратистам в британском общественном мнении можно объяснить двумя дополнительными факторами. С одной стороны, существовало множество региональных и культурно-религиозных связей, а также личных и семейных связей между Великобританией и американскими колонистами. С другой стороны, американские события считались далекими от дома, а потенциальная потеря колоний экономически незначительной. В обоих случаях ситуация в 1861 году была совершенно иной. Безусловно, в центре политической власти, которая переместилась в северные штаты США, мнение о сепаратистской Южной Конфедерации не было едино, и у Конфедерации также были сторонники на Севере. Однако между американским Севером и Югом существовало меньше культурных и родственных связей, чем между Великобританией и американскими колонистами, а отделение Южной Конфедерации охватило примерно половину территории и треть всего населения США и, таким образом, принесло революцию к порогу северян и нанесло им большой экономический ущерб. Поэтому северной властной элите было сравнительно легче сформировать единый фронт «прогрессивной» культуры янки по сравнению с культурно отсталыми и «реакционными» дикси.

Таким образом, в свете этих соображений представляется стратегически целесообразным не предпринимать попыток повторить то, что в 1861 году столь болезненно провалилось для всего Юга, пытающегося покончить с тиранией Вашингтона. Образец сецессий должен быть взят из европейского средневековья, когда примерно с двенадцатого до семнадцатого века (с появлением современного центрального государства) Европа характеризовалась существованием сотен свободных и независимых городов, вкрапленных в преимущественно феодальную социальную структуру. Выбрав эту модель и стремясь создать множество территориально разьединенных свободных городов – аналогов Гонконга, Сингапура, Монако и Лихтенштейна, разбросанных по всему

континенту, две основных цели, недостижимых без этого, можно выполнить. Во-первых, помимо признания того факта, что либерально-либертарианский потенциал распределен крайне неравномерно по всей стране, такая стратегия выхода по частям делает отделение менее угрожающим в политическом, социальном и экономическом плане. Во-вторых, осуществляя эту стратегию одновременно во многих местах по всей стране, центральному государству становится чрезвычайно трудно создать единую оппозицию в общественном мнении сепаратистам, которая обеспечила бы уровень поддержки населения и добровольное сотрудничество, необходимое для успешного разгона.

Если мы добьемся успеха в этом начинании, мы сможем перейти к тому, чтобы вернуть всю государственную собственность в соответствующие частные руки и принять новую «конституцию», которая объявляет все налогообложение и законодательство впредь незаконным, и если мы наконец позволим страховым агентствам делать то, что им суждено делать, мы снова сможем по-настоящему гордиться и оправданно заявлять о том, что Америка является примером для остального мира.